

И508340

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФИЯ

А. И. ПУТРО

Левобережная
Украина
в составе
Российского государства
во второй половине
XVIII века

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФИЯ

А. И. ПУТРО

**Левобережная
Украина
в составе
Российского государства
во второй половине
XVIII века**

Некоторые вопросы
социально-экономического
и общественно-
политического развития

Киев
Головное издательство
издательского объединения
„Вища школа”
1988

Рецензенты: д-р ист. наук, проф. И. Г. Шульга (Винницкий пединститут), канд. ист. наук В. И. Борисенко (Институт истории АН УССР)

Редакция литературы по истории и праву
Редактор З. В. Макуха

Путро А. И.

П 90 Левобережная Украина в составе Российского государства во второй половине XVIII в. (Некоторые вопросы социально-экономического и общественно-политического развития). — К.: Выща шк. Головное изд-во, 1988. — 142 с.

ISBN 5-11-001254-7

В книге исследуется проблема социально-экономического и общественно-политического развития Левобережной Украины в период разложения феодально-крепостнического строя. Показан процесс превращения казацкой старшины в дворянство, закрепощения крестьянско-казацких масс, их обезземеливания и имущественного расслоения. Раскрывается социальная сущность старшинской господствующей верхушки, прослеживается юридическое оформление уже фактически сложившихся к тому времени крепостнических отношений.

В работе широко использованы еще не введенные в научный оборот архивные источники, что значительно расширяет источниковедческую базу разрабатываемой проблемы.

Для преподавателей, аспирантов, студентов исторических вузов.

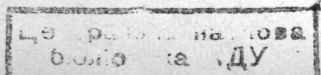
П 0505040000-253 КУ-№1-224-1988
M211 (04) -88

ББК 63.3(2 Ук) 46

ISBN 5-11-001254-7

М508340

©Издательское объединение
„Выща школа“, 1988

ВВЕДЕНИЕ

Решения XXVII съезда КПСС нацеливают советских историков на создание глубоких научных исследований¹, всестороннее изучение актуальных проблем отечественной истории. В свете поставленных партией задач перед советской исторической наукой одним из важных направлений деятельности исследователей феодальной формации является выявление общих закономерностей и особенностей социально-экономического и политического развития многонационального феодального русского государства. Особое место в изучении данной проблемы занимает вторая половина XVIII в., когда в недрах феодально-крепостнического хозяйства России складывается капиталистический уклад. Ведущая роль в его формировании принадлежала, конечно, промышленности. Но немаловажное значение имело и сельское хозяйство – основная сфера феодального производства. Изучение изменений, происходивших в сельском хозяйстве, поможет глубже раскрыть механизм такого сложного и во многом противоречивого социально-экономического явления, как разложение феодальных отношений и переход к капитализму. Экономическая структура последнего, как известно, выросла из экономической структуры феодального общества². Хотя на пути развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве стояла феодальная собственность на землю и аграрный строй дореформенной России сохранял свою феодальную сущность, тем не менее преобразующее воздействие нового способа производства в известной мере сказывалось уже и в деревне. Более того, изменения, происходившие в сельском хозяйстве аграрной России во второй половине XVIII в., во многом непосредственно определяли постепенную ликвидацию феодально-крепостнических отношений.

В этой связи перед исследователями отечественных аграрных отношений периода позднего феодализма открыто широкое поле деятельности. Прежде всего это относится к изучению крестьянского, помещичьего и монастырского хозяйств. При этом, сосредоточивая главное внимание на изучении явлений, свидетельствующих о развитии капиталистических отношений в крестьянском хозяйстве, мы не можем игнорировать и те капиталистические черты и тенденции, которые возникали в поместном хозяйстве на определенной ступени его товаризации. В. И. Ленин отмечал, что про-

изводство хлеба помещиками на продажу явилось „предвестником распада старого режима“³. В советской историографии называемая проблема частично отображена. Однако это касается главным образом лишь центральных районов России⁴. Так, до сих пор не написано ни одной специальной монографии по вопросу развития сельского хозяйства на Левобережной Украине во второй половине XI I в. Последний нашел частичное отражение лишь в обобщающей работе советских украинских историков⁵.

Вместе с изучением явлений базисного характера большое значение имеет исследование социальных процессов надстроечных сфер, существенно воздействующих, в свою очередь, на базис. Очевидно, далеко не случайно на всесоюзной дискуссии 1965 г. проблема надстройки была названа „второй большой проблемой, привлекающей внимание авторов многих материалов“⁶ (после проблемы генезиса капитализма). В этой же связи там шла речь о необходимости комплексного изучения взаимодействия самых разнообразных элементов исторического процесса, наконец, о необходимости создания трудов, в которых способ производства, социальный и государственный строй, идеология и общественное движение рассматривались бы в их тесном взаимодействии⁷. Актуальность данного вопроса, в частности необходимость создания подобных исторических исследований, очевидна и сегодня.

Затронутые в настоящей работе проблемы исследуются на примере Левобережной Украины второй половины XVIII в. – одного из крупных экономических и административных регионов Российского государства.

Наличие работ Г. И. Подлущкого⁸, А. М. Пономарева⁹, И. Г. Шульги¹⁰, А. А. Нестеренко¹¹, Т. И. Деревянкина¹², И. А. Гуржия¹³ освободило нас от необходимости отдельно рассматривать вопросы развития промышленности и торговли. Основное внимание в вопросе о социально-экономическом развитии края (гл. I) мы сознательно сосредоточили, таким образом, на характеристике явлений базисного характера, имевших в то время место в сельском хозяйстве.

Методологической основой написания данной работы послужили труды классиков марксизма-ленинизма, дающие возможность правильно понять и целостно отразить весь ход развития той или иной социально-экономической формации с ее экономическим базисом и общественно-политической надстройкой. „Совокупность этих производственных отношений, – подчеркивал К. Маркс, – составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще“¹⁴.

Изучая производительные силы общества, сферы его духовной жизни, советские историки исходят из марксистского положения о

том, что „история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов” и что „угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания...”¹⁵. Острая классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми является одной из важнейших характерных черт феодального общества. В. И. Ленин глубоко изучал классовую борьбу крепостного крестьянства и неоднократно подчеркивал ее прогрессивный характер, указывал на наличие революционных элементов в крестьянстве, „пройти мимо” которых невозможно, „не нарушая основных заветов марксизма и не совершая громадной политической ошибки”¹⁶.

Исследование истории классовой борьбы крестьянства в России занимает одно из важных мест в советской историографии. Большое внимание данной проблеме уделяется, в частности, в рамках феодальной формации. Глубокое изучение конкретно-исторического материала открыло широкое поле деятельности историкам в теоретическом аспекте. При этом широко рассмотрены XVII–XVIII вв. – период крестьянских войн в России. Именно на этом промежутке истории сосредоточено в основном сейчас внимание ученых, занимающихся затронутой проблемой. В результате был выдвинут целый ряд уже широко известных научной общественности теоретических положений¹⁷. Вместе с тем, как правильно подчеркивают советские историки Е. И. Индова и А. А. Преображенский, хотя многие дискуссионные вопросы классовой борьбы с выходом в свет новейших исследований отпали, некоторые из них еще требуют не только продолжения изысканий, но и расширения базы источников¹⁸. Очень важным моментом при этом является то обстоятельство, что ученые видят объектом дальнейших задач исследований не только кульминационные формы классовой борьбы – крестьянские войны, но и повседневные проявления классового протеста¹⁹.

В изучении данной проблемы имеется, на наш взгляд, еще одно узкое место – недостаточный учет региональных особенностей классовой борьбы народных масс многонациональной России, что, естественно, создает определенную неполноту как конкретно-исторических, так и теоретических изысканий. В значительной степени последняя обусловлена недостаточным изучением самих этих региональных особенностей.

Справедливость данного суждения подтверждается в значительной степени на примере состояния изучения проблемы классовой борьбы крестьянско-казацких масс на Левобережной Украине. Украинские советские историки добились определенных успехов в освещении данной проблемы. Работы К. Г. Гуслистого, В. А. Голобуцкого, И. А. Гуржия, Ф. П. Шевченко, В. А. Смолия и других, ряд

коллективных трудов²⁰ – веское тому доказательство. Однако несомненен и тот факт, что сделанное является лишь небольшой частью возможного. Особенно это относится к вопросу о низших (по сравнению с вооруженными восстаниями) формах борьбы, тщательный анализ которых способствует в немалой мере выявлению объективного значения классовой борьбы крестьянства, ее воздействия на социально-экономические факторы.

Предлагаемый в работе круг вопросов в комплексе еще не был предметом специального исследования в советской украинской историографии. Между тем данные вопросы относятся к числу тех, к которым активно обращаются с соответствующей трактовкой буржуазные историки. Как известно, украинские буржуазно-националистические „исследователи” за рубежом продолжают обращать особое внимание на вопросы истории Украины XVII–XVIII вв., стремясь обнаружить в той эпохе корни буржуазно-националистических идей, осовременить их и приспособить к той широкой антисоветской пропаганде, которую империалистические круги Запада развернули сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ

1. ЭВОЛЮЦИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

После победоносного завершения освободительной войны 1648–1654 гг. и воссоединения Украины с Россией дальнейшее развитие Левобережной Украины происходило в составе Российского государства, вступившего в XVII в. в новый период своего развития. Этот период в жизни России характеризовался зарождением внутри феодального общества новых, буржуазных связей¹.

Прогрессивная экономическая политика России оказала положительное влияние на дальнейшее развитие производительных сил и производственных отношений на Левобережной Украине: была ликвидирована феодальная магнатская собственность (ставшая большим тормозом дальнейшего социально-экономического развития Украины), устранена барщинная фольварочная и откупная система эксплуатации и, наконец, как результат, ослаблена феодальная зависимость крестьянства. Значительная часть левобережного крестьянства (исключая попавших в частнофеодальную зависимость, так называемых подданных) образовала „свободные войсковые поселения”. Фактически это означало, что в условиях сложившейся к тому времени системы „государственного феодализма” эти крестьяне вошли в разряд государственных.

В России, как известно, при государственной феодальной собственности на землю существовало подворное потомственное владение и распоряжение угодьями, основанное на обычном праве², что распространялось таким образом и на крестьян „свободных войсковых поселений” Левобережной Украины. При этом в форме феодальной собственности на землю произошли определенные изменения. Основная часть земли, оставшаяся после изгнания польских феодалов, перешла в распоряжение образовавшейся украинской старшинской администрации*, которая занялась, по существу, ее перераспределением среди представителей господствующей верхушки. Земля, как основное средство производства, переходила

*Верховным феодальным собственником – распорядителем всех земель на Левобережной Украине, как и во всей России, считалось царское правительство, что означало экономическую централизацию в области землевладения.

из рук одной, малочисленной группы феодалов в руки другой – многочисленной, сопровождаясь дроблением магнатской собственности. За украинской шляхтой, примкнувшей к освободительной войне народных масс, закреплялись ее земельные владения.

Но смена землевладельцев внутри класса феодалов не меняла существа феодальной собственности и феодальных производственных отношений, а означала лишь их дальнейшее развитие. Вместе с тем, важнейшим социально-экономическим последствием освободительной войны 1648–1654 гг, стало приобретение крестьянами Левобережной Украины личной свободы, выразившейся, в частности, в праве перехода от одного феодала к другому.

Существенным изменением в области землевладения стало появление крестьянского землевладения, сформировавшегося в ходе освободительной войны путем „займанщины” и явившегося качественно новым этапом в развитии землевладения периода позднего феодализма.

Поэтому, получая от феодального государства имение, феодал приобретал право не на личность крестьянина и его землю, а лишь на часть крестьянского труда, выражающегося в определенных платежах и повинностях.

В поземельных отношениях, наряду с юридическим собственником земли – феодалом, в качестве фактических владельцев земли выступали казачество и часть крестьянства. При этом если казацкое землевладение опиралось на юридическую основу, то реальное крестьянское землевладение было лишено таковой и базировалось в своем существовании лишь на обычном праве.

Наличие этих двух видов землевладения (кроме феодального) свидетельствовало, с одной стороны, о начавшемся процессе разложения феодальной собственности, а с другой – о зарождении новой, капиталистической собственности на землю. Нарушение монополии феодала на землю на Левобережной Украине означало ослабление феодальных отношений. Последнее находило свое отражение и в росте земельных сделок, в основе которых лежало растущее имущественное расслоение крестьян и казаков. Казачество и крестьянство все чаще вступали в товарно-рыночные земельные отношения в виде купли-продажи земель, их заклада и т. п.

В условиях господства феодальных отношений эти явления в большинстве случаев не получали еще прямого юридического оформления и носили в основном явочный характер. Последнее особенно касалось земельных сделок со стороны крестьян.

Наряду с социальными преобразованиями начавшемуся процессу разложения феодальной собственности на землю содействовали еще в большей степени изменения в экономике: втягивание сельского хозяйства в расширяющиеся рыночные отношения, что вело к росту хозяйственной активности крестьянских и казацких хозяйств.

В этом заключалась особенность развития феодальных отношений на Левобережной Украине после освободительной войны 1648–1654 гг. Эволюция феодального землевладения в XVIII в. имела место и в Белоруссии³.

К. Маркс допускал возможность существования при феодализме крестьян, разделявших право собственности с феодалами. Рассматривая, в частности, положение английских крестьян XV–XVI вв., освободившихся от крепостной зависимости, он указывал, что эти крестьяне „имели такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы“⁴.

В советской исторической литературе уже упоминалось о том, что на Левобережной Украине во второй половине XVII в. – XVIII в. помещичьи крестьяне сохраняли собственность на свой двор в рамках феодальной юрисдикции. При этом правомерно подчеркивалось, что подобная крестьянская собственность на землю была одним из важнейших социально-экономических достижений освободительной войны 1648–1654 гг.⁵.

Однако украинская феодальная верхушка упорно сопротивлялась появлению казацкого и особенно крестьянского землевладения, несмотря на его ограниченный характер. Более того, пользуясь благоприятными условиями, которые создавали ей господствующие феодальный экономический базис и феодальная политическая надстройка, она переходит в решительное наступление, стремясь, с одной стороны, укрепить, а с другой – распространить свою земельную собственность на земли свободных крестьян и просто казачества. На расширение землевладения феодала толкали растущий рыночный спрос на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты.

Отсюда тот многолетний процесс перехода земли на Левобережной Украине от крестьянско-казацких масс к феодалам, осуществлявшийся в виде скупки и прямого захвата.

Многочисленные факты скупки и захвата крестьянских земель светскими и духовными феодалами, а также судебных тяжб за эти земли на Левобережье, широко описанные в дореволюционной и частично в советской историографии, говорят о том, что земли эти юридически не закреплялись за феодалом вместе с тем или иным имением, ибо они (земли) принадлежали (скорее всего – в силу обычного права. – А. П.) крестьянам. Иначе не было бы необходимости феодалам захватывать эти земли и, тем более, скупать их.

Одновременно украинский господствующий класс, используя старшинскую и царскую администрацию, стремился подвести правовую основу под свое стремление ликвидировать крестьянское землевладение и связанное с ним право на продажу и куплю земли. Так, уже в одном из универсалов 1708 г. гетмана Мазепы говорилось о том, что земли ушедших из местности крестьян долж-

ны оставаться во владении феодала („державцы”), а сами ушедшие теряли на эти земли все права⁶. Подобные положения не раз излагались в официальных документах и позже⁷. Наряду с этим неоднократно повторялось и запрещение покупать и принимать в залог земли крестьян („посполитых”) без разрешения феодала – „державцы”. Это запрещение было не чем иным, как применением на Левобережной Украине положений Литовского Статута, отрицавшего за крестьянами право земельного владения. Эти положения были внесены затем и в проект свода законов под названием „Права, по которым судится малороссийский народ”⁸. И хотя этот кодекс царское правительство и не утвердило по политическим соображениям, оно в дальнейшем оказывало всяческую поддержку украинским феодалам, официально запрещая имевшую место свободу действий крестьян в отношении земли, которую они обрабатывали (купля, продажа, застава и т. п.).

Уже к середине XVIII в. абсолютное большинство земель, находившихся ранее во владении крестьян, оказалось в собственности светских и духовных феодалов. Почти исчезли „свободные войсковые маестности”. Если по ревизии 1741 г. их насчитывалось в крае 4695 дворов⁹, по ревизии 1753 г. – 1723 двора и 1852 бездворные хаты¹⁰, то уже по ревизии 1764 г. – 813 дворов и 60 бездворных хат, где проживал 4291 чел. мужского пола¹¹. В проекте ревизии 1764 г. уже четко формулировалось отношение украинского господствующего класса к вопросу о крестьянском землевладении: „А посполитые мужики земель своих не имеют, но живут все на государевых, духовных и мирских помещичьих”¹². Подобной участи подвергались и значительная часть казацких земель.

Обезземелившиеся крестьяне теперь в большинстве случаев получали землю от феодала в пользование, естественно, на кабальных условиях.

Хотя все усиливавшиеся крепостнические порядки в крае и тормозили возникновение предпосылок для создания капиталистических отношений, тем не менее процесс разложения феодальной собственности на землю продолжался. Более того, происходившие изменения в социально-экономической жизни, дальнейшее обострение классовой борьбы во второй половине XVIII в. приводили ко все более глубоким противоречиям в развитии феодальной земельной собственности.

Согласно ордеру гетмана К. Разумовского о проведении в 1753 г. ревизии на Левобережной Украине¹³, крестьянско-казацкое население по имущественному признаку делилось на следующие категории: 1) можногрунтовые и знатного промысла (имевшие „пахатного поля во всех трех руках не меньше как на пятьсот

копен*, либо хутора с сенокосами, лугами и притом конской и овечьей завод, пасеки и другое тем подобные угодии, а из промышленников, кои имеют в себе в лавках до 1000 рублей товару"); 2) среднегрунтовые и среднего промысла (имевшие „пахатного поля не менее как на 200 копен и притом же другие какие есть заводы, а промышленники в лавки до 500 рублей товару"); 3) малогрунтовые и малого промысла (имевшие „поля пахатного во всех же трех зменах коп до ста и сенокосных лук и других угодий против того по препорции или кто с промышленников в промысле имеет до 200 рублей"); 4) нищетные (имевшие „пахатного поля во всех же трех зменах от 20 до 40 коп"); 5) крайнищетные („кои никаких грунтов не имеют, а живут только в одних дворах при огородах или в бездворных хатах и без огородов из одной зароботки питаются да только имеют кони или воли или и не имеют, но пеши"). К последним в большинстве случаев примыкали по имущественному состоянию и так называемые подсоседки, составлявшие, тем не менее, отдельную социальную категорию крестьянско-казацкого населения.

Подобный принцип группировки крестьянско-казацких хозяйств выдерживался при проведении ревизий до 1764 года¹⁴.

В количественном отношении (имеется в виду количество дворов. — А. П.) перечисленные категории крестьянско-казацкого населения за 1753 г. могут быть представлены в следующем виде: (табл. 1)¹⁵. Как видим, подавляющее большинство (96 %) крестьянско-казацких дворов — это нищетные и крайнищетные. При этом наибольшее их количество приходится на Лубенский, Стародубский и Нежинский полки.

Совершенно естественно предположить, что огромная доля нищетных и крайнищетных дворов и бездворных хат приходилась на крестьянство.

Для подтверждения данного предположения необходимо привлечь имеющиеся в нашем распоряжении аналогичные данные о казаках (по данным ревизии 1753 г.)¹⁶ (табл. 2, 3).

Таким образом, наибольшее количество составляли группы нищетных и крайнищетных казаков.

Вычтя из общего количества число дворов и бездворных хат казаков (выборных и подпомощников) (см. табл. 2, 3), получим количество крестьянских дворов и бездворных хат на Левобережной Украине в 1753 г. по вышеуказанным имущественным категориям (см. табл. 4).

Таким образом, количество нищетных и крайнищетных кре-

* Согласно Межевой инструкции Малороссийской коллегии 1766 г., 1 десятина земли равнялась 10 копам сена. (См.: Максимович Г. А. Деятельность Румянцева-Задунайского по управлению Малороссией. — Нежин, 1913. — С. 330; Слабченко М. Е. Организация хозяйства Украины от Хмельнищины до мировой войны. — Одесса, 1922. — Т. 1. — Ч. 1. — С. 70)

Название полка	Можногрун- товые и знатные промыслов дворы	Среднегрун- товые и средние промыслов дворы	Малогрун- товые и малые промыслов дворы	Нищетные дворы и без- дворные хаты	Крайне- щетные дворы и бездвор- ные хаты	Подсоседки конных, хат	Подсоседки пеших, хат
Лубенский	15	237	1504	8621	17507	16	959
Стародубский	—	14	529	9168	17975	2	81
Киевский	—	3	66	2003	11377	4	154
Полтавский	6	88	380	3044	12094	82	242
Прилукский	1	36	432	5534	8803	9	422
Гадяцкий	11	169	954	4347	9188	11	380
Миргородский	5	87	845	4766	9188	111	955
Нежинский	2	33	360	8404	21088	81	1043
Черниговский	2	3	195	3830	15925	25	821
Переяславский	—	98	793	2978	10431	16	542
Итого	42	768	6058	52695	133576	357	5602

Таблица 2

Группы выборных казаков	Количество дворов	Количество хат в дворах	Бездворные хаты	Семьи
Можные	33	104	—	120
Средние	675	2044	—	2180
Малогрунтовые	4253	10963	—	11892
Нищетные	12229	24101	2	25658
Крайненищетные	1158	2012	2	2040
Всего	18348	39224	4	41890

Таблица 3

Группы казаков-подпомощников	Количество дворов	Количество хат во дворах	Бездворные хаты	Семьи
Можные	—	—	—	—
Средние	18	24	—	25
Малогрунтовые	642	1142	11	1225
Нищетные	17046	23742	743	26054
Крайненищетные	29347	37587	12048	51243
Всего	47053	62495	12802	78547

Таблица 4

Группы крестьян	Количество дворов	Количество дворов и бездворных хат
Можные	9	—
Средние	75	—
Малогрунтовые	1163	—
Нищетные	—	22675
Крайненищетные	—	91021
Всего	1247	113696
Итого крестьянских дворов и бездворных хат	114943	

стьянских хозяйств составляло 99 % общего количества дворов и бездворных хат (из них 20 % приходилось на нищетные и 79 % – на крайнищетные).

Аналогичные данные в отношении крестьянских дворов и в материалах ревизии 1756 г.¹⁷

Таким образом, подавляющее большинство крестьянских, а также значительная часть казацких хозяйств в 50-е годы XVIII в. попадали под категории „нищетных” и „крайнищетных”, т. е. малоземельных и безземельных.

Какой же была экономика крестьянского и казацкого хозяйств? Основным источником для раскрытия данной проблемы мы взяли Генеральную (Румянцевскую) опись Левобережной Украины 1765–1769 гг.

Данные описи позволяют произвести группировку крестьянских и казацких хозяйств по наличию пахотной земли, различных угодий, скота, промыслов и т. д. При этом мы исходим из определяющего значения экономических признаков хозяйств, а не их правовых особенностей. Преувеличение роли последних привело, как известно, русскую дореволюционную буржуазную историографию к игнорированию однородности феодальной эксплуатации крестьян со стороны помещика и крепостнического государства, на которую указывал В. И. Ленин и которая особенно усилилась именно в XVIII и в первой половине XIX в.¹⁸

2. КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Как показывают материалы Румянцевской описи, помещичьи, монастырские и государственные (казенные) крестьяне на Левобережной Украине в изучаемый период делились по экономическому признаку на две основные группы: имеющих землю (надел) и безземельных¹⁹.

К первой группе принадлежали крестьяне, владеющие индивидуальным правом пользования пахотной землей и другими угодьями. Это право, как свидетельствуют документы, носило широкий характер, предусматривая, в частности, передачу земли по наследству, куплю-продажу, сдачу в аренду и т. д. Это особенно хорошо видно на примере хуторских хозяйств, среди которых мы встречаем как мелкие, так и довольно значительные по размеру, структуре и соответственно по цене. Однако это не освобождало от повинностей (в той или иной форме) в пользу юридического собственника земли – феодала.

Социально-экономическая основа многочисленных земельных сделок лежала в растущем расслоении крестьянства, ведущем к выделению зажиточной верхушки – возможных крестьян, с одной стороны, и беднейших – нищетных и крайнищетных, – с другой.

В результате крестьянских земельных сделок происходила концентрация значительной массы наделной земли в руках зажиточ-

ной верхушки. Для хозяйства последней все более характерным становилось появление наемной рабочей силы.

Документы Румянцевской описи содержат чрезвычайно ценные для исследователей аграрной истории Левобережной Украины данные относительно цен на землю того времени. Проанализировав значительное количество таких данных, мы сочли возможным предложить схему приблизительной стоимости земли (точнее, 1 дня пахоты.* – А.П.) на Левобережной Украине в 40–60-е годы XVIII в. в денежных единицах того времени:

40-е годы – 1–3 руб.

50-е – – – – 1, 1,5 руб.

60-е – – – (1-я половина) – преимущественно 1,5–2 руб.

60-е – – – (2-я половина) – 3–6 руб.²⁰

Безземельные (не имеющие надела), в свою очередь, делились на две основные подгруппы: а) занимающиеся земледелием на выделяемой им во временное пользование помещицей, монастырской или казенной земле; б) не занимающиеся земледелием вообще и живущие в большинстве случаев „с заработка”, т. е. продажей своей рабочей силы. Среди безземельных первой подгруппы, как свидетельствуют документы, также наблюдалось имущественное расслоение. Наглядным примером этого может послужить хозяйство „казенного” посполитого с. Городище Яготинской сотни Переяславского полка Алексея Лукьяненко, мельника четырех казенных водяных мельниц. Как мельник, Лукьяненко был освобожден от барщины. Одновременно он вместе со своими подсоседками занимался земледелием на выделяемом ему во временное пользование участке казенной земли. На этой земле Лукьяненко получал довольно обильный (по тем временам) урожай: 10 четвертей** ржи, 1 четверть озимой пшеницы, 4 четверти яровой пшеницы, 6 четвертей ячменя, 12 – овса, 8 – гречихи, 1 – проса и т. д. Постоянного надела Лукьяненко не имел, т. е. формально был безземельным. Но его нельзя отнести к категории крайнищетных или нищетных,

* В исторической литературе утвердилось мнение, что 1 день пахоты (мера, введенная в Румянцевской описи для определения размера земельных угодий, в частности пахоты) равняется 0,75 дес. Первым эту мысль высказал А. Ханенко (см.: Отчет о состоянии межевания Черниговской губернии за 1869 год. – Чернигов, 1870). Вместе с тем найденные нами новые архивные данные позволяют считать, что 1 день пахоты приравнялся 1 дес. Об этом, в частности, идет речь в рапорте Хорольского нижнего земельного суда в Киевское наместническое правление (от 25 сент. 1786 г.) на указ последнего прислать данные по уезду о том, „в какую цену приходится всякая десятина или по здешнему счислению день земли” (ЦГИА УССР. – Ф. 193, оп. 1, д. 777, л. 19).

** Во второй половине XVIII в. на Левобережной Украине по общегосударственному стандарту составляли 141,69 кг – четверик (чок) – 17,71 кг, четверик переяславский – 82,2 – 88,5 кг, четверик гадячский – 66–70 кг, четверик киевский и носовский – 70,8 кг и т. д. (см.: Сидоренко О. Ф. Історична метрологія Лівобережної України XVIII ст. – К., 1975. – С. 158–159).

тем более что этот „казенный“ посполитый был владельцем и довольно значительного количества скота: рогатого – 34 головы, овец – 106, свиней – 22, лошадей – 34; имел пасеку на 20 пней. У А. Лукьяненко было два работника (Федор Голый, 50 лет и Матвей Олифиренко, 40 лет), получавшие в год по 30 руб.²¹

Занимались хлебопашеством „на земле казенной, принадлежащей к местечку Золотоноше“ „казенные подданные“ с. Ольхи Золотоношской сотни Переяславского полка И. Марченко, А. и Д. Онищенко, С. Супруненко, Г. Рябошлик, П. Кириченко и др. Эти крестьяне высевали в год: ржи – от 1 четверика до 2 четвертей, пшеницы – от 1 четверика до 8 четвертей, ячменя – от 1 четверика до 1,5 четверти, овса – от 1 четверика до 1,5 четверти, гречихи – от 1 четверика – до 2 четвертей, проса – от полчетверика до 3 четвериков, конопли – от 2 гарцев до 2 четвериков, подсолнечника – от 2 гарцев до 1 четверичка. Кроме земледелия некоторые из вышеуказанных крестьян (Г. Рябошлик, П. Кириченко) занимались еще и ткацким ремеслом, получая от него доход, а также имели домашний скот: рогатый – 3–12 голов, 1–4 лошади, 1–3 свиньи. У И. Марченко было еще и 10 овец²².

Распространенным явлением было предоставление во временное пользование земли своим безнадельным подданным и со стороны помещиков. Засевали, например, на земле помещицы В. Дараган – владелицы 55 хозяйств подданных на хуторах Бойковщина и Сабадашовщина Золотоношской сотни Переяславского полка²³. В аналогичном положении находились подданные отставного полкового есаула А. Ильченко (на хуторе вблизи д. Корнеевка Перво-Пирятинской сотни Лубенского полка) И. Луцик и И. Дубина. Эти крестьяне засевали на земле помещика: ржи – 1 четверть, пшеницы – от 4 четвериков до 1 четверти, ячменя – 1 четверть, гречихи – от 4 четвериков до 1 четверти, проса – 1–2 четверичка, конопли – 1 четверичок. Был у них и домашний скот: быков – 1–2 головы, коров – 1–2, лошадей – 1, овец – 1, свиней – 2–3 головы²⁴.

Довольно многочисленной, как свидетельствуют документы, была группа безземельных крестьян, занимавшихся в основном работой „по найму“. Из их числа образовалась отдельная прослойка – так называемых служителей, не имевших вообще никакого хозяйства и живущих постоянно в доме помещика. У помещика Фридрикевича в с. Подолов Кролевецкой сотни Нежинского полка таких служителей (как правило, из числа разоренных, обезземеленных крестьян) было при дворе 14 человек. Девятерым помещик платил годовое жалованье – от 2 до 10 руб., пятеро же жили лишь „на пропитании“²⁵.

Нередко в качестве дополнительного источника существования безземельных крестьян являлось держание определенного количества скота и обладание каким-нибудь видом сельского ремесла или промысла.

Так, 23 двора „подданных“ графа К. Разумовского (сл. Кулябовщина Яготинской сотни Переяславского полка) имели рогатого скота от 2 до 24 голов, овец – от 6 до 67, свиней – от 2 до 10, лошадей – от 1 до 11 голов. В двух хозяйствах были козы – 3 и 8 голов²⁶. Из 56 семей „подданных“ бунчукового товарища В. Дунина-Борковского большинство имело лишь по 1 свинье, кое-кто и по лошади. Немало было и таких, которые не имели скота вообще, как, например, Логвин Калениченко, Мина Соловей и др. Отдельные крестьяне держали значительное количество голов скота. Так, Филон Евоненко имел рогатого скота 10 голов, овец – 30, лошадей – 4, свиней – 5 голов²⁷.

Незначительное количество голов скота содержали 87 семей безземельных „подданных“ бунчукового товарища Г. Иваненко (сл. Ковалевка Яготинской сотни Переяславского полка), 50 семей „подданных“ бунчукового товарища Я. Лизогуба (хутор в 30-ти верстах от Яготина), 80 семей „казенных посполитых“ (сл. Борловка Яготинской сотни Переяславского полка)²⁸, 72 семьи „казенных посполитых подданных“ (с. Кантакузовка Яготинской сотни Переяславского полка)²⁹ и др. Есть сведения, что отдельные безземельные подданные владели мельницами (1–2), пасеками³⁰, винокурнями и т. п. Так, подданный бобровицкого сотника М. Косташа (д. Бервицы Бобровицкой сотни Киевского полка) Иван Коробка не имел ни пахотной земли, ни сенокоса. Но, по документальным данным, Коробка „в той же деревне Бервицах имеет собственный свой плец (землю), даренный ему от казака Ивана Мохоний в 1743 г., на который и крепости имеет“. На этом участке земли И. Коробка построил винокурню, в которой „высиживается вина в год 300 ведер“. В 1754 г. Коробка купил у казака лес в 100 сажений. Очевидно, мы имеем здесь дело с личной крестьянской собственностью, к которой помещик уже не имел никакого отношения. Из домашнего скота И. Коробка держал 2 вола, корову, быка, 2 лошади, 7 овец, 2 свиней³¹. При анализе крестьянского хозяйства особое внимание привлекает вопрос о феодальных повинностях. Во всех без исключения документах Румянцевской описи речь прямо идет о феодальной ренте (в большинстве случаев об отработочной – „панщине“, а также нередко и о денежном оброке. – А. П.). Ставя вопрос о положении крестьян в прямую зависимость от количества дней барщины, есть все основания утверждать, что в наиболее тяжелом положении находились монастырские крестьяне. Действительно, если в большинстве владений светских феодалов барщина составляла в 60-х годах XVIII в. два дня в неделю (по одному человеку от двора)³², то в монастырских хозяйствах она была не менее 3–5 дней³³, а то и ежедневно („беспрестанно“)³⁴. Нам встретились лишь несколько фактов, когда барщина в монастырском хозяйстве отработывалась два дня в неделю. Это, главным образом, имело место тогда, когда

монастырь владел небольшим количеством крестьянских дворов (5–8) или же когда это касалось крестьян, ведущих хуторское хозяйство³⁵.

Все это свидетельствует о широком распространении барщины („панщины“) в феодальных хозяйствах на Левобережной Украине во второй половине XVIII в. Причем речь идет уже о явлении, имевшем место в условиях начавшегося разложения феодального строя, появления капиталистического уклада и, в связи с этим, о новой экономической функции отработочной ренты, которая должна была теперь обслуживать не потребительские нужды замкнутого феодального хозяйства, а новые рыночные отношения помещичьего товарного хозяйства. Это новое экономическое содержание определило глубокие внутренние противоречия барщинного хозяйства³⁶.

С другой стороны, мы наблюдаем уже предельную форму отработочной ренты (а значит, и предельную феодальную эксплуатацию – А. П.), когда крестьяне фактически полностью оторваны от работы в своих хозяйствах и переведены на отработку барщины. Последнее обстоятельство явилось своего рода предшественником печально известной „месячины“, широко распространившейся в России в конце XVIII и в первой половине XIX в. В этой связи есть основание говорить об особой роли монастырских хозяйств, имея в виду широкое распространение там барщины в процессе разложения феодальных отношений и развития капитализма в сельском хозяйстве на Левобережной Украине во второй половине XVIII в.

В документах Румянцевской описи говорится о распространении денежного оброка. Особенно часто он встречался в северной части Левобережной Украины, где земли не отличались плодородием и не представляли, таким образом, особой ценности.

Так, с 39 дворов и 18 бездворных хат (с. Очкино, Стародубского полка), находившихся в 1768 г. в ранговом владении генерального судьи А. Дублянского, собирался „чинш деньгами“ – 100 руб. в год. Чинш здесь взимался в зависимости от размера имущества крестьян – от 30 коп до 4 руб. 50 коп. С 83 дворов и 20 бездворных хат (с. Мефедовка Новгородской сотни Стародубского полка) ранговых владений генерального судьи И. Журмана чинш составлял 200 руб. в год (от 25 коп. до 6 руб. с крестьянского хозяйства, в зависимости от имущества)³⁷. В отличие от большинства своих односельчан, работавших на „казенной“ барщине по 3 дня в неделю, казенный посполитый П. Бутенко (с. Городище Яготинской сотни Переяславского полка) платил денежный оброк – „панщины не делает, а платит в год в казну чиншевый оклад 3 рубля денег“³⁸.

Нередки случаи выплаты крестьянами чинша монастырю. Так, „подданная“ Софийского монастыря в Киеве В. Демчиха, которая занималась „стеклянным ремеслом“ и имела с него дохода до 50 руб., „панщины не работает, а платит в монастырь ченча 25 руб-

лей". Подданный Киево-Печерской Лавры И. Семенец, который вел хуторское хозяйство, „владельцу панщины не делает, платячи в год около 1 руб. 50 коп.³⁹ Ранговый подданный нежинского полковника Разумовского Л. Вербило (м. Веркиевка Нежинского полка) отбывал феодальные повинности в смешанной форме*, сочетая денежный оброк и „подводную повинность” – „господину платит в год по 80 копеек да сверх того еден с лошадью каждой неделе день работает”⁴⁰. Денежный оброк с крестьянских хозяйств, вовлеченных в систему рыночных отношений, позволял помещику в наиболее простой форме удовлетворять свои потребности в деньгах. Товарное развитие крестьянского хозяйства, ускоряя процесс имущественного расслоения самого крестьянства, противостояло уже барщинному хозяйству с его крайними формами крепостнического гнета.

Отмечая наличие указанных систем эксплуатации (форм ренты) в регионе, не следует забывать о том, что в период позднего феодализма ни одна система ренты не применялась в чистом виде и что самое распределение по системам ренты таким образом всегда сохраняло определенную условность.

Вышеотмеченные факты активного внедрения украинскими феодалами таких систем эксплуатации крестьян, как барщина и денежный оброк, говорят о том, что, несмотря на наличие права перехода крестьян (правда, очень ограниченного. – А. П.), на Левобережной Украине, еще задолго до царского указа от 3 мая 1783 г. о юридическом закреплении крестьян, крепостнические отношения уже фактически сложились. Данное положение опровергает толкования дореволюционных и современных буржуазно-националистических историков о крепостном праве на Украине как о привнесённом из России факторе.

Во второй половине XVIII в. на Левобережной Украине крестьянское хозяйство в основном еще продолжало оставаться натуральным и являлось главным источником обеспечения потребительских нужд крестьянской семьи.

Яркую картину натурально-потребительской функции крестьянского хозяйства подает „Экономическое описание Черниговского наместничества” (по уездам и городам) 1785 г.⁴¹ Как свидетельствует документ, большинство производимой крестьянами сельскохозяйственной продукции шло на их непосредственные потребительские нужды – „на свое пропитание” и т. д.

Вместе с тем наблюдался уже и довольно активный рост товарности крестьянских хозяйств. Крестьянин, нуждаясь в деньгах для уплаты налогов и оброка, а также для приобретения на рынке не-

* Система смешанных повинностей как форма организации помещичьего хозяйства особенно характерна для второй четверти XIX в.

обходимых ему товаров, все больше вывозил на рынок продукты своего хозяйства.

Втягивание крестьян в рыночные отношения нашло свое отражение в описаниях Киевского, Черниговского и Новгород-Северского наместничеств 80-х годов XVIII в. Так, из описания Киевского наместничества⁴² видно, что крестьяне Голтвянского уезда производимые ими сельскохозяйственные продукты (главным образом, хлеб. — А. П.) отвозили для продажи в города Полтаву и Кременчуг Екатеринославского наместничества, а овчину и шерсть продавали на местах приезжавшим русским купцам, крестьяне Пирятинского уезда — в города и селения Екатеринославского и Черниговского наместничества, крестьяне Золотоношского уезда продавали продукты земледелия и скотоводства в основном на местных ярмарках и торгах⁴³. Крупной хлебной торговлей (преимущественно перепродажей в города Екатеринославского наместничества. — А. П.) занимались жители г. Хорола⁴⁴. Из „Экономического описания Черниговского наместничества” известно, что крестьяне Черниговского уезда часть урожая ржи, ячменя, овса и гречихи обычно отвозили для продажи в Чернигов, из Березинского уезда пшеницу вывозили в другие уезды и в Новгород-Северское наместничество, а лен — в другие уезды, а также в Киевское и Харьковское наместничества⁴⁵.

Крестьяне Борзенского уезда часть урожая ржи продавали на местах, часть отвозили во многие города и местечки Новгород-Северского наместничества, в частности, в Новые Млины, Короп, Сосницу, Синявку и др. Пшеницу, ячмень, гречу и просо по причине небольшого урожая этих культур обычно продавали в пределах этого уезда. Картофель из Беловежской немецкой колонии очень часто вывозился в города Нежин, Борозну, Ичня, а также в Бахмач и Батурин (Новгород-Северского наместничества. — А. П.), коноплю и лен продавали в большинстве случаев приезжим русским купцам, овощи (свеклу, капусту, огурцы, арбузы, дыни, морковь, пастернак, фасоль, лук, чеснок) отвозили в Нежин, Густинский монастырь (Прилукский уезд) и другие места, табак продавали обычно приезжим из г. Могилева купцам или же отвозили его в Нежин, Ромны и другие города⁴⁶. Нередко крестьяне Борзенского уезда торговали домашним скотом (овцами, козами, лошадьми, свиньями), продуктами животноводства (маслом, молоком, сыром, мясом, салом), медом, воском, шкурами убитых зверей⁴⁷. Крестьяне Нежинского уезда вывозили на продажу в Нежин рожь, ячмень, домашний скот, продукты животноводства. Широко была распространена и торговля табаком. Последний закупался большими партиями купцами из Могилевской и Полоцкой губерний, которые, в свою очередь, вывозили его для продажи в Литву и Польшу. Мед и воск закупали здесь в основном приезжие русские купцы⁴⁸. Крестья-

яне Прилукского уезда вывозили на продажу рожь в соседние уезды, а также в Новгород-Северское наместничество. В уездный город Прилуки они вывозили пшеницу, просо, овес, гречу, коноплю, лен, овощи и фрукты. В урожайные годы за фруктами к ним приезжали покупатели из соседних городов и русские купцы. Последним продавался также домашний скот и продукты животноводства, мед и воск. Яркое выраженный натурально-потребительский характер носили крестьянские хозяйства в Глинском уезде. Но тем не менее и здесь крестьяне нуждались в деньгах „на снабжение себя и на оклад подушного збору”, вывозили часть своей продукции в различные города и местечки Черниговского и Новгород-Северского наместничеств. Предметами торговли обычно были рожь, пшеница, ячмень, греча, просо. Домашний скот и продукты животноводства вывозились за пределы уезда, как правило, лишь из помещичьих хозяйств. Довольно активно занимались торговлей сельскохозяйственной продукции крестьяне Лохвицкого и Гадячского уездов, проникая со своим товаром, как отмечалось в документах, „и в другие уезды и губернии”⁴⁹.

Многочисленными примерами вовлечения крестьянских хозяйств в товарно-рыночные отношения наполнена работа А. Шафонского „Черниговского наместничества топографическое описание”⁵⁰. Как видим, в Черниговском наместничестве довольно распространена была торговля хлебом, который вывозился и за пределы наместничества. В этой связи требует определенного уточнения вывод Н. Рубинштейна о том, что Черниговская губерния (наряду с Харьковской) в последней четверти XVIII в. в основном покупала хлеб, ввозимый туда из соседних губерний Центрального земледельческого района⁵¹. Очевидно, Н. Рубинштейн имел в виду Новгород-Северское наместничество, где, как свидетельствуют документы, в 80–90-х годах XVIII в. жители почти всех уездов Новгород-Северского наместничества из-за частых неурожаев зерновых культур ощущали постоянную нехватку хлеба. В 1785 г. правление Новгород-Северского наместничества констатировало, что „сия губерния (т. е. Новгород-Северское наместничество. – А. П.), гранича с российскими и белорусскими губерниями, довольствуется в немалом количестве привозимым отсюда хлебом”⁵². Недостаток хлеба в наместничестве в 1785 г. составлял 862414 четвертей 7 четверичков 4 гарца (из расчета, что на каждую душу уездных жителей в год требовалось по 2,5 четверти хлеба, т. е. на 668772 чел. всего населения наместничества необходимо было 1 671 930 четвертей хлеба. – А. П.)⁵³.

В 1788 г. недостаток хлеба здесь составлял 525720 четвертей 6 четверичков⁵⁴. У нас есть возможность проследить нехватку хлеба в 1788 г. по ряду уездов Новгород-Северского наместничества. Так, в Конотопском уезде недоставало 44791 четверти 3 четверичков 6 гарцев, в Сосницком – 55194 четверти, в Новгород-Северском –

33915 четвертей 5 четверичков 3 гарца, в Кролевецком – 63289 четвертей 3 четверичка 3 гарца, в Погарском – 70211 четвертей 3 четверичка 5 гарцев⁵⁵, в Коропском – 46133 четверти 1 четверичка 6 гарцев⁵⁶. Об остроте хлебной проблемы в ряде уездов Новгород-Северского наместничества свидетельствовали секретные рапорты уездных властей губернатору Бибикову в ноябре 1786 г. Так, из г. Мглина сообщили о неурожае на рожь, в результате чего населению реально угрожал голод⁵⁷. Картина бедственного положения крестьян, в связи с неурожаем на зерновые культуры, предстает из рапорта Новоместного уездного предводителя дворянства. Последний сообщал о том, что „хлебный недород, дошедши почти до последней степени, действительно угрожает голодом”, что крестьяне находились в крайней нищете, и просил „о принятии неотложных мер к отвращению неминуемых из того худых воспоследований”⁵⁸. В другом рапорте из г. Новое Место говорилось о том, что „обыватели употребляют в пищу хлеб редко... примешивают с конопляного семя макуху, но и в том начинают иметь оскудение”⁵⁹.

В 1792 г. на 492312 душ обоего пола населения в Новгород-Северском наместничестве приходилось лишь 344829 четвертей хлеба, т. е. недоставало 639795 четвертей из расчета, что на каждого человека в год должно приходиться около 2 четвертей⁶⁰. Выход из положения нижние земские суды видели в том, что „в случае недостатка можно заимствоваться збираемым в общественные магазины хлебом, который жители получают, когда станет недоставать их собственного, а возвращают оной за вымолотом нового, при том же сия губерния гранича с другими, пространнейшие поля имеющими, получает с оных в немалом количестве хлеб, который привозят в сию тех губерний люди или на месте в них достают здешние покупкою за деньги и меню на разные лесные и другие производимые в сей изделья”⁶¹.

В 1796 г. в том же Новгород-Северском наместничестве нехватка хлеба определялась в 622553 четверти⁶². В силу вышеуказанных обстоятельств в Новгород-Северском наместничестве товарность хлеба в 80–90-е годы XVIII в. была значительно ниже, чем в Киевском и Черниговском наместничествах. Главными предметами торговли для крестьян, как видно, например, из описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг.⁶³, здесь были конопля и пенька⁶⁴. Более того, продажа последних нередко была для крестьян чуть ли не единственным способом приобретения денег для покупки хлеба. В 1788 г., например, нехватка хлеба компенсировалась в Стародубском, Суражском и Мглинском уездах его покупкою за деньги, приобретенные крестьянами за продажу именно пеньки и конопли⁶⁵.

Основными земледельческими районами Левобережной Украины были ее южные и центральные земли (Полтавский, Миргородский,

Лубенский, Переяславский, Гадячский, Прилукский, Киевский полки, южные районы Черниговского и Нежинского полков, после 1781 г. – территория Киевского наместничества и прилегающие к нему уезды Черниговского и Новгород-Северского наместничеств. – А. П.). Традиционными культурами в крестьянском хозяйстве здесь являлись прежде всего рожь, пшеница, ячмень, овес, горох, просо, греча.

В нечерноземной полосе (Стародубский полк, северные районы Черниговского и Нежинского полков, после 1781 г. – северные уезды Черниговского и Новгород-Северского наместничеств. – А. П.) посевы этих культур были незначительны. Здесь выращивались культуры, которые приносили в данных местных условиях наибольшую прибыль. К ним в первую очередь относились конопля и лен. Посевы вышеотмеченных культур в расчете на одно крестьянское хозяйство, по данным Румянцевской описи, колебались в основном в таких размерах*: рожь – от 1 четверичка до 16 четвертей, пшеница – от 1 четверти до 10 четвертей, ячмень – от 1 четверичка до 5 четвертей, овес – от 1 четверичка до 7 четвертей, горох – от 2 четверичков до 1 четверти, просо – от 1 до 6 четверичков, конопля – от 1 четверичка до 1 четверти⁶⁶.

Наиболее значительными были посевы ржи и пшеницы, что являлось непосредственным отражением развития хлебного рынка, в который все больше втягивалось крестьянское хозяйство во второй половине XVIII в.

Техника сельскохозяйственного производства по-прежнему оставалась еще довольно примитивной. Вместе с тем, имевшая место обработка земли путем повторной вспашки с последующим боронованием свидетельствовали о попытках усовершенствования традиционной системы трехполья. Основным источником в нашей работе по данному вопросу явились упомянутые выше топографические описания левобережных украинских наместничеств 80-х годов XVIII в. В Черниговском наместничестве под озимые культуры абсолютно преобладала двойная вспашка земли. Боронование доходило иногда до 3–4, а то и до 6 раз⁶⁷ (в зависимости от твердости почвы).

Значительно медленнее процесс совершенствования трехполья происходил на территории Киевского наместничества. Двойная вспашка под озимые здесь имела место лишь в 5 уездах (из 11), под яровые – в 2 уездах (Остерском и Козелецком). Боронование проводилось максимально трижды⁶⁸. Обращает внимание уже бо-

*Данные (с учетом имущественного расслоения среди крестьянства. – А. П.) взяты по крестьянским хозяйствам Миргородского, Лубенского, Переяславского, Прилукского, Киевского, Нежинского и Стародубского полков. Данные о размерах посева гречи и льна в наших документах оказались малочисленными для обобщения.

лее-менее определенная система в сроках вспашки земли. Для озимых культур (в первую очередь для ржи) первая вспашка (под пар) была обычно в июне. Значительно реже она имела место в мае или в июле-августе. Вторая вспашка (перед посевом), как правило, производилась в августе-сентябре, растягиваясь в редких случаях до октября. Более тщательный подход к вспашке наблюдался при подготовке земли к посеву яровых культур. На основе длительного крестьянского опыта земледелия рождались определенные агрономические знания, закреплявшиеся из поколения в поколение. Немаловажную роль при этом играли местные традиции, часто базирующиеся на особенностях почвы того или иного района. Так, на территории Черниговского наместничества в подавляющем большинстве случаев вспашка под яровые имела место весной (за исключением Гадячского уезда, где землю под яровые пахали в августе и сентябре, а иногда и в октябре)⁶⁹. В Киевском же наместничестве вспашка под яровые производилась в равной степени как весной, так и осенью. Определяющую роль при этом играл вид самой культуры. Если, например, под пшеницу (яровую), ячмень, овес землю вспахивали, как правило, в сентябре-октябре, то под просо, гречу и горох вспашку делали обычно весной⁷⁰.

Удобрение почвы сводилось в большинстве случаев к внесению органических удобрений, хотя и не везде. В Киевском наместничестве, например, оно не употреблялось в 9 уездах и лишь в двух (Остерском и Козелецком) удобрение применялось в связи с преобладанием там песчаной почвы⁷¹.

В Черниговском наместничестве землю удобряли в 8 уездах⁷², причем нередко удобрению поддавались лишь земли, засеянные под коноплю. Нередко удобрением земли считалась пастьба на ней скота, „который тую землю чрез ито выбивает, а чрез то делает способнейшей к плодородию”. В Переяславском уезде Киевского наместничества вместо удобрения вспаханную землю оставляли незасеянной. Для повышения урожайности почвы применялись разные формы севооборота. Так, в Лубенском уезде (Киевское наместничество) на пахотных землях за р. Сулой злаковые сеяли обычно на тех нивах, с которых убирали урожай проса и гречихи. Причем землю перед посевом пахали лишь деревянным ралом и вслед за тем бороновали⁷³. С одной стороны, это свидетельствовало о нехватке навоза, что объяснялось, очевидно, недостаточной обеспеченностью скотом крестьянских хозяйств. С другой стороны, преобладание в большинстве районов Левобережной Украины (в частности, в южных и центральных районах) плодородного чернозема в целом не стимулировало дальнейшего развития удобрения.

Нехватка пахотных земель в северных районах Левобережной Украины вынуждала земледельцев осваивать новые земли, в частности, лесные расчистки, которые, в свою очередь, породили

особый вид земледелия – „на лядах”. Наибольшее распространение этот вид земледелия получил на Стародубщине.

Лядами назывались места, расчищенные от леса, на которых в продолжение нескольких лет после расчистки до полного истощения земли сеяли различные культуры. Лес под ляды рубили обычно в июне, когда ветви на деревьях были наиболее густыми. На следующий год, в апреле, сваленный лес полностью сжигали. Образовавшийся при этом поташ (зола) в сочетании с обожженным верхним слоем почвы, состоящим из корней разной травы и опавших листьев, сгнивших пней и корней, представлял хорошее удобрение. В первое лето на ляде обычно сеялось просо, затем – ячмень, пшеница и горох. После некоторого истощения почвы ляда засеивалась рожью. Таким образом, наблюдались уже определенные агрономические изыскания, а именно – чередование культур в целях лучшего использования почвенных ресурсов. Далее, как свидетельствовал А. Лазаревский, вместе с посевом ржи, ляда поступала в общий трехпольный севооборот⁷⁴, т. е. этот вид земледелия, как и остальные, охватывался традиционной системой севооборота. После нескольких посевов ржи ляда обычно полностью истощалась и ее бросали, чтобы заменить новой. С целью продления плодородия почвы ляда иногда удобрялась навозом. С ростом народонаселения все большее количество лесов превращалось в ляды, которые, в свою очередь, после истощения неудобряемой почвы, как правило, становились бесплодной степью.

Определенное разнообразие наблюдалось в применении земледельческих орудий для вспашки земли. В Черниговском наместничестве, наряду с тяжелым украинским плугом, в который впрягали в большинстве случаев 6 или 8 волов (иногда – 4)*, встречалась соха на колесах и без них, легкий немецкий плуг (в 4 лошади)** , рало*** (косуля), используемое обычно для вторичной вспашки земли (после плуга). Большие тяжелые дубовые бороны имели до 30 зубьев⁷⁵.

В Киевском наместничестве обычно использовался плуг в сочетании с ралом. Соха применялась здесь в основном на песчаной почве⁷⁶. В то же время соха, по свидетельству А. Шафонского, была наиболее популярным орудием для вспашки земли в Новгород-Северском наместничестве. Пользоваться тяжелым плугом на 6–8 волов могли лишь сравнительно зажиточные хозяйства, имевшие много рабочего скота. Основная же масса крестьянства обрабатывала землю „супрягой”, т. е. объединяя тягло нескольких хозяйств

* Количество используемых волов зависело от твердости почвы.

** Применялся главным образом в Беловежской немецкой колонии (Борзенский уезд).

*** Деревянное орудие земледелия типа бороны с 1–2 и более зубьями.

для совместной работы. Низкий уровень техники обработки земли не давал в целом возможности собирать высокие урожаи. Например, в центральных районах Черниговщины средний урожай в конце XVIII в. был: по ржи – сам 5–6, по пшенице сам 4–5, а в отдельные годы еще меньше*. В степной части Черниговщины и на Полтавщине урожаи были несколько выше. Развитие земледелия происходило главным образом за счет расширения посевных площадей.

Второй по значению отраслью крестьянского хозяйства (после хлебопашества. – А. П.) было скотоводство**. Наличие скота главным образом определялось внутренними хозяйственными потребностями самого крестьянского двора, обеспечивая в первую очередь необходимую тягловую силу для крестьянского земледелия и потребительские нужды. При этом обнаруживается определенная связь между количеством рабочего скота и размерами посевной площади. В хозяйствах, где было много рабочего скота, осуществлялось и больше посевов и наоборот. Количество свиней обычно обуславливалось количеством хлебных продуктов в той или иной местности. Количество овец, надо полагать, в основном находилось в зависимости от размеров степной земли в крестьянском хозяйстве.

Однако скотоводство в крестьянских хозяйствах имело не только хозяйственное и потребительское значение, но и промышленное. Скот нередко поступал на рынок, где выступал в качестве товара и предмета обмена. Интересно отметить в этой связи, что старинная украинская песня о тяжелой судьбе батрака (наймита) в центре его работы ставит не земледельческий труд, а обязанности, связанные с уходом за скотом:

- Ще й бурлака не послався,
- А хазяїн вже проспався.
- Вставай, бурлак, годі спати, –
- Пора у степ товар гнати.

Однако при наличии на Левобережной Украине крупного помещичьего скотоводства – конских, овчарных заводов и заводов крупного рогатого скота крестьянское скотоводство не могло получить широкого товарного развития. На это обстоятельство указывает в своей работе и Н. Рубинштейн?⁷

В случае отсутствия пахотной земли в крестьянском хозяйстве скотоводство нередко становилось основным источником существования семьи. В подобном положении находились, например, 87 семей подданных бунчукового товарища Г. Иваненко (д. Ковалевка Яготинской сотни Переяславского полка), 56 семей подданных дру-

*У массы крепостных крестьян, не имевших достаточно тягла и рабочей силы, урожаи были ниже этих средних.

**Имущественная характеристика крестьянских хозяйств по реальной обеспеченности скотом с учетом имущественного расслоения в определенной мере подана нами выше.

гого феодала – Дунина-Борковского (д. Коломыйцы Яготинской сотни), 22 крестьянских двора (32 хаты) графа К. Разумовского (сл. Кулябовщина Яготинской сотни) и другие. Характерно, что и в этих случаях наблюдалось ярко выраженное имущественное расслоение⁷⁸.

Заметное место в крестьянском хозяйстве занимали технические культуры, в частности, конопля и лен, а также табак.

Одним из главных районов посева конопли и производства пеньки на рынок не только Левобережной Украины, но и всей России было Новгород-Северское наместничество, особенно его восточные уезды, смежные с Орловской губернией.

О значительных посевах табака в крестьянских хозяйствах Левобережной Украины, в частности, на территории Черниговского наместничества, свидетельствовал А. Шафонский⁷⁹. Украинский табак пользовался большим спросом у приезжих русских и белорусских купцов, которые, в свою очередь, нередко вывозили его на продажу за пределы России.

В числе занятий крестьянского населения было и пчеловодство (в лесных районах – бортничество). В документальных описаниях крестьянских хозяйств, как правило, наряду с указанием на количество земли, скота, угодий говорится и о наличии (или же отсутствии) пасек. В конце XVIII в. на Левобережной Украине в крестьянских хозяйствах насчитывалось до 500 тыс. ульев⁸⁰. Продажа меда на рынке была одной из важных доходных статей крестьянского хозяйства как на местном рынке, так и далеко за его пределами. В конце XVIII в. из края ежегодно вывозилось свыше 12 тыс. пудов меда⁸¹.

В круг сельскохозяйственных занятий зажиточных крестьянских хозяйств входили промысловые предприятия, связанные с переработкой сельскохозяйственного сырья, – мельницы (водяные и ветряные) и винокурни.

О наличии мельниц в крестьянских хозяйствах свидетельствуют опять же такие документальные описания последних, где непременно присутствует графа о количестве мельниц. В том значительном общем количестве мельниц на Левобережной Украине, которое указано в „Топографическом описании Малороссийской губернии” (конец XVIII – начало XIX в.) – 3362 водяных и 12732 ветряных⁸², – несомненно нашли свое место и крестьянские мельницы.

По подсчетам А. Пономарева, в неурожайном 1749 г. в крестьянских хозяйствах Левобережной Украины насчитывалось 320 винокурных котлов (из общего количества в 3221)⁸³. Несмотря на появление в 1761 г. универсала гетмана К. Разумовского, разрешавшего заниматься винокурением лишь феодалам и казакам⁸⁴, крестьянское винокурение продолжало существовать и в последующие годы. В м. Середина-Буда в 1761 г. в 177 крестьянских хозяйствах

насчитывалось 397 винокурных котлов. К началу 80-х годов число крестьянских винокурен в этом местечке снизилось до 242⁸⁵.

Крестьянские мельницы и винокурни обслуживали главным образом потребительские нужды крестьянских хозяйств и в подавляющей своей массе не были еще связаны с товарно-рыночными отношениями.

В качестве дополнительного занятия (ремесла, в основном мужского) определенное место в крестьянском хозяйстве занимало ткачество льна, шерсти, пеньки. О распространении ткачества на Левобережной Украине в какой-то мере свидетельствуют данные вышеупомянутого „Топографического описания Малороссийской губернии“. В Гадяцком уезде насчитывалось 1027 ткачей из общего числа ремесленников 2505 чел., в Роменском – 617 из 2058, в Прилукском – 646 из 1576⁸⁶. По имеющимся у нас данным, годовой доход крестьян (в основном нищетных), занимавшихся ткачеством, обычно не превышал 1 руб.⁸⁷

Наконец, экономика крестьянского хозяйства во второй половине XVIII в. определялась еще в какой-то степени и таким немаловажным фактором, как отрыв части крестьянства от земледелия, осуществлявшемся в виде крестьянских отходов. Последние, будучи тесно связанными с процессом имущественного расслоения крестьянства в данный период, носили двойкий характер. С одной стороны, имел место промысловый отход беднейшего крестьянства на заработки, с другой – все чаще наблюдался торговый отход предпринимательского типа (в основном в виде чумацкого промысла) зажиточных крестьян.

Крестьянские торговые отходы, в свою очередь, свидетельствовали о вовлечении крестьянского хозяйства в систему растущих товарно-денежных отношений на Левобережной Украине во второй половине XVIII в.

Таким образом, экономика крестьянского хозяйства в изучаемый период в определенной степени определялась уже и ростом его товарности, дальнейшим развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве в недрах феодального строя. Степень товарности крестьянского хозяйства находилась в прямой связи и взаимообусловленности с процессом расслоения крестьянства.

Если принять во внимание тот факт, что крестьянство на Левобережной Украине, как и во всей России, во второй половине XVIII в. составляло абсолютное большинство населения*, то правомерным

---

* По ревизии 1764 г., владельческих крестьян было 466767 (см. ЦГАДА. – Ф. 13, д. 76, л. 163). Крепостные крестьяне мужского пола на Левобережной Украине в 1784 г. составляли в Черниговском наместничестве – 173996 (монастырских и помещичьих вместе), в Киевском наместничестве – 212158 (монастырских и помещичьих вместе), в Новгород-Северском – 36446 (только монастырских). Итого: 422600 (см.: ЦГАДА. – Ф. 13, д. 96, л. 5).

будет вывод о том, что с ростом товарности крестьянского хозяйства, активным вовлечением его в систему товарно-денежных отношений, крестьяне становились все более серьезными конкурентами помещиков в поставке сельскохозяйственной продукции на рынок.

3. ПОМЕЩИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО

Развитие крестьянского хозяйства, его экономика в условиях господства феодально-крепостнических отношений находились в тесной взаимосвязи с экономической структурой собственно помещичьего хозяйства*. Остановимся на некоторых аспектах экономики помещичьего хозяйства на Левобережной Украине во второй половине XVIII в. Как и в крестьянском хозяйстве, основное место здесь принадлежало земледелию. Определенное представление о размерах посевов основных сельскохозяйственных культур в помещичьих хозяйствах (как мелких, так и крупных) ряда феодальных вотчин Киевского, Лубенского, Нежинского, Переяславского, Миргородского, Прилукского и Стародубского полков в середине 60-х годов XVIII в. можно иметь исходя из материалов Румянцевской описи. А именно: рожь – от 8 до 150 четвертей, пшеница – от 2 четвериков до 10 четвертей, греча – от 5–20 четвериков до 15 четвертей, ячмень – от 6 четвериков до 70 четвертей, овес – от 1,5 четверти до 90 четвертей, горох – от 1 четверика до 5 четвертей, просо – от 4 гарцев до 5 четвертей, конопля – от 1 четверика до 3 четвертей, лен – от 1 четверика до 2 четвертей⁸⁸.

Существенным дополнением к этому могут послужить суммарные данные о размерах посевов и сбора урожая за 1772 г. в хозяйствах Батуринской, Быковской, Гадячской, Яготинской волостей, принадлежавших одному из крупнейших помещиков не только Левобережной Украины, но и всей России – гетману К. Разумовскому⁸⁹.

Культура	Посеяно (четвертей)	Собрано (четвертей)
Озимая рожь	1262	6708
Яровая –"–	1	9
Озимая пшеница	63	480
Яровая –"–	88	565
Ячмень	840	4589
Овес	2239	9417
Лен	12	62
Конопля	75	443

* Именно в этом плане, т. е. без учета непосредственно крестьянских хозяйств, и будет подана характеристика помещичьего, а также монастырского хозяйств в данном разделе.

Основное значение, как видим, в помещичьих хозяйствах имели такие злаковые культуры, как рожь и ячмень. Большое внимание, в связи с развитием коневодства, уделялось также посевам овса. Очевидно, еще недостаточное распространение в помещичьих хозяйствах в это время имела пшеница. Подобное можно сказать и о посевах льна и конопли – главных технических культур второй половины XVIII в.

Полученные нами из Румянцевской описи данные о реальной земельной обеспеченности ряда помещичьих хозяйств позволяют произвести определенное разделение феодальных хозяйств по этому имущественному признаку на три основные группы: мелкие, средние и крупные. К мелким, по нашим данным, можно отнести те помещичьи хозяйства, в которых имелось не более чем на 100 дней пахотной земли⁹⁰, к средним не менее 100–300 дней пахоты⁹¹, крупными могли считаться такие помещичьи хозяйства, где было уже свыше 300 дней пахотной земли⁹².

Аналогичной группировке поддаются помещичьи хозяйства и по количеству имеющегося в них скота. Отдельные мелкие помещичьи хозяйства здесь нередко стояли на уровне зажиточных и средних крестьянских хозяйств, а порою и уступали последним. Так, например, в хозяйстве отставного сотника К. Косташа (с. Браницы Бобровицкой сотни Киевского полка) из домашнего скота насчитывалось: 1 корова, 1 теленок, 3 лошади, 2 свиньи. В хозяйстве Киево-Троицкого (Больницкого) монастыря (с. Осокорки Гоголевской сотни Киевского полка) было 2 вола, 2 коровы, 2 телят, 2 лошади, 6 свиней⁹³.

Вместе с тем в крупных помещичьих хозяйствах нередко сосредоточивалось большое количество скота, размещаемого в так называемых заводах. Обычно в таких случаях скотоводство носило предпринимательский характер. В 1772 г. в хозяйствах К. Разумовского перечисленных волостей (см. с. 29) волов, например, насчитывалось 2233 головы, коров – 1417, овец – 11464⁹⁴. У помещика А. Разумовского в Полтавском уезде в середине 80-х годов XVIII в. было 1300 голов крупного рогатого скота и более 5000 овец. Крупнейшими владельцами скота были также помещики Завадовские, Безбородько, Гудовичи, Милорадовичи, Свечки и др. В конце 90-х годов XVIII в. на Левобережной Украине в общей сложности насчитывалось 199 конских заводов, 207 заводов крупного рогатого скота, 209 овчарен⁹⁵. Основная масса скота была местных пород, но вместе с тем крупные помещики разводили улучшенные породы лошадей, крупного рогатого скота и овец. Например, в хозяйствах К. Разумовского в с. Андреевка, полковника А. Марковича в с. Погарщине и сл. Поповщине Глинского уезда в 80-е годы XVIII в. разводили лошадей неаполитанской, английской, испанской, датской и дру-

гих пород. Стоимость одной такой лошади составляла 1–2 тыс. руб.⁹⁶ В хозяйстве графа Завадовского в с. Тепловка на Черниговщине было 5 тыс. овец испанской породы.⁹⁷

В советской исторической литературе признан тот факт, что Левобережная Украина в конце XVIII в. являлась, по существу, крупнейшим в Российском государстве районом помещичьего предпринимательского скотоводства.⁹⁸

С развитием скотоводства уделялось большое внимание вопросу обеспечения помещичьих хозяйств сенокосами.

Румянцевская опись дает некоторое представление о размерах сенокосов в отдельных помещичьих хозяйствах. Так, у помещицы А. Ханенко (д. Мокрецы Бобровицкой сотни Киевского полка) сенокоса было на 240 копен сена, т. е. на 24 десятины земли; у помещицы М. Солонины (с. Заворичи Бобровицкой сотни Киевского полка) – на 372 копы. Киевский Златоверхо-Михайловский монастырь в с. Крыхаев Остерской сотни Киевского полка имел сенокос на 290 копен. Помещик К. Фридрикевич в с. Подолов Кролевецкой сотни Нежинского полка имел 4 сенокоса на 125 возов сена⁹⁹, т. е. размером в 250 десятин земли* и т. д. Вместе с тем отмечался значительный рыночный спрос на сено. В 40-х годах XVIII в., например, 40 копен сена можно было купить за 9 руб., в 1755 г. такое количество сена уже стоило 12 руб. 50 коп.¹⁰⁰

Значительные доходы помещику приносило владение лесными угодьями. Потребность в дровяном топливе, а также в строительном лесе у населения была постоянная. О наличии лесов во многих помещичьих хозяйствах свидетельствует все та же Румянцевская опись¹⁰¹. Как видно из тех же данных, лесные угодья являлись объектом широкой купли-продажи. Например, отставной значковый товарищ А. Булах скупил в с. Добротов Кролевецкой сотни Нежинского полка в 50–60-х гг. XVIII в. у местных казаков лесных массивов (березовый, дубовый, сосновый) площадью 2542 сажени** на сумму 72 руб. Сосед Булаха, войсковой товарищ Я. Ярановский, имел в районе своего хутора под с. Добротов только купленных лесных массивов площадью в 15764 сажени, на сумму 196 руб. В 60-е годы XVIII в. ореховый дровяной лесной массив размером в длину 70–80, в ширину 30 триаршинных сажений можно было купить за 15–16 руб., размером в длину 60, в ширину 40 триаршинных сажений – за 6–7 руб.¹⁰²

Как правило, неотъемлемой частью помещичьего вотчинного хозяйства на Левобережной Украине второй половины XVIII в. являлись водяные и ветряные мельницы и винокурни.

В мелких помещичьих хозяйствах обычно была одна мельница на 1–2 рабочих камня (круга), которыми перемалывали зерно. Годо-

*Из расчета, что на 1 воз можно поместить 20 копен, т. е. сено с 2 десятин земли.

**Сажень равнялась 175,5 см.

вой доход от помола зерна с такой мельницы составлял от 2–5 до 40 четвертей муки. За год одна мельница обычно перемалывала от 20 до 400 четвертей зерна¹⁰³. Например, сотник Громыко при своем хуторе (возле с. Смелое Лубенского полка) на р. Очеретянке имел одну водяную мельницу „о двух кругах – одном мучном, а другом ступном просяном о пяти толчеях”. Мельница, работая только весной и осенью, перемалывала в год „разного хозяйского хлеба и привозу разный людей” до 20 четвертей, а проса – до 6 четвертей. За помол брали с посторонних лиц до 2 четвертей мукой и до 1 четверти пшеном. Мельница „о двух камнях”, принадлежащая войсковому товарищу Я. Ярановскому (на хуторе в 6 верстах от г. Кролевец), работала круглый год („мелет на р. Рета беспрестанно”) и перемалывала в год до 400 четвертей зерна. Годовой доход с нее составлял 40 четвертей муки. Мельница была куплена дядей Ярановского в 1712 г. у местных казаков за 820 рублей¹⁰⁴.

Две водяные мельницы (на р. Оржице), принадлежавшие войсковому товарищу П. Свечке, в 1767 г. за год перемололи до 500 четвертей муки и до 100 четвертей пшена. Годовой их доход составлял до 45 четвертей мукой, до 8 четвертей пшеном¹⁰⁵.

Киево-Печерская Лавра на р. Дубовке близ с. Пуховка (Гоголевская сотня, Киевский полк) владела одной мельницей и на р. Десне еще тремя (все они имели по одному рабочему камню). Годовой доход со всех четырех мельниц составлял 30 четвертей мукой и 10 руб.¹⁰⁶. Таким образом, мельницы в помещичьих хозяйствах носили, как правило, предпринимательский характер.

Винокурение являлось привилегией феодального класса и было одной из самых доходных статей помещичьего хозяйства. Переработка хлеба на водку давала прибыли в 2–4 раза больше, чем продажа хлеба. По подсчетам А. Пономарева, прибыль от каждого ведра выработанной водки составляла 44 %. Особенное распространение винокурение получило в помещичьих хозяйствах на Стародубщине и Черниговщине, где имелась обширная топливная база – лесные массивы. В 1749 г. на Левобережной Украине в феодальных хозяйствах насчитывалось 1522 винокурных котла¹⁰⁷. Основным сырьем для изготовления водки были рожь, ячмень, гречиха, иногда овес и пшеница. Производительность винокурни обычно зависела от количества находящихся в ней котлов. Например, мелкие винокурни на 1 котел давали в год продукции, по нашим данным, от 50 до 180 ведер¹⁰⁸. Наличие более крупных винокурен в помещичьих хозяйствах, как правило, было связано с предпринимательской деятельностью их владельцев.

Так, уже упоминаемый выше А. Булах в своем хозяйстве в с. Добротове имел винокурню на 2 котла, которая, работая в зимнее время, давала вина на 5 куф (в каждой по 30 ведер), т. е. 150 ведер. Это вино владелец использовал в основном для продажи –

„отсылает в посторонние места и продает бочками и ведрами”¹⁰⁹

Винокурня на 5 котлов помещика Л. Филоповича (на хуторе возле с. Дубович Кролевецкой сотни Нежинского полка) только за зимнее время давала вина на 15 тридцативедерных куф. От продажи вина помещик имел дохода 50 руб. в год. Как и большинство владельцев винокурень, Филопович наряду со своим хлебом широко использовал для винокурения и покупной – „хлеб и прочее употребляет свой собственный и покупает в городах Глухове и Кролевце и в других местах до 50 четвертей.” Винокурня крупного помещика, генерального есаула И. Жоравки в его родовом имении (с. Жоравки Стародубского полка) в летнее время работала на 3 котла, а в зимнее – на 6. В год она вырабатывала до 400 ведер вина. Значительная часть этой продукции продавалась в местных кабаках („шинках”), принадлежавших тому же И. Жоравке¹¹⁰.

Отставной сотник Я. Дубницкий получаемое с винокурни на 4 котла (купил в 1764 г. в г. Коропе за 150 руб.) вино (в год по 30 куф) „отвозит в засеимские места куфами”. Наряду со своим хлебом Дубницкий использовал и покупной в г. Коропе, где он покупал для нужд винокурения также мед (до 30 четвертей) и солод (до 20 четвертей). Винокурня на 6 котлов (на хуторе возле м. Новые Млины Нежинского полка), принадлежавшая генеральному обозному С. Кочубею, давала в год свыше 3 тыс. ведер вина, которое продавалось в местечках Новые Млины, Борзне, Конотопе и др. При этом крупный помещик С. Кочубей для винокуренного производства обходился своим сырьем и топливом¹¹¹.

Характерной особенностью помещичьего винокурения на Левобережной Украине во второй половине XVIII в. было то, что оно не сосредоточивалось на крупных заводах (как скажем, в России. – А. П.), а велось на мелких предприятиях. Последние же, в свою очередь, являлись в большинстве случаев собственностью кучки украинской и русской знати. Так, в Глуховском уезде в конце XVIII в. Кочубеям принадлежало 19 винокуренных заводов, дававших свыше 27 тыс. ведер вина в год, Г. Неплюеву – 16 на 22700 ведер, П. А. Румянцеву – 14 заводов на 13200 ведер и т. д.¹¹². Крупным собственником винокурень была Киево-Печерская Лавра¹¹³ и другие монастыри Левобережной Украины.

Широкое распространение помещичьих винокурень отрицательно сказывалось на товарности помещичьего хозяйства в целом. Его основной продукт – хлеб шел в большинстве случаев на нужды винокуренного производства. В таких условиях постоянно росла товарность крестьянского хлеба, который помещики (в связи с нехваткой своего), как свидетельствуют, например, документы Румянцевской описи, закупали в большом количестве для того же винокурения. Таким образом, винокурение, с одной стороны, приносило немалые прибыли помещичьему хозяйству, а с другой – в значи-

тельной мере мешало его широкому выходу на рынок (как на местный, так и особенно на всероссийский) с главной сельскохозяйственной продукцией того времени – хлебом.

Увеличения количества продуктов, производимых в барщинном хозяйстве для вывоза на рынок, помещики во второй половине XVIII в. добивались главным образом усилением крепостнической эксплуатации, очень мало изменяя саму технику сельскохозяйственного производства. Помещичье имение этого периода, как следует из вышеизложенного, оставаясь по своей организации типичным барщинным хозяйством, превращалось в сложную систему самых разнообразных сельскохозяйственных и промышленных предприятий, основанных на крепостном труде.

В качестве типичного примера крепостнического хозяйства среднего помещика второй половины XVIII в. можно привести описание хозяйства Петропавловского монастыря* (возле г. Глухова). По ревизии 1764 г., за Петропавловским монастырем числилось 289 крестьянских хат. В 1785 г. ему принадлежало 242 крестьянских двора. Для сравнения можно отметить, что в это же время Киево-Печерской Лавре принадлежало 4815 крестьянских дворов, расположенных по всей Левобережной Украине. В состав Лаврского хозяйства входили воскобойни, бумажные заводы, рудни, поташные гуты и другие промышленные предприятия, не связанные с сельским хозяйством. Петропавловский монастырь занимался лишь получением и переработкой сельскохозяйственных продуктов.

В 1755 г. на монастырском поле было засеяно 85 четвертей ржи. Урожай ржи составил сам–3,5. Урожай пшеницы в том же 1755 г. был сам–4. В 1768 г. урожай ржи составил сам–5. Из озимых культур здесь обычно засеивались рожь и частично пшеница (так называемая турецкая), а из яровых – овес, ячмень, горох, просо и особенно греча. В 1768 г. из общего урожая в 2009 копен на долю озимых приходилась 701 копна, на долю овса – 195, гречи – 1051 копна. Из технических культур в монастырском хозяйстве преобладала конопля. В 1768 г. на землях, принадлежавших Репяховской экономии (с. Репяховка), был, например, получен урожай конопли в 3 четверти зерна, в Вязонской экономии (с. Вязонка) – 20 четвертей, в Черновской экономии (с. Черново) – 3 четверти.

В целом монастырские посевы всех зерновых культур охваты-

---

* 54 монастыря, которые были на Левобережной Украине во второй половине XVIII в. (до секуляризации монастырских земель) можно условно поделить на группы соответственно к числу принадлежавших им крестьянских дворов:

до 50 дворов – 18 монастырей;

от 50 до 400 дворов – 24 монастыря;

–"– 400 –"– 2 тыс. –"– 11 монастырей;

–"– 4000 –"– 5000 тыс. –"– 1 монастырь.

(См.: ЦНБ АН УССР. – Ф. X, д. 4477, лл. 88–89.)

вали земельную площадь до 300 десятин. В монастырском хозяйстве находилась пасека. Данные о количестве получаемого меда на этой пасеке отсутствуют. Но о размерах пасеки можно приблизительно судить по кругу обязанностей и вознаграждению, которые имел пасечник. Последний, в частности, кроме того что ухаживал за пчелами, должен был мастерить новые ульи (до 20 шт. в год) и бочки („барилы“), стеречь пуцу и сад, делать деревянную посуду, различный инвентарь и т. п. На протяжении 1768–1781 гг. пасечник за свою работу получал в год: 3–4 руб., ржи – 3–3,5 четверти, гречи и гречневой муки – 2–3 четверти, других круп – 4 мерки, гороха – 2–5 мерок, сала – 1–2 пуда, соли – 2 пуда, конопляного масла – 3–5 кварт, сушеной рыбы (тарани) – 200 шт., водки – 1 ведро. Кроме денег и продуктов пасечник получал также одежду: кожух (или свиту), сапоги и рукавицы.

В монастырской вотчине на сельскохозяйственных работах наряду с барщиной довольно широко использовался наемный труд. Так, в 1777 г. в экономии в с. Богдановка за прополку грядок, выбор с земли лука и плетение его в венки наемным рабочим (как правило, женщинам) платили по 3 коп. в день. Как сообщал в том же году богдановский эконом, за уборку сена он заплатил четырем косарям 24 коп., двум гребцам – 6 коп., за набрасывание сена на возы – 12 коп. (двум наемным работникам).

В каждой из семи экономий Петропавловского монастыря находилась мельница. Помол зерна в мельнице производил мельник (мерочник). На крупных мельницах мельников обычно было несколько человек. Так, в 1767 г. на мельнице в подмонастырской слободе работали 4 мельника, в с. Холопков – 3 и в с. Вязонка – 3. Тот, кто пользовался услугами монастырской мельницы, в качестве платы отдавал в пользу монастыря десятую часть всего перемолотого им зерна (так называемый размер). Девятая (иногда восьмая. – А. П.) часть размера шла в пользу мельников как плата за их труд.

Общая прибыль монастыря от мельниц за помол крестьянского зерна обычно составляла не менее 500 четвертей.

В хозяйстве Петропавловского монастыря было пять винокурен, продукция которых продавалась в 13 принадлежащих монастырю кабаках (шинках). Если всей произведенной в хозяйстве водки в обычном порядке сбывать не удавалось, крепостных заставляли покупать ее в принудительном порядке.

Сырьем для винокурения был обычно хлеб, имеющийся в монастырском хозяйстве (т. е. урожай, полученный с полей, а также размер от мельниц. – А. П.). Так, в 1775 г. в бородавскую винокурню (винницу) с монастырских мельниц привезли 630 четвертей 2 мерки муки, в 1777 г. муки и солода – 611 четвертей 2 мерки. В случае нехватки монастырского хлеба как сырья, что случалось довольно часто, его докупали.

Отличаясь сравнительно низкой себестоимостью, винокуренное производство в монастыре давало довольно высокие прибыли. Так,

в 1757 г. на производство 2 куф водки было затрачено 13,55 руб., а продали ее за 29,28 руб.

Однако главным показателем прибыльности винокурения следует считать цены на хлеб в тот или иной период. При повышении цен на хлеб винокурение давало меньше прибыли, ибо резко повышалась его себестоимость. В таких случаях объем винокурения в монастыре обычно уменьшали, а иногда и вовсе временно прекращали, а зерно вывозили на продажу. Так, в 1771 г. когда цены на хлеб в Воронежской сотне поднялись до 2 руб. 40 коп. за четверть ржи (в 1757 г. – 48 коп.), в Богдановке винокурение прекратили, а размер, получаемый с богдановской мельницы, решили продавать. О том, что винокурение имело абсолютно преобладающее значение среди других прибыльных статей в хозяйстве Петропавловского монастыря свидетельствуют данные о прибылях Петропавловского монастыря в 1779–1783 гг. (табл. 5).

Значительные доходы монастырю давали его ростовщические операции, принимавшие особенно большие размеры в годы неурожая и других стихийных бедствий. Монастырь стягивал долги всеми способами, которые были в его распоряжении. Наиболее часто употреблялось „заграбление”, т. е. насильственное отбирание имущества должника. Вся земля в этом вотчинном хозяйстве (в том числе и та, которая находилась в пользовании подданных крестьян. – А. П.) была в полной феодальной собственности монастыря. Крестьяне не имели права по своему усмотрению продавать или заставлять земли, находившиеся в их пользовании даже по наследству. Так, в 1770 г. подданный монастыря А. Ковбасенко просил разрешить ему продать на сруб свой лесок (гаек), чтобы выплатить долг монастырю. Правление монастыря (соборная братия) дало согласие на это, но при таком условии: „... продать на сруб гаек рублей за 10, а более не продавать, который гаек должен эконо́м поехать посмотреть, а другим подданным, кроме Антона Ковбасенко, никому впредь не продавать и не заставлять без ведома монастырского”.

Таблица 5

Доходы	Годы					
	1779	1780	1781	1782	1783	Итого
Годовая сумма дохода монастыря от всего хозяйства (руб.)	4658,72	5002,19	4288,53	4754,20	3968,41	22672,06
Из них – от винокурения (с питейных сборов) (руб.)	3433,48	4092,54	3345,29	3597,39	3111,06	17579,77

В 1777 г., когда пятеро крестьян с. Холопков без разрешения отдали под посев местным казакам свои пахотные земли, монастырское правление издало приказ о строгом запрещении подобных действий, а деньги, полученные подданными от казаков, конфисковало.

О порядке отбывания барщины в монастырском хозяйстве свидетельствовал ордер правления 1777 г. В нем, в частности, говорилось о том, чтобы подданные монастыря высылали на барщину с каждого двора по одному человеку с конем через три дня. Подобная же организация существовала в большинстве средних помещичьих хозяйств того времени. Так, в хозяйстве Г. Полетики (села Юдинов и Чеховка возле г. Погара, с. Коровинцы Роменского уезда), где в 1780 г. насчитывалось около 3 тыс. подданных крестьян, наряду с хлебопашеством и скотоводством широко было развито винокуренное производство на рынок. При этом активной торговлей вином занимался сам помещик. В 1777 г. в одном из своих писем к жене из Петербурга Г. Полетика писал: „Я объявил себя поставщиком на 1000 ведер в четыре города, т. е.: в Трубчевск, в Путивль, в Рыльск и во Мценск, и сие сделал с тем намерением, чтобы подрядиться в те места, где на меня выгоднее и ценою сходнее будет... А я себе положил за правило, чтоб во все прочие города ниже 75, а по крайней мере 70 коп. не рядиться, кроме Трубчевска, в который для близости можно взять и дешевле...”¹¹⁴. Чуть раньше он писал своему управляющему: „Третьего дня кончил мой подряд на поставку вина. В Трубчевск подрядил я ставить – 1730 ведр по 59 коп., в Путивль – 3254 ведра по 65 коп.”¹¹⁵

В то же время помещики часто закупали на рынке для своих нужд крупные партии сельскохозяйственного инвентаря, различные продукты земледелия, прежде всего хлеб для винокурения, сырье для своих промышленных предприятий (лен, коноплю, шерсть и др.), а также скот. Украинские помещики являлись также крупными потребителями различных изделий местной и русской промышленности, а также предметов роскоши отечественного и иностранного производства.

Таким образом, во второй половине XVIII в. наблюдается довольно тесная связь помещичьего хозяйства с рынком. При этом помещики выступают не только как крупные товаропроизводители, но и как потребители.

4. КАЗАЦКОЕ ХОЗЯЙСТВО. РАССЛОЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА

Во второй половине XVIII в. казачество Левобережной Украины продолжало оставаться сословием, сохранившим, по сравнению с крестьянством, отдельные права и привилегии. Казаки были лично свободными и, в отличие от крестьян, освобождались от значительной части государственных налогов и повинностей. Основной обя-

занностью казачества по-прежнему было отбывание воинской службы*.

В условиях дальнейшего развития товарно-денежных отношений среди казачества наблюдалось значительное расслоение и углубление имущественного неравенства. Еще в конце XVII – начале XVIII в. от основной массы казаков отделилась зажиточная прослойка – выборное казачество. Выборные казаки отбывали воинскую (казацкую) службу за свой счет, освобождаясь при этом от государственных налогов. Остальная часть казаков принадлежала к обедневшей категории и называлась подпомощниками. Будучи не в состоянии, по экономическим причинам, лично отбывать воинскую службу, подпомощники сообща снабжали выборных казаков провиантом, оружием, одеждой, лошадьми и т. п.

Отбывание воинской службы выборными казаками, а также помощь им со стороны подпомощников обеспечивались прежде всего наличием у них земельных угодий. В связи с этим казацкая земля приобретала особое значение. Она должна была быть во владении лишь у казаков. Если представитель другого сословия каким-то образом приобретал казацкие земли, он обязан был за счет прибыли с этих земель отбывать воинскую повинность, т. е. он становился казаком. Так называемые „выписчики“, т. е. перешедшие из казацкого сословия в другое, считались лишь лицами казацкого происхождения, но не казаками.

Господствующей формой казацкого землевладения на Левобережной Украине во второй половине XVIII в. продолжало оставаться личное землевладение**. Убедительно об этом свидетельствует, в частности, факт большого количества безземельного казачества в регионе (см. с. 11–14). На данное обстоятельство обратило внимание немало исследователей еще в дооктябрьский период¹⁶.

Несомненно, процент безземельных казацких дворов не мог бы быть большим, если бы господствовало, скажем, общинное владение казацкими землями. О том, что казацкие земли были прежде всего в личном владении, свидетельствовали и многочисленные факты их продажи. Особенно активно занималась скупкой этих

* Имеется в виду служба казаков в украинских казачьих полках, входивших в состав русской регулярной армии, а также иррегулярных войск.

** Поскольку право казака на землю было связано с определенными повинностями, в частности военными, в пользу верховного собственника земли – феодального государства, то в экономическом смысле казацкое землевладение было феодальным держанием, условным владением.

Вместе с тем, следует отметить, что юридическое положение казака как свободного производителя создавало специфику казацкого землевладения. Эта специфика заключалась прежде всего в том, что, будучи, собственно, порождением феодального строя, казацкое землевладение одновременно становилось предвестником буржуазных отношений.

земель казацкая старшина. Хотя царский указ 1739 г. и запрещал подобные действия, однако практического значения это запрещение фактически не имело. Особенно это стало очевидным после восстановления в 1750 г. на Левобережной Украине гетманства. В 1754, 1760 и 1761 гг. гетман К. Разумовский издал специальные ордера, в которых говорилось о том, что „купленные частями у казаков грунты” разрешалось оставлять у тех феодалов, которые эти земли приобрели. Мотивировалось это тем, что военную службу мол можно было отправлять и с той части земли, которая еще оставалась у этих казаков¹¹⁷. Тем не менее во второй половине XVIII в. со стороны царского правительства, заинтересованного в сохранении казачества, прежде всего как даровой военной и рабочей силе, продолжают проводиться мероприятия, направленные на сохранение казацкого землевладения. В 1764 г. Сенат в специальной грамоте приказал гетману Разумовскому оформить купчие записи на все купленные казацкие земли. После ликвидации гетманства действия царского правительства в этом плане становятся еще более решительными. В частности, начиная с середины 60-х годов XVIII в. издается ряд правительственных распоряжений наказывать покупателей казацких земель „отнятием грунта (казацкого. – А. П.) и лишением денег, за оный заплаченных”. Эти отобранные земли возвращались „для службы в род казачий”¹¹⁸. В купле-продаже казацких земель активное участие принимали и сами казаки, для которых это было, по существу, главным способом приобретения новых сельскохозяйственных угодий¹¹⁹. Личное казацкое землевладение предусматривало наследование земли (владеет по наследству)¹²⁰.

Кроме личной казацкой земли была еще общинная казацкая земля. Исследователь И. В. Лучицкий на основании большого документального материала доказал факт существования в XVIII в., в частности, во второй половине, на Левобережной Украине казацких общинных земель – лесов, сенокосов, степей – выгонов для скота и т. п.¹²¹

Если после казака в силу тех или иных причин (смерть, бегство и т. п.) оставались земли, то по согласию казацкой общины они могли быть отданы в постоянное владение новоприбывшему в данную местность казаку, не имевшему своей земли. Так, в 1761 г. в с. Бобрик Лубенского полка прибыл казак Павлов, который обратился к куренному атаману с просьбой выделить ему свободный земельный участок (грунт) „для вечного житья и владения, дабы как прочие казаки службу отбывать”. Казацкая община предоставила в распоряжение Павлова часть земли, оставшейся после умерших местных казаков¹²². Целый ряд подобных примеров по Переяславскому полку подает И. Лучицкий. Так, в 1761 г. казак-подпомощник с. Калеберда Я. Хоменко с разрешения казацкой общины приобрел сенокос на 20 копен (5 возов), а в 1765 г. таким же образом он

получил подворье, оставшееся после казака-беглеца. В 1759 г. выборный казак того же села С. Дерево „с согласия общества”, т. е. с разрешения казацкой общины, приобрел лес на 200 саженой в окружности¹²³. Кроме указанных сельскохозяйственных угодий в общинном владении казаков иногда находились целые степи с пахотными участками и сенокосами, принадлежавшими отдельным казакам. Ведомости о существовании таких степей имеются, в частности, в Румянцевской описи по Переяславскому полку. Так, казаки с. Богодуховки Кропивянской сотни М. Шишка, братья Красоны, Л. Овдиенко и другие „употребляют землю для пахания хлеба и косьбы сена на переменных местах в степени, общенераздельно владеемой при с. Богодуховке”¹²⁴. Об общественном владении казаками такими степями и особенно сенокосами говорит и М. Рклицкий¹²⁵.

В целом же общинные земли в изучаемый период в казацком землевладении занимали несравненно меньшее место, нежели личное владение землей.

По своей структуре и экономике казацкое хозяйство в основном совпадало с крестьянским. Одним из главных занятий обычно считалось хлебопашество. Посевы сельскохозяйственных культур в казацких хозяйствах, по нашим данным, колебались в соответствии с имущественным расслоением казачества в таких объемах: рожь – от 4 четвериков до 8 четвертей*, пшеница – от 1 четверика до 0,5 четверти, греча – от 2 четвериков до 4 четвертей, ячмень – от 2 четвериков до 1,5 четверти, овес – от 0,5 четверти до 8 четвертей, горох – 2 четверика, просо – от 1 четверика до 0,5 четверти, конопля – от 1 четверика до 1 четверти, лен – от 1 гарца до 0,5 четверика. При всей условности приведенных данных количественные показатели урожайности перечисленных культур говорят прежде всего о потребительском характере хлебопашества основной массы казацких хозяйств.

Вместе с тем зажиточные казаки, имея значительные земельные угодья и много скота, нередко сдавали основную часть своих земель в аренду безземельному и малоземельному населению, в основном обедневшим казакам, получая, таким образом, широкую возможность наряду с земледелием заниматься промыслами, ремеслами и торговлей. Характер промыслов в казацких хозяйствах зависел от специфики данной местности. Показательной в этом плане была Стародубщина. Земля здесь не плодородная и местное население (в том числе и казаки) не могли обойтись одним земледелием. На лесных массивах Стародубщины наряду с земледелием были широко распространены такие промыслы, как бортничество, будничество, гутничество и рудничество. Однако су-

* Лишь в одном случае (в хозяйстве богатого казака А. Кабана. – А. П.) обнаружился посев ржи на 32 четверти (см. ниже).

ществование лесов не всегда определяло широкое развитие указанных промыслов. Примером в этом отношении являлась богатая на лесные массивы территория Нежинского полка, где лесные промыслы не имели широкого распространения¹²⁶. В тех районах, где преобладало хлебопашество, среди казацких промыслов наиболее распространенным было винокурение. Это, в частности, можно сказать о территории Городницкого и Березанского уездов Черниговского наместничества¹²⁷. В то же время в некоторых земледельческих районах, таких как, например, Новгород-Северский и Мглинский уезды Новгород-Северского наместничества, в казацких хозяйствах преобладали такие промыслы, как обработка льна и конопли¹²⁸.

Казацкие промыслы, которые, конечно, далеко не исчерпывались названными выше, будучи тесно связанными с земледелием, в то же время все активнее проявляли тенденцию к отделению в самостоятельные отрасли хозяйства. Об этом, в частности, свидетельствовало наличие в зажиточных казацких хозяйствах таких промысловых предприятий, как винокурни, мельницы разного типа, пасаки и т. п. Значительное распространение среди богатого казачества имел чумацкий промысел. Кроме промыслов в казацких хозяйствах заметное место занимали различные ремесла и так называемая домашняя промышленность, которая, по определению В. И. Ленина, представляла собой переработку сырьевых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает¹²⁹. Однако ни ремесло, ни домашняя промышленность не определяли разложение натуральных основ казацкого хозяйства. Дальнейшее расширение и углубление товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве казаков, так же как и крестьян, в это время непосредственно было связано с развитием кустарной промышленности, т. е. мелкой сельской промышленности, которая уже в значительной степени работала на рынок. В. И. Ленин не раз указывал на необходимость отличать мелкого производителя от сельского ремесленника и наемного работника¹³⁰.

В казацких хозяйствах во второй половине XVIII в., наряду с земледелием, ремеслами, промыслами, все более значительную роль играла торговля. Более того, появлялись уже казаки, которые оторвавшись фактически от земледелия, занимались исключительно торговлей. Например, в Велико-Будищанской сотне Полтавского полка подобных казацких хозяйств насчитывалось 23. Из них 10 хозяйств занимались торговлей вином, одно – вином и мясом, одно – вином, медом и воском, четыре – вином и красной тканью (крамом), одно – косами и дегтем, три – рыбой и солью, два – рыбой и овчиной, одно – воском¹³¹. Как видим, среди предметов торговли преобладает вино. В этой связи следует сказать, что вино и водка были в то время на Левобережной Украине одним из главных рыночных товаров, продажа которых приносила значительно больше при-

были, чем, например, торговля хлебом. Поэтому основная масса товарного зерна обычно шла на производство винно-водочных изделий. Из предметов казацкой торговли следует назвать еще рогатый скот, лошадей, овец, конопляное масло, хлеб, табак, свиное сало, овечьи шкуры, пеньку¹³².

Казаки-торговцы имели достаточно высокие прибыли. Так, во 2-й полковой сотне Полтавского полка среднегодовая прибыль казацкого хозяйства с ремесла составляла 8 руб. 40 коп. Хозяйства, где занимались лишь хлебопашеством, прибыль равнялась 2 руб. В то же время хозяйства, занимавшиеся исключительно торговлей (солью, скотом, рыбой), имели среднегодовую прибыль в 20 руб. Аналогичное явление наблюдалось и в Велико-Будищанской сотне того же Полтавского полка¹³³. Годовая прибыль выборных казаков г. Борисполя, занимавшихся торговлей, составляла в среднем 15 руб. на одно хозяйство (хлебопашеством – соответственно – 7 руб. 55 коп., промыслами и хлебопашеством – 20 руб. 41 коп)¹³⁴. В Гоголевской сотне среднегодовая прибыль казацкого хозяйства, где занимались торговлей рыбой, солью и водкой, достигала 40 руб.¹³⁵ Как видим, торговля для казака была достаточно выгодным делом (речь идет прежде всего о зажиточном казачестве), с прибыльностью которого могло конкурировать разве что занятие промыслами и торгово-промышленной деятельностью.

Развитие ремесла, промыслов и торговли в казацких хозяйствах, втягивание последних в товарно-денежные отношения способствовали увеличению применения в них наемного труда. Например, в Топальской сотне Стародубского полка 35,7 % казацких хозяйств имели наемных работников, из которых половина была семейными. В Конотопской сотне Нежинского полка 16 % казацких хозяйств использовали наемных работников, из которых больше половины имели семьи¹³⁶. В 160 казацких дворах четырех сотен (Золотоношской, Гельмязевской, Пещанской и Леплявской) Переяславского полка в 1767 г. насчитывалось 188 наемных работников обоего пола¹³⁷.

Таким образом, зажиточные казаки приобретали уже немало черт сельской буржуазии, для которой, по определению В. И. Ленина, наем поденных рабочих был чрезвычайно характерным признаком¹³⁸.

В целом же в казацком сельском хозяйстве, как видим, активно вызревали (в рамках феодально-крепостнических отношений) элементы капиталистического уклада. Этому явлению способствовали юридическое положение казака как свободного товаропроизводителя и специфика казацкого землевладения.

Расслоение украинского казачества было юридически оформлено в 1735 г. специальным указом „Правления гетманского уряду“, который утвердило и царское правительство. Тогда же была вы-

работана специальная инструкция (форма) Генеральной войсковой канцелярии, которая на основании степени материального обеспечения казака определяла его место в той или иной группе выборных*, а также формулировала и главный признак, по которому определялась принадлежность к категории подпомощников¹³⁹. К выборным „без всякой подмоги” упомянутая форма относила категории казаков, имевших: 1) пахотное поле, сенокос, лес, скот, мельницы, пасеки, винокурни, солодовни и другие промыслы; 2) одну винницу на два котла, солодовню или же водяную мельницу; 3) одно пахотное поле, сенокос, лес (и больше не владели ничем); 4) 2–3 коней, 2–3 волов и овец, пасеку (относительно этой имущественной категории выборного казачества допускалась „подмога”, однако непременно со стороны „самих убогих и без имущества” подпомощников); 5) пахотное поле не менее чем на 5 четвертей посева и сенокос не менее чем на 10 возов сена; 6) „знатные, или средние, промыслы” (но не имевшие сельскохозяйственных угодий).

Старшинская администрация, заинтересованная в развитии промыслов, часто шла навстречу этой категории выборных казаков и находила пути для освобождения их от воинской службы, разрешая „от убогого казака к службе годного, но весьма не имущего вместо себя в выборные казаки за поруками поставить и оного во всем воспомогать”¹⁴⁰.

Выборными с подмогой считались те казаки, которые имели лишь пахотное поле размером не более чем на 5 четвертей посева.

Наконец, к категории подпомощников принадлежали казаки, которые „никаких грунтов и промыслов и угодий не имеют, только имеют свои хаты и семьянисты”¹⁴¹. Таким образом, подпомощники состояли преимущественно из бедных слоев казацких масс. Кроме того, подпомощниками официально считались и те богатые выборные казаки, которые получали разрешение от властей выставлять за свой счет на службу других лиц. Однако подобная общность между ними и настоящими подпомощниками имела, конечно, лишь внешний характер. В действительности их разделяло глубокое, коренное отличие. Как и крестьяне, казаки-подпомощники вынуждены были выполнять множество повинностей, правда, в половинном размере. Подпомощники представляли главный источник для комплектования погонщиков скота в регулярных и иррегулярных войсках, а также для охраны различных объектов и учреждений. Вместе с тем подпомощники очень широко использовались в ка-

* Выборные, в свою очередь, делились в основном на две группы: выборных казаков „без всякой подмоги” и выборных „с подмогой”, которых частично или полностью должны были обеспечивать подпомощники.

честве рабочей силы в старшинских имениях и хозяйствах богаты казаков. Все это говорило о том, что основная масса казаков-помощников, потеряв большую часть своих казацких привилегий постепенно сливалась с угнетенным крестьянством.

Отмеченные в форме имущественные категории выборных казаков и казаков-подпомощников в документальных материалах наиболее часто выступают в таком виде¹⁴²:

выборные казаки без подмоги: возможные, средние, малогрунтовые могучие, малогрунтовые не могучие;

выборные казаки с подмогой: малогрунтовые могучие, малогрунтовые не могучие, тяглобогие, пешие нищетные, крайнищетные;

казаки-подпомощники: средние, малогрунтовые могучие, малогрунтовые не могучие, тяглобогие, пешие нищетные, крайнищетные.

Интересно проследить цифровое соотношение между количеством выборных казаков и подпомощников за изучаемый период. Так, по данным ревизии 1751 г., в четырех ниженазванных полках насчитывалось такое количество дворов и бездворных хат выборных казаков и подпомощников¹⁴³ (табл. 6).

Как видим, во всех представленных полках количество дворов и бездворных хат, принадлежавших подпомощникам, значительно превышает количество дворов и бездворных хат, которые принадлежали выборным казакам.

Еще убедительнее подтверждают это данные ревизии 1764 г. по всем 10 левобережным полкам¹⁴⁴ (табл. 7).

Таким образом, казацких хат на 1764 г. на Левобережной Украине насчитывалось всего 118942 (52818 хат выборных казаков, остальные – казаков-подпомощников), казацких дворов – 60944.

Аналогичное положение фиксирует и ревизия 1782 г. Так, в м. Комышном Миргородского уезда Киевского наместничества выборных казаков, отбывавших военную службу, насчитывалось 148 чел., общее количество членов семей которых составляло 777 чел. (343 чел. мужского пола и 434 – женского). Казаков-подпомощников нас-

Таблица 6

Полки	Выборные		Подпомощники		Всего дворов
	бездворных хат	дворов	бездворных хат	дворов	
Киевский	—	789	373	2126	2915
Нежинский	17	2928	1479	5977	8905
Черниговский	—	1518	343	3199	4811
Переяславский	—	2267	597	2616	4883
Итого	17	7502	2774	13918	21514

читывалось здесь 2083 чел. (1038 чел. мужского пола, 1045 – женского). В то же время в м. Комышном было 1629 чел. (769 – мужского пола, 860 – женского) казаков-вспомогателей*, не плативших „рублевый оклад” на консистенты.

Подобное количественное соотношение между выборными казаками и подпомощниками наблюдалось в местечках Борок и Коваливки того же Миргородского уезда¹⁴⁵.

В целом же, по ревизии 1782 г., на Левобережной Украине насчитывалось 195561 выборный казак и 219909 казаков-подпомощников¹⁴⁶. В 1781 г. в 11 уездах созданного Новгород-Северского наместничества насчитывалось 10181 выборный казак и 21933 казаков-подпомощников¹⁴⁷. Таким образом, выборные казаки как в целом на Левобережной Украине, так и по отдельным местностям значительно уступали в количественном отношении казакам-подпомощникам, в число которых формально входили и отмеченные уже выше так называемые вспомогатели.

Следует отметить, что это не были какие-то две стабильные группы казачества. Разбогатевший казак-подпомощник мог попасть в выборные казаки, в то же время обедневший выборный казак в большинстве случаев попадал в число подпомощников. Что это было именно так, свидетельствуют архивные материалы. В 1767 г. в Кролевецкой сотне при составлении списков выборных казаков для несения военной службы обнаружилось, что „тех выборных казаков до 40 человек таких одинаких и имуществом совсем бедных

Таблица 7

Полки	Выборные			Подпомощники		
	дворов	из них хат	без-двор-ных хат	дворов	из них хат	без-двор-ных хат
Нежинский	3011	6123	3	10199	12955	1000
Лубенский	3474	13003	53	6250	8947	1653
Стародубский	1094	1445	2	3321	3735	1363
Черниговский	1539	2917	—	5408	6642	472
Киевский	1234	2592	4	3902	4950	423
Переяславский	2295	7018	—	2820	4809	642
Прилукский	1303	3850	1	2299	3199	651
Гадяцкий	2423	7353	—	3177	4243	2468
Миргородский	2993	6852	192	2195	3851	1207
Полтавский	378	1271	140	1629	2398	516
Итого	19744	52423	395	41200	55729	10395

* Богатые казаки, которые вместо себя посылали на военную службу наемников, полностью снаряжая их на свой счет, или же, будучи не в состоянии через старость или болезни отправлять казацкую службу, принимали участие в снаряжении других выборных казаков.

явилось, что не только выборной службы нести, но и в подпомощниках быть для ближайших служб вовсе не могут"¹⁴⁸. В связи с этим из Нежинской полковой канцелярии 26 октября 1767 г. в Крелевецкую сотенную канцелярию поступил ордер, в котором приказывалось „при комплекте выбрать и определить вместо обнищавших и одинаких выборных подпомощников семенистых (семейных – А. П.), а выборных одинаких оставить бы вместо тех в подпомощниках"¹⁴⁹ 11 июня 1768 г. был издан специальный указ Малороссийской коллегии, которым подтверждался упомянутый ордер Нежинской полковой канцелярии¹⁵⁰. 21 ноября 1768 г. генерал-губернатор Левобережной Украины граф П. А. Румянцев в ордере во все полковые канцелярии констатировал, что „между выборными казаками персонами иные вовсе неспособны к военной службе"¹⁵¹. Выход из такого положения Румянцев усматривал в том, чтобы „годного из подпомощников выбрав, поставлять на место неспособного из его (выборного. – А. П.) имения, доставивши ему всякое на сей час вспоможение к службе"¹⁵².

В 1776 г. Малороссийская коллегия в ответ на запрос Гадяцкой полковой канцелярии относительно 318 обедневших выборных казаков, которые не в состоянии были нести воинскую службу, рекомендовала перевести этих „обнищавших" выборных казаков в число подпомощников¹⁵³.

Приведенные выше документальные материалы, кроме того что подтверждают положение о нестабильности групп выборных казаков и казаков-подпомощников в пределах казацкого сословия, одновременно убедительно свидетельствуют о разорении части выборного казачества.

Одной из основных причин подобного положения была тяжелая воинская служба, которую выборные казаки отбывали полностью за собственный счет. В 1783 г. в Лубенском полку насчитывалось 237 выборных казаков, которые „пришли в обнищальность" в основном именно через затраты, связанные с воинской службой¹⁵⁴. Воинская служба была тяжелой не только для тех казаков, которые ее несли непосредственно, но и для тех, кто их снаряжал и должен был все время материально поддерживать. Так, выборный казак м. Гадяч М. Горб, будучи неспособным по старости к выполнению воинской службы, около 10 лет „делал подмогу" служилому выборному казаку. За это время (1765–1774) М. Горб только деньгами истратил 135 руб., что составляло тогда довольно значительную сумму. В 1783 г. выборный казак И. Шульга (с. Хотиновка Березинского уезда Черниговского наместничества) фактически не смог продолжать службу из-за того, что все его 9 вспомогателей разорились. В таком же положении очутился и выборный казак П. Кравченко (м. Носовка Березинского уезда Черниговского наместничества), 16 вспомогателей которого в том же году также оказа-

лись не в состоянии выполнять свои обязанности¹⁵⁵. О том, что приведенные примеры не были единичными случаями, свидетельствует тот факт, что в Черниговской губернии таких вспомогателей только в одном 1783 г. насчитывалось 906 чел. мужского пола¹⁵⁶. Основной причиной обнищания указанных вспомогателей было, как правило, то, что большая часть прибыли от хозяйства шла на снаряжение служилого казака. В связи с этим местная администрация вынуждена была принимать меры, направленные на укрепление материального снабжения служилых выборных казаков. Ко всем выборным казакам, вспомогатели которых оказались „обнищальными”, прикрепили еще по несколько вспомогателей, которые принадлежали в основном к категории казаков-подпомощников. Так, к упомянутому И. Шульге был прикреплен его односельчанин казак-подпомощник Федор Кладинога. В хозяйство последнего входили: пахотная земля на 16 дней, сенокос на 8 косарей, 2 леса, рогатый скот – 4 головы, 2 лошади, 3 овцы. К П. Кравченко в качестве еще одного вспомогателя был прикреплен житель м. Носовка казак-подпомощник Василий Кравченко с сыновьями. Их хозяйство состояло из пахотной земли на 5 дней, огорода, леса, сенокоса на 10 косарей, рогатого скота – 10 гол., лошадей – 3 гол., овец – 10 гол.¹⁵⁷

24 ноября 1782 г. земский исправник Переяславского уезда сообщал правителю Киевского наместничества генерал-поручику Ширкову, который был в то время и корпусным командиром 5-ти левобережных казацких полков, что отправленные на днепровскую линию от Переяславского полка выборные казаки первой и второй полковых сотен, а также Березинской и Яготинской не получили ни провианта, ни денег, поскольку их вспомогатели оказались в тяжелом экономическом положении. Как свидетельствовал тот же земский исправник, эти вспомогатели, „являясь с нетерпимую им обидою жалобу представляли, что-де от них на одного казака командированного туда от военной команды требовано по 12 и более рублей”¹⁵⁸.

Обедневшие и разоренные казаки, если они совсем не бросали насиженные места, вынуждены были идти на заработки или заниматься поденной работой. Так, по данным Румянцевской описи, в м. Ропске Стародубского полка 30 % казацких дворов, не имея пахотной земли, жили лишь с заработков, в с. Кропивна того же полка подобных хозяйств насчитывалось 20%¹⁵⁹. В четырех сотнях Полтавского полка (1-й и 2-й полковой, Велико-Будищанской и Полтавской городской) на 1767 г. было 320 казацких хозяйств, источником существования которых в основном был наемный труд их владельцев¹⁶⁰. В Каневской сотне в это же время таких хозяйств насчитывалось 65 (6 хозяйств выборных казаков и 59 – казаков-подпомощников), два из которых вынуждены были сочетать наемный труд с нищенствованием¹⁶¹.

В то время как основная масса казачества беднела и разорялась, незначительная его часть продолжала богатеть. Рядом с небольшими хозяйствами казаков-бедняков располагались нередко крупные владения богатых казаков. Яркую картину имущественного расслоения среди казачества дают материалы о казачьих хуторах¹⁶².

В процессе экономического расслоения казачества происходило дальнейшее обнищание, а нередко и окончательное разорение беднейших его слоев. Претерпевая всевозможные притеснения со стороны казацко-старшинской верхушки, эти казаки часто вынуждены были переходить на положение подсоседков – в большинстве случаев к тем же богатым казакам или представителям старшин. Этот переход обычно сопровождался потерей земли и подсоседки рассматривались как не ведущие самостоятельного хозяйства. В связи с этим они (подсоседки) освобождались и от значительной части общенародных (государственных) повинностей. Это последнее обстоятельство нередко было причиной того, что в подсоседки переходили и те, кто в действительности продолжал вести самостоятельное хозяйство. В частности, некоторая часть выборных казаков и казаков-подпомощников усматривала в переходе в подсоседки возможность уклониться от воинской службы.

Во второй половине XVIII в. на Левобережной Украине насчитывалось довольно значительное количество казацких подсоседков. Об этом свидетельствуют, например, данные ревизии 1764 г. по 9 полкам¹⁶³:

Миргородский полк	4625 чел.
Гадяцкий –"–	3828 –"–'
Лубенский –"–	12105 –"–
Прилукский –"–	7124 –"–
Переяславский –"–	6346 –"–
Киевский –"–	5552 –"–
Нежинский –"–	14553 –"–
Черниговский –"–	9998 –"–
Стародубский –"–	8346 –"–
Итого	72477 –"–

На май 1791 г. по Киевской губернии насчитывалось 7749 казацких подсоседков, „состоящих в окладе“¹⁶⁴. Казацкие подсоседки обычно должны были работать в хозяйстве тех казаков, к которым они приписывались. Однако нередко казацких подсоседков, подобно крестьян „вольных поселений“, заставляли нести „послушенство“ местной старшине или же феодалу, имевшему в данной местности свои имения. В последнем случае казацкие подсоседки фактически приравнивались к подданным этого феодала. Представители феодално-старшинской верхушки, исходя из собственных интересов, добивались частичного, а иногда и полного освобождения своих подсоседков от государственных повинностей. В то же время они внимательно следили за тем, чтобы это освобождение не касалось

казацких подсоседков, препятствуя тем самым переходу своих подданных в подсоседки к казакам. В то же время для самих казаков возможность перехода в подсоседки к представителям господствующего класса оставалась открытой.

Владельческие подсоседки в большинстве случаев в конечном итоге попадали в число подданных своих хозяев. Случаи закрепощения встречались и по отношению к казацким подсоседкам¹⁶⁵. Однако это явление среди казаков, имевших подсоседков, не приобрело распространения. Более того, мы располагаем фактами, свидетельствующими о том, что казаки, осуществлявшие подобные действия по отношению к своим подсоседкам, наказывались по закону. Так, в 1791 г. подсоседки казака-подпомощника Г. Клепча (с. Орловка Глуховского уезда) И. Кушнир и К. Гордеев жаловались Новгород-Северскому губернатору Бибикову, что Клепец продал их как своих крепостных, вместе с усадьбой, войсковому товарищу Ф. Василенко. Дело это закончилось решением правления Новгород-Северского наместничества наказать Клепча как за совершение уголовного преступления. Наказан был также и помещик Ф. Василенко, купивший землю у казака вместе с подсоседками¹⁶⁶.

Таким образом, если подсоседки представителей господствующего класса постепенно окончательно закрепощались, то казацкие подсоседки в основной массе все еще продолжали сохранять личную свободу, посягательство на которую, как видим, наказывалось по закону. Вместе с тем в экономическом отношении казацкие подсоседки оставались одним из самых бедных слоев населения Левобережной Украины.

Определенное представление об экономическом положении казацких подсоседков во второй половине XVIII в. дают соответствующие данные за 1767 г. по вышеупомянутым четырем сотням Полтавского полка¹⁶⁷. Прежде всего следует отметить, что своих собственных изб или хозяйственных построек казацкие подсоседки этих сотен не имели. Не было у них также огородов, выгонов для скота, лесов, сенокосов. Пахотную землю с 304-х хозяйств имели лишь 17 хозяйств (5,5%), с которых 3 хозяйства сдавали свою землю в аренду, девять — вообще не обрабатывали свои земли и не сдавали в аренду. Лишь 5 хозяйств, где вместе было 6,75 дес. пахотной земли, имели посевы.

Не намного лучшим было обеспечение казацких подсоседков указанных сотен Полтавского полка и скотом. Достаточно сказать, что 76,8% подсоседских хозяйств не имели рабочего скота вообще, что объяснялось прежде всего фактическим отсутствием у них пахотной земли. По данным С. Шамрая, на одно хозяйство казацкого подсоседка в этих сотнях в среднем приходилось скота в 3,5 раза меньше, чем на одно крестьянское хозяйство¹⁶⁸. В связи с тем что казацкие подсоседки практически были лишены возможности

заниматься хлебопашеством, они искали другие способы существования. Об этом убедительно свидетельствуют соответствующие данные по тем же четырем сотням Полтавского полка. Так, исключительно хлебопашеством тут занималось лишь одно хозяйство, сочетали хлебопашество с другими занятиями 6 хозяйств, существовали исключительно за счет наемного труда 124 хозяйства, 53 хозяйства занимались разными ремеслами (ткачеством, сапожничеством, портняжеством, кузнечеством, плотничеством и т. п.), 6 хозяйств вели нищенский способ жизни и т. д.¹⁶⁹

Для большей убедительности дополним приведенные данные об экономическом положении казацких подсоседков аналогичными сведениями за 1765–1767 гг. по территории, на которой позже образовался Кролевецкий уезд¹⁷⁰. Сразу же отметим, что со 103 дворов казацких подсоседков пахотной земли не имело ни одно хозяйство, 90 дворов (87,3 %) не имело рабочего скота, 30 хозяйств нанимались на работу к имущим, 8 хозяйств – занимались ремеслом, одно – кустарничало и т. д.

Таким образом, будучи фактически без земли и почти без скота, работая преимущественно по найму, казацкие подсоседки составляли, собственно, промежуточную группу между обнищавшими казацко-крестьянскими массами, т. е. основного контингента, с которого образовались казацкие подсоседки, и наемными работниками.

Подытоживая в целом материал по вопросу расслоения и углубления имущественного неравенства казачества, следует сказать, что этот процесс в исследуемый период охватил самые широкие слои казаков Левобережной Украины.

В основе юридического разделения левобережного казачества на выборных и подпомощников, как видим, лежали глубокие экономические причины.

Кроме того, вышеприведенный материал свидетельствует о том, что юридическое деление казачества далеко не определяло настоящего положения вещей. Имеется в виду то обстоятельство, что каждую из двух отмеченных групп казачества (принимая во внимание прежде всего их экономическое положение) можно было бы, в свою очередь, поделить еще на несколько групп или подгрупп.

Эту, так сказать, систему дифференциации частично можно распространить и на казацких подсоседков, где, как отмечалось, наряду с обездоленной массой, случались и достаточно зажиточные люди, подсоседство которых имело чисто фиктивный характер.

5. ПОЛОЖЕНИЕ ГОРОДОВ

После воссоединения Украины с Россией города Левобережной Украины, находясь в значительной степени под защитой государства от посягательств феодалов, оказались в более благоприятных

условиях, нежели города остальных украинских земель, оставшихся под иностранным господством.

В изучаемый период, как и в предшествующие годы, города Левобережной Украины делились на две основные группы – магистратские и ратушные, имевшие соответственно органы городского управления – магистрат и ратушу.

Магистратские города пользовались, как известно, магдебургским правом (правом самоуправления). Ратушные города подобным правом не обладали*. Немало было на Левобережной Украине местечек, представлявших собой поселения городского типа с развитыми ремеслами и торговлей или же имевших в той или иной степени военно-оборонные функции. Подобные селения – местечки, как правило, не имели своего отдельного городского органа управления, что обуславливало их значительно большую зависимость от старшинской администрации, нежели магистратских и ратушных городов**.

К середине 60-х годов XVIII в. исследователь А. Шафонский насчитывал на Левобережной Украине 126 местечек и 11 магистратских городов с магдебургским правом. К последним были отнесены Киев***, Чернигов, Переяслав, Новгород-Северский, Стародуб, Нежин, Погар, Мглин, Остер, Козелец и Полтава. При этом, Новгород-Северский и Полтава получили магистратское управление и магдебургское право уже при гетмане К. Разумовском. В связи с вхождением в 60–70 годы XVIII в. Полтавского полка в состав Новороссийской губернии (образованной из Новой Сербии) на Левобережной Украине оставалось 10 магистратских городов и 107 местечек. К середине 80-х годов XVIII в., по подсчетам А. Шафонского, в трех наместничествах Левобережной Украины было 33 города и 89 местечек¹⁷¹. По нашим данным, на 1780 г. в крае насчитывались 121 город и местечко, из них 10 – магистратских городов, 27 – местечек коронных****, 17 – местечек архиерейских и монастырских и 67 – владельческих¹⁷². С образованием наместничеств на Левобережной Украине, по нашим подсчетам, было 36 городов**** и 71 местечко¹⁷³. На 1787 г. в Центральной России насчитывалось 499 городов¹⁷⁴.

* Административно-политическая система городского управления на Левобережной Украине в конце XVII – нач. XVIII в. подробно освещена в работе В. А. Дядиченко „Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII – початку XVIII ст.” с. 281–312: В целом эта система сохранилась на Левобережной Украине вплоть до начала 80-х годов XVIII в.

** В условиях существования на Левобережной Украине полково-сотенного устройства (до 1781 г.) в магистратских и ратушных городах, наряду с органами городского управления, существовали органы старшинской администрации (полковые, сотенные канцелярии и др.), имевшие большое влияние на все стороны городской жизни.

*** До 1775 г. Киев официально не входил в состав Левобережной Украины.

**** Коронные местечки – местечки, принадлежавшие короне, т. е. в данном случае, царской семье.

***** У А. Шафонского учтены лишь центры наместнических правлений и уездные города.

Степень самоуправления магистратских городов определялась, главным образом, их торгово-экономическим или же административно-политическим значением. Наличие магдебургского права при этом имело уже скорее символическое, нежели практическое значение. Не случаен, очевидно, тот факт, что в целом ряде городских „наказов” в Комиссию по составлению „Нового уложения” 1767 г. содержится просьба не столько о подтверждении магдебургского права (что делалось, скорее, больше в силу установившейся традиции), сколько о распространении на украинские города общероссийского закона 1752 г. о запрете торговать в городах немещанам¹⁷⁵. Последнее довольно убедительно свидетельствовало о том, что левобережные города еще до образования всеобщего общегородского общества и общегородской системы самоуправления (т. е. до 1785 года) искали улучшения своего социально-экономического положения, в том числе и спасение от старшинского наступления, в усилении правительственного контроля над городами.

Особенность самоуправления в украинских левобережных городах (там, где оно имело место) заключалась в том, что оно фактически осуществлялось (до начала 80-х годов XVIII в.) в условиях своего рода „троевластия”, представленного органами городского управления, старшинской администрации и, наконец, все более активным вмешательством в дела городов со стороны централизованного государства.

Между тем рост крепостничества вширь и вглубь, активно происходивший в стране во второй половине XVIII в. неблагоприятным образом отразился и на дальнейшем развитии городов Левобережной Украины. Уже по ревизии 1729–1730 гг., в крае насчитывалось 80 городов и местечек, ставших к этому времени собственностью феодалов¹⁷⁶.

Показательным в этом отношении является доклад П. А. Румянцева от 18 мая 1765 г. Екатерине II, где вновь назначенный генерал-губернатор довольно мрачно отзываясь о состоянии городов и местечек Левобережной Украины¹⁷⁷. „Города многие розданы владельцам, — писал Румянцева, — а между тем и торговые и некоторые монаршими указами, в том числе полковой город Сорочинцы от в. и. в. генерал-майору Гудовичу дан; большею частью же от гетмана последнего (К. Разумовского. — А. П.), хотя нигде в статьях гетманских, чтоб города, ниже местечки давать не написано, а только деревни и мельницы, и то за заслуги, и не одному гетману, но и старшине, и на те не только, но и на купленные, просить однако государевой конфирмации”¹⁷⁸. „Жители в городах, опасаясь таковых роздач и других притеснений, принуждены были или в войско в разные товарищества или в казаки написать, и торгуя уже противу

права натурально с разными трудностями, а гражданской повинности не отбывают; следственно города стали пусты, публичные строения сами в себе изошли и некоторые только имя несут городов, сами по себе будучи пустыри большею частию..."¹⁷⁹ В качестве спасательных мер Румянцев предлагал прежде всего ликвидировать частное владение городами на Левобережной Украине, а также распространить на города „всевысочайшие привилегии". Последние, в частности, должны были предусмотреть запрещение занятия торговлей и промыслами лицам, хотя и проживающим в городах, но не являющимся мещанами и не выполняющим, следовательно, городских (гражданских) повинностей. Будучи уверенным в том, что все города должны находиться под непосредственным управлением царского правительства, Румянцев в связи с этим рекомендует „лишить сего права (т. е. права торговли и промыслов. — А. П.) вовсе всех тех городов жителей, кои не в. и. в. принадлежат, аще б возвратить их было не угодно, а представить им теми пользоваться, когда они в других городах в должность гражданства, как люди свободные, запишутся"¹⁸⁰.

Даже с учетом того обстоятельства, что упомянутая выше раздача касалась главным образом местечек, положение с городами Левобережной Украины в данный период, видимо, было действительно сложным. Императрица, как можно полагать, исходя из вышеизложенных пунктов доклада Румянцева, приняла решение отобрать города у всех частных владельцев. Компенсация за них производилась лишь тем помещикам, которые в то или иное время получили во владение город (местечко) по царскому указу. Екатерина II, соглашаясь с доводами и рекомендациями Румянцева в вопросе о городах, в свою очередь, настоятельно рекомендовала генерал-губернатору „сделать рассмотрение, не лучше ли в политическом и коммерческом виде заводить в пристойных и удобных местах новые города полезнее старых, снабдив их всеми к пристойной жизни надобными учреждениями"¹⁸¹. Как видим, с середины 60-х годов XVIII в. намечаются некоторые качественные сдвиги в процессе градообразования на Левобережной Украине. Централизаторская политика, активно проводимая русским правительством в этот период, становилась, таким образом, тем щитом, которым прикрывались украинские города от угрозы превращения большинства их в частнофеодалную собственность.

О степени распространения крепостнических отношений на Левобережной Украине в данный период, закрепощения народных масс, в том числе и жителей городов и местечек, свидетельствуют данные „Перечневой таблицы о числе состоящих в Малой России городов, местечек, сел, деревень и хуторов и в них разного звания жителей" (1780 г.)¹⁸² (табл. 8–9). Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что более половины из указанного в таблице коли-

5 Категории населенных пунктов

№ п/п	Название полков	Городов магистратских	Местечек коронных	Местечек архиерейских и монастырских	Местечек владельческих	Сел коронных	Сел архиерейских и монастырских	Сел владельцевческих	Деревень коронных	Деревень архиерейских и монастырских	Деревень владельческих	Хуторов коронных	Хуторов архиерейских и монастырских	Хуторов владельцевческих
1.	Киевский	3	1	8	5	4	93	50	13	63	70	1	10	21
2.	Нежинский	1	8	—	7	17	26	147	5	8	33	7	5	124
3.	Черниговский	1	1	1	9	5	29	139	5	44	185	—	4	69
4.	Стародубский	4	—	—	7	5	40	277	14	36	413	—	9	103
5.	Переяславский	1	5	1	9	6	14	110	4	6	65	2	3	114
6.	Прилуцкий	—	1	—	7	1	14	86	1	3	32	—	12	140
7.	Лубенский	—	7	6	7	14	29	156	2	3	48	—	18	224
8.	Гадячский	—	—	—	10	—	2	58	—	1	8	—	1	121
9.	Миргородский	—	4	1	6	5	12	46	—	1	24	—	6	95
	Всего	10	27	17	67	57	259	1069	44	165	878	10	68	1011

№ п/п	Название полков	Духовных	Светских	Казаков-выборных	Казаков-подпомощников	Подданных коронных	Подданных духовных	Подданных владельцев дельцеских	Мещан	Церковных причетников
1.	Киевский	217	192	8213	15818	2569	31519	18088	4249	426
2.	Нежинский	446	318	21952	42805	8022	8522	60530	980	758
3.	Черниговский	335	162	9836	22778	3949	11326	51459	915	609
4.	Стародубский	432	240	7050	18107	7084	11000	107134	3795	554
5.	Переяславский	546	246	20640	14812	1251	2756	43546	124	870
6.	Прилуцкий	227	238	10881	11436	1313	4115	41776	—	455
7.	Лубенский	422	286	39087	29138	3106	7444	67247	—	730
8.	Гадяцкий	183	223	21986	18003	—	772	26742	—	208
9.	Миргородский	162	157	19194	11806	1958	1075	36492	—	259
10.	Всего	2970	2062	158839	184703	29252	78529	453014	10063	4869

чества населения (а именно – около 600 тыс. – А. П.) являлись феодально зависимыми (читай: закрепощенными. – А. П.) крестьянами.

Бросается в глаза отсутствие почти на половине территории Левобережной Украины городов с магистратским управлением. Россия к тому времени уже не знала частновладельческих городов, а на Левобережной Украине подавляющим большинством местечек владели светские и духовные феодалы. Частично этот факт уже нашел отражение в исторической литературе. Так, по данным А. Лазаревского, на территории нижеуказанных трех полков в частном (ранговом) владении в исследуемый период находились местечки: в Нежинском полку – Веркиевка, Девича Володькова, Борзна, Бахмач, Шаповаловка, Поповка, Новые Млины, Конотоп, Воронеж, Ямполь; в Стародубском полку – Почеп (и вся Почепская волость), Семеновка, Горское, Ропск, Гремучее, Балаклань, Душатин; в Прилуцком полку – Ичня, Монастырище, Иваница, Корибутов, Красный Коллядин, Сребное, Варва, Жоравки¹⁸³. Данное обстоятельство, на наш взгляд, в значительной мере обусловило то, что большую часть их населения составляли крепостные крестьяне. Это положение наглядно подтверждается многими архивными источниками. Так, анализ 303-х хозяйств жителей м. Ивангорода (Нежинский полк) показывает, что в 1767 г. подавляющее их большинство занималось сельским хозяйством и лишь незначительная часть (в основном казаки) – различными видами ремесла, мелкой торговлей и чумацким промыслом.

По ревизии 1764 г., на территории Киевского полка в г. Козельце из 618 чел. мужского пола податного населения 198 чел. были „владельческими подданными“, в г. Остер соответственно – из 445 – 207, в местечках Моровске – из 171 – 168, Олишевке – из 728 – 539, Мрине – из 150 – 116, Носовке – из 1691 – 1507.

Архивные источники позволяют в какой-то мере создать представление о частновладельческом феодальном местечке изучаемого периода. Попытаемся это сделать на примере м. Веркиевки, описание отдельных сторон социально-экономической жизни которого нам удалось выявить в материалах Румянцевской описи по Нежинскому полку¹⁸⁴. Местечко Веркиевка в середине 60-х годов XVIII в. было ранговым владением Нежинского полковника Разумовского. В 196 крестьянских дворах проживало 1641 чел. (из них мужского пола – в возрасте от 1 года до 15 лет – 360 чел., от 15 до 60 лет – 417, престарелые и увечные – 61 чел., женского пола – от 1 до 15 лет – 341 чел., от 15 до 60 лет – 417, престарелые и увечные – 45 чел.). Общий размер крестьянских пахотных земель составлял 1404 дня. В пользовании крестьян находились сенокосы на 1761 воз сена (на 1093 косаря) и лес. Они имели 137 волов, 76 дойных коров с телятами, 172 яловые коровы, 12 коз, 269 свиней, 193 лошади.

феодалная рента существовала здесь в смешанном виде: барщина (размером 1–2 дня в неделю по человеку со двора) сочеталась с денежным оброком (40–80 коп. с хозяйства). Если крестьянин владел тем или иным ремеслом, то обычно отработывал ренту в качестве ремесленника. Кроме феодалной ренты Разумовский путем различных поборов получал со своих крестьян еще годового дохода 96 руб. Помимо выполнения повинностей на своего помещика крестьяне м. Веркиевки платили в пользу феодалного государства 214 руб. 55 коп. в год на содержание пребывающих там регулярных воинских частей, так называемую консистенцию.

Помещичье хозяйство Веркиевки было довольно обширным. Размер пахотной земли составлял 150 дней. На ней сеялось: ржи – 45 четвертей, озимой пшеницы – 2 четверти, яровой пшеницы – 1 четверть, овса – 40 четвертей, ячменя – 7 четвертей, проса – 2 четверти, гречи – 15 четвертей, гороха – 4 четверти, конопли – 1 четверть, льна – 4 четверти.

В помещичьем хозяйстве имелись также ветряная мельница („об одном камне“) и винокурня („на 4 котла, выкуривалось вина 15 куф., в каждой куфе государственных ведер по 15“). В пяти верстах от Веркиевки находился хутор, принадлежащий тому же Разумовскому.

Следует отметить, что в городах Левобережной Украины занимались в основном сельским хозяйством. Это касалось не только небольших, но и крупных городов. Достаточно убедительным примером в этом отношении может быть, скажем, Нежин. Как видно из описи города 1766 г.¹⁸⁵, значительная часть населения сочетала ремесленное или торговое занятие с земледелием. Немало было и таких, основным занятием которых было земледелие. Как правило, эта часть населения, которая, по выражению документа, „питает себя с земледелия“, составляла один из беднейших слоев жителей Нежина.

Согласно „Сокращенному особенному географическому описанию Киевской губернии... 1787 г.“ жители таких городов, как Пирятин, Миргород, Хорол, Полтава и Золотоноша, наряду с занятием ремеслом и торговлей, „упражняются большей частью в хлебопашестве“.

На начало 80-х годов XVIII в. качественный и количественный состав населения городов и местечек Левобережной Украины был следующий (табл. 10)¹⁸⁶.

Об общем количестве (тыс. чел.) населения городов и местечек трех наместничеств свидетельствует таблица 11.

Таким образом, крестьянство среди городского населения занимало обычно не менее трети. Особенно высокий удельный вес крестьянства наблюдается в местечках. Как показывают последние исследования советских историков, крестьянство в городах центральной России в начале 80-х годов XVIII в. составляло 32,36 %¹⁸⁷.

С ростом мелкого ремесленного производства, приобретающего товарный характер, в городах растет число ремесленников. Так, в Чернигове в середине 80-х годов XVIII в. ремесленники составляли 4,5 % всего населения города и 9 % мужского населения, в Городне – соответственно 4 и 8, Борзне – 2 и 4, Нежине – 6 и 11, Прилуках – 1–2, Глинске – 6,8 и 13,8, Ромне – 0,83 и 1,7, Лохвице – 1,8, Гадяче – 1 и 2, в Зенькове – 3 и 5,7 чел.¹⁸⁸

Однако, как показывает выведенное нами процентное соотношение ремесленников ко всему городскому населению, а также к на-

Таблица 10

№ п/п	Социальная категория населения	Киевское наместничество		Черниговское наместничество		Новгород-Северское наместничество	
		в городах	в местечках	в городах	в местечках	в городах	в местечках
1	Дворяне (шляхетство)	397	165	240	194	243	65
2	Разночинцы	1785	282	417	319	749	125
3	Духовенство	169	123	143	153	167	78
4	Церковники	94	109	49	129	124	57
5	Выборные казаки	1343	5017	1251	4064	364	1146
6	Казаки-подпомощники	2191	5212	3028	4953	2211	2520
7	Мещане	2189	—	1418	—	2341	—
8	Крестьяне (посполитые) всех категорий	4515	5865	3108	6909	4020	3376

Примечания: № 1–4 – количество душ мужского пола;

№ 5–8 – количество хат.

Таблица 11

	Киевское наместничество		Черниговское наместничество		Новгород-Северское наместничество		Итого в городах и местечках
	в городах	в местечках	в городах	в местечках	в городах	в местечках	
1. Общее количество населения*	70	100	58	100	60	44	432
2. Казаков и крестьян**	48	96	44	95	50	42	375
3. Крестьян	27	35	19	41	24	20	166

* Подсчеты произведены из расчета, что семья в среднем состояла из 6–7 человек (см. А. Л. Перковский. Эволюція сім'ї і господарства на Україні в XVIII – 1-й пол. XIX ст. – Демографічні дослідження. – 1979. – Вип. 4. – С. 37–46.

** Категории населения, занимавшиеся сельским хозяйством.

селению мужского пола, число ремесленников в городах Черниговского наместничества 80-х годов XVIII в. в целом было незначительно. Еще меньше в городах было представителей купечества. Так, на 1787 г. в Киеве их насчитывалось 1,2 % ко всему населению города, в Остре соответственно – 2, Козельце – 1, Переяславе – 0,24, Пирятине – 0,37, Лубнах – 3,2, Миргороде – 0,5, Коропе – 0,9, Голитве – 0,5, Городище – 1,6, в Золотоноше – 1,7. В среднем в 11 уездных городах Киевского наместничества к середине 80-х годов XVIII в. купцы составляли 1,1 %¹⁸⁹. Аналогичные данные получаются за рассматриваемый период и по городам Черниговского наместничества¹⁹⁰.

Таким образом, в изучаемый период ремесленники и купцы в целом представляли собой немногочисленную группу, значительно уступавшую в количественном отношении, например, крестьянам и казакам, проживавшим в городах.

Это обстоятельство, в свою очередь, свидетельствовало о том, что преобладающее большинство жителей городов Левобережной Украины во второй половине XVIII в. занималось земледелием или сочетало его с ремеслом и торговлей. Поскольку в условиях феодализма занятие земледелием обычно приводило горожан к закрепощению, то именно уровень ремесленно-торгового развития города и степень его отделения от земледелия определяли правовое положение города и формы городского устройства.

Однако если степень развития ремесла в городах находилась в прямой зависимости от количества ремесленников, то состояние городской торговли отнюдь не определялось лишь наличием в городах купцов. Кроме последних торговлей, как известно, в исследуемый период активно занимались представители и других слоев городского населения. В частности, серьезными конкурентами купечества все более становились так называемые торгующие мещане и крестьяне¹⁹¹, торговавшие, правда, без специальных торговых документов – свидетельств*. О состоянии торговли в определенной мере свидетельствуют такие документы, как „Топографическое описание Киевского наместничества (1786 гг.)”¹⁹² и „Сокращенное особенное географическое описание Киевской губернии... 1787 года”¹⁹³.

Так, в Киеве торговало 110 купеческих лавок и 600 лавок и лавочек, принадлежавших различным обывателям. Три раза в год (в фев-

*Юридическое право заниматься торговлей в городах мещане и крестьяне получили лишь в самом конце XVIII в. При получении документа на право торговли они должны были уплатить в городскую казну от 25 до 100 руб. акциза (в зависимости от разряда (1–3) документа), что было под силу лишь зажиточным мещанам и крестьянам. Более подробно о законодательстве XIII в. о крестьянской торговле см.: Булыгин И. А. Законодательство о крестьянской торговле в России XVII – 60-х годов XVIII в. // Пробл. социально-эконом. истории феодальной России. – С. 180 – 196.

рале, мае и в августе) в городе (на Подоле) происходили ярмарки, каждая из которых приурочивалась к какому-нибудь религиозному празднику и длилась обычно не менее двух недель.

Торговали в основном шелковыми, суконными, шерстяными, холщевыми, коженными, меховыми и железными изделиями, а также лесом, дегтем и продуктами питания, которые закупались в большинстве случаев в Москве, Петербурге, Калуге, Туле, Костроме, Трубчевске, Орле, Севске, Путивле и Курске; а также в ряде украинских городов – Чернигове, Нежине, Полтаве и др. В свою очередь, киевские купцы везли в ближайшие русские города, а также в Харьковскую губернию, в Черкасск и донские станицы шелковые, суконные и бумажные изделия, вина разных сортов, соль и другие товары, которые они закупали в Польше, Шлезии, Цесарии, Валахии и в Крыму. В последние они отвозили для продажи черные смушки, легковесную юфть, воск, беличи шкурки.

В Остре местным купцам принадлежала 31 лавка. Ежегодно в городе происходили 2 ярмарки (в начале января и в июле), каждая из которых длилась не более трех дней. Торговали обычно „красными товарами”, солью (таврической и ступочной), рыбой (свежей и вяленой), конопляным маслом, деревянной посудой, дегтем, смолой. Большинство товаров являлись привозными. Так, соль доставляли в основном из Киева, вяленую рыбу покупали у торговцев, приехавших из донских станиц, конопляное масло привозили из различных русских городов. Из-за частых неурожаев зерновых культур на песчаной остерской почве привозным в основном был и хлеб. По р. Десне в Остер из русских и украинских местностей привозили также мел, известь, масло, железо, сталь, сахар, чай, рогожи, веревки, колеса, разные повозки. В свою очередь, жители Остра отвозили для продажи на Дн сплетенные ими рыбацкие сети („многие упражняются в рукоделии разных сортов сетей для ловли рыбы”), посещали ярмарки в украинских городах и местечках.

В г. Козельце в 17 купеческих лавках, а также на городских ярмарках (обычно 2-дневных, которые проходили 5 раз в год – в апреле, июне, сентябре, октябре и декабре) продавались и покупались различные мелочные товары, привозимые из Нежина и Ромнов. Из Козельца товары вывозились на ярмарки в ближайшие местечки – Кобыжчу, Бобровицу, Быков, Басань. Широко была распространена торговля вином, которое в большинстве случаев отвозили в такие города и местечки, как Нежин, Переяслав, Басань, Быков, Носовку, Кобыжчу, Борисполь, Барышевку.

В Переяславе торговля развивалась слабо, ибо, как свидетельствуют документы, в городе „и лавок порядочных не имеется за згорением в бывшем в 1782 году пожаре”. Да и местных купцов, как видим, здесь совсем мало – 5 чел. мужского пола и 8 – женского, что составляло 0,24 % всего населения города (см. с. 59).

Тем не менее в городе осуществлялась постоянная торговля „красным товаром“ (привозился из Москвы, Калуги, Путивля, Нежина, Киева и Полтавы на сумму от 50 до 500 руб.), кожевенными изделиями, деревянной, стеклянной и глиняной посудой, таврической солью, рыбой (свежей и вяленой), горячим вином, маслом (коровьим и конопляным), медом и дегтем.

Вышеуказанные торговые товары в основном фигурировали и на происходивших в Переяславе ярмарках (происходили три раза в год – в январе, июле и сентябре), а также вывозились на ярмарки в Яготин, Нежин, Лубны, Прилуки, Городище и другие близлежащие города. Большим спросом у приезжих купцов пользовался местный рогатый скот и лошади.

Торговля в г. Пирятине сводилась в основном к продаже рогатого скота, лошадей, вина, хлеба, а также соли и рыбы, которые привозили из Таврии и Дона. На ярмарках, длившихся обычно 3–4 недели каждая (происходили 4 раза в год – в феврале, апреле, сентябре и октябре), преобладала торговля скотом. Приезжали также купцы с „красным товаром“ и сукнами из соседних городов – Прилук, Лубен, Нежина, Ромнов и др.

В г. Лубны находилось 73 лавки (40 – крамных, 11 мясных и 22 – для продажи хлеба, рыбы и др.). Из русских и украинских городов в качестве товара привозили шелковые, суконные, шерстяные и бумажные изделия, а также соль, деготь, деревянную посуду. На ярмарках (4 раза в год – в январе, марте, июне, октябре) продавался скот, хлеб, горячее вино; приезжие русские купцы торговали „разными красными товарами“.

В г. Миргороде имелись 52 купеческие лавки. Торговлей занималась незначительная часть населения („весьма малая часть“). Предметами их торговли были мелкие крамные товары, соль, рыба, хлеб, горячее вино, мед, пиво, деготь. Перечисленные товары, за исключением хлеба, меда и пива, были привозными. Мелкие крамные товары привозили русские купцы, соль – из Таврии, рыбу – из донских станиц и Екатеринославской губернии, горячее вино – из Черниговского и Новгород-Северского наместничеств, деготь – из Польши.

На городских ярмарках (4 раза в год – в феврале, апреле, сентябре, декабре, длились от 2 до 4 недель каждая) торговали „красным товаром“, суконными, кожевенными, железными изделиями, горячим вином в бочках, солью, рыбой, рогатым скотом, лошадьми и овцами. На ярмарки приезжали купцы из городов Екатеринославской и Харьковской губерний, а также русские купцы.

Основными предметами торговли в г. Городище были такие продукты питания, как соль, рыба, мука, крупы, мед, а также напитки – горячее вино, пиво. На ярмарках (4 раза в год – в мае, августе, октябре, декабре), длившихся около недели, в качестве товаров фигу-

рировали главным образом продукты питания и напитки. Приезжали купцы с Новгород-Северского, Курского, Орловского и других наместничеств, а также с Правобережной Украины. Во время майской ярмарки в Городище речным путем по Днепру со многих местностей Левобережной Украины („почти со всей Малороссии“) привозилось в бочках вино. Последнее обычно закупалось в Екатеринославском наместничестве и в степной полосе Киевского наместничества.

В г. Золотоноше насчитывалось 36 торговых лавок. Торговали здесь „красным“ и „мелочным“ товаром, кожами, сапогами, солью, дегтем, а также в значительных размерах рогатым скотом и вином. „Красный товар“ и виноградные вина в большинстве случаев привозили из Нежина. Во время ярмарок (ярмарки собирались трижды в год – в июне, сентябре и декабре и продолжались 1–2 недели) торговали в основном вышеназванными товарами.

Характерно, что торговля ограничивалась масштабами города и близлежащих селений Золотоношского уезда.

Как видим, во всех без исключения названных городах в большей или меньшей мере была развита как ярмарочная, так и постоянная торговля. В 50-х годах XVII в. на Левобережной Украине ежегодно происходило 348 ярмарок и 8684 базара. В 80-х годах ежегодно происходило по 390 ярмарок¹⁹⁴.

Почти третья часть ярмарок (115) имела место в 33 уездных городах всех трех наместничеств Левобережной Украины¹⁹⁵. В городах и местечках Полтавщины и Черниговщины в этот период находилось 2120 лавок, из них в уездных городах – 1547, в 15 местечках – 573 лавки.

Активное развитие постоянной торговли в городах при незначительном количестве там купцов подтверждает мысль о широком приобщении к торговому занятию и других категорий городского населения, прежде всего торгующих, мещан и крестьян.

Вместе с тем это явление было одним из показателей углубления общественного разделения труда и дальнейшего развития товарного производства в условиях начала разложения феодально-крепостнической системы.

Учитывая все большее значение городов в экономическом развитии страны, царское правительство 21 апреля 1785 г. издало „Грамоту на право и выгоды городам Российской империи“¹⁹⁶. Жалованная грамота городам была распространена и на украинские города, уравнивая их таким образом в правах с русскими городами.

По этой грамоте все городское население делилось на 6 групп: 1) владельцы недвижимой собственности в городской черте; 2) купечество, которое, в свою очередь, делилось на гильдии в зави-

симости от размеров капитала^{*}; 3) цеховые ремесленники^{**}; 4) иногородние и иностранцы, занимавшиеся тем или иным промыслом или работой; 5) „именитые граждане“, т. е. купцы с капиталом свыше 50 тыс. руб., банкиры с капиталом не менее 100 тыс. руб., оптовые торговцы, судовладельцы, а также ученые, художники, музыканты и лица, выполнявшие выборные должности в городе не менее трех раз; 6) посадские старожилы, не входившие в другие группы. Принадлежность к вышеперечисленным группам, как видим, определялась главным образом по имущественному цензу. Жалованная грамота по существу узаконивала выделение привилегированной зажиточной верхушки торгово-ремесленного населения городов.

По новому законодательству, в городах Левобережной Украины, как и в городах всей страны, помимо магистратов появились такие органы, как общая городская дума и шестигласная дума. В местечках (посадах) органами управления были ратуши.

В состав городского магистрата входили два бургомистра и четыре ратмана, избираемых из имущих слоев купцами и мещанами каждые три года. Аналогичную структуру и систему выборов имели и ратуши крупных местечек. В мелких местечках, с населением менее 500 чел., в ратушу разрешалось избирать одного бургомистра и двух ратманов. В губернских магистратах, учреждаемых в главных городах наместничеств, находилось по два председателя и шесть заседателей¹⁹⁷. Городскую общую думу составляли городской голова и гласные. Последние выбирались через три года от каждой категории городского населения (купцов и мещан). Из гласных общей городской думы образовывалась шестигласная городская дума.

После образования городских дум к ним перешла значительная часть административных функций магистратов и ратуш, что говорило об упадке значения и роли последних как органов городского управления. Вместе с тем городской думе запрещалось решать судебные дела горожан. Прерогатива здесь уже полностью отдавалась магистратам и ратушам. Высшим административным и апелляционным органом в делах городского управления являлся губернский магистрат.

Внутренняя структура городских учреждений, как и раньше, обеспечивала господствующее положение в них имущих слоев.

В целом городское законодательство второй половины XVIII в. исходило прежде всего из интересов укрепления самодержавного строя.

* К 1-й гильдии принадлежали купцы с капиталом в 10–50 тыс. руб., ко 2-й – с капиталом в 5–10 тыс. руб. и к 3-й – владевшие 1–5 тыс. руб.

** Ремесленное положение, введенное городской реформой 1785 г., распространяло цеховой строй на все города страны. Тем временем цеховая организация ремесла уже не способствовала развитию экономики городов Российского государства в изучаемый период.

Вместе с тем предпринятые преобразования способствовали укреплению экономического положения торгово-промышленных и ремесленных слоев городского населения, процессу становления буржуазии.

Целый ряд мероприятий царского правительства направлялся в это время на укрепление экономического положения мещанства — основной категории податного населения городов. Так, в сенатском докладе императрице от 29 января 1768 г. подчеркивалось, что всем владельцам винокурных заводов, не принадлежавшим к мещанскому сословию, категорически запрещалась розничная торговля в городах „под взятием за преступление в том всего их имения и самых заводов в казну”¹⁹⁸. В ответ на рапорт Черниговской казенной палаты в своем приказе от 25 января 1784 г.¹⁹⁹ Сенат, ссылаясь на 10-ю статью царского указа от 3 мая 1783 г. о том, что „мещанские торги промыслы и ремесла всякого звания в тех городах (т. е. на Левобережной Украине. — А. П.) предоставлены мещанству”, ставит в качестве обязательного условия для лиц немецкого звания, желающих заниматься ремеслом и торговлей, запись в мещанство или же в купечество („а по капиталу и в купечество”). Одновременно дворянам и духовным лицам, а также казакам категорически запрещалось заниматься в городах всех трех наместничеств Левобережной Украины винной продажей, поскольку последняя должна быть направлена „единственно в пользу городов на содержание магистратов и на другие городские публичные надобности”. Всем магистратам вменялось в обязанность производить налоговые сборы со всех продавцов алкогольных напитков*, а также предотвращать всевозможные злоупотребления в их купле-продаже. Казенной палате поручалось контролировать поступление доходов и расходы самого магистрата.

По жалованной грамоте 1785 г., за городами закреплялись определенные виды доходов, которыми имели право распоряжаться городские учреждения. Определенное представление о размерах прихода и расхода (в руб.) городского хозяйства дает, например, соответствующий счет Новгород-Северской казенной палаты за период с 1787 г. по 15 февраля 1794 г. по местному магистрату²⁰⁰ (табл. 12).

*Это положение о налоговом сборе в пользу магистрата распространялось также и на феодалов, имевших земли и зависимых крестьян в городах. Обладая исключительным правом на винокурение (в своих поместьях и т. п. — А. П.), помещики, тем не менее, обязаны были вести в городах лишь оптовую торговлю алкогольными напитками. Вышеуказанный приказ Сената запрещал „в сохранение закона, а равно в предупреждение дороговизны в хлебе и дровах” заниматься в городах винокурением вообще. Одновременно правительство обязывало генерал-губернатора Левобережной Украины всячески содействовать тому, чтобы все дворы с крестьянами и землями, принадлежавшие феодалам в городах, были скуплены магистратами. Крестьяне при этом обычно записывались в мещане.

Согласно ведомости канцелярии Малороссийского скарба, доходы и расходы Нежинского магистрата в начале 80-х годов XVIII в. представлены в следующих размерах (табл. 13)²⁰¹.

Как видим, доходы городского хозяйства довольно часто уступали по размерам его расходам. По сумме доходов мы можем в какой-то мере судить об уровне социально-экономического развития того или иного города.

Таблица 12

Годы	Доходы с винной продажи	Доходы с других городских статей	Расход с винной продажи	Расход с других городских статей
1787	4210,46	434,04	2802,68	Место в документе, где указана сумма, испорчено
1788	1697,66	464,85	1667,80	—"
1789	4705,22	233,47	2932,93	—"
1790	4637,09	303,18	4852,19	—"
1791	3772,67	171,46	4720,00	422
1792	3832,43	191,04	4841,55	548,10
1793	3835,39	574,21	4373,84	607,28
1794 (с/л по 15.11)	578,25	24,67	723,66	30
Итого	27269,17	2396,92	26914,65	1986,85
Итого всех доходов	29666,09			
Итого всех расходов			28901,50	

Таблица 13

Годы	Доходы* (главным образом за подаренные земли, где расположились жилые дома, торговые лавки и т. п.) (руб.)	Расходы (в основном на выплату жалования служащим магистрата, а также на приобретение канцелярских и других принадлежностей) (руб.)
1780	823,89	1781,11
1781	1872,12	1448,04

* Кроме указанных доходов к Нежинскому магистрату принадлежало 7 деревень, где насчитывалось 154 крестьянских двора (235 хат), 13 бездворных хат. Денежный доход с этих деревень в ведомости не указан. Кроме того, на ранг Нежинского войта приходилось с. Плоское, где насчитывался 31 крестьянский двор (41 хата).

Документальные данные, имеющиеся в нашем распоряжении, дают возможность, в частности, представить годовые доходы уездных городов Киевского наместничества в середине 80-х годов XVIII в.²⁰² (табл. 14).

Обращает на себя внимание тот факт, что одним из главных источников доходов городов была торговля алкогольными напитками – винная продажа.

В этой связи значительный интерес представляет документ (так называемые кондиции), вышедший из Новгород-Северской казенной палаты о правилах продажи алкогольных напитков в городах данного наместничества через специальных лиц – откупщиков, а также о правах и обязанностях откупщиков этого распространенного товара на период с 1784 по 1787 г.²⁰³

Согласно предписанным „кондициям”, откупщик по заключенному контракту, после уплаты в казну договоренной суммы, получал монопольное право на торговлю алкогольными напитками в том или ином городе, „а кроме откупщика и его поверенных никто больше из живущих в городе обывателей и приезжих продажи винной, меду, пива в раздробь, ни квартами, ни ведрами и никакими мелочными мерами производить не должны”²⁰⁴. В том же контракте устанавливались и максимальные цены, превышать которые откупщику не разрешалось. Так, предельная стоимость ведра „государевой меры” пенного вина определялась до 1 руб. 50 коп., полугарного

Таблица 14

№ п/п	Название города	Сумма годового дохода (руб.)	Источники дохода (цитировано с документа)
1.	Киев	59708	„С деревень с разных оброчных и других статей и за право винной продажи”
2.	Остер	431	Источник не указан
3.	Козелец	1074	„С винной продажи и других статей”
4.	Переяслав	2878	„За право винной продажи с деревень и других статей”.
5.	Пирятин	600	„С винной продажи и других статей”
6.	Лубны	550	„За право винной продажи и из других статей”
7.	Миргород	116	„За право винной продажи и из других статей”
8.	Хорол	450	Источник не указан
9.	Голтва	450	Источник не указан
10.	Городище	450	Источник не указан
11.	Золотоноша	315	„С винной продажи”

вина – до 1 рубля, водки („двойного вина”) – до 3 рублей, меда – до 70 коп., пива – до 40 коп.

Несмотря на тесный контроль со стороны казенной палаты, откупщикам предоставлялась довольно широкая возможность расширять сеть „питейных домов”, осуществлять передвижную торговлю и т. п. Устанавливалось и время продажи алкогольных напитков в городах, а именно: летом – от восхода и до захода солнца, зимой – от 7 часов утра до 7 вечера²⁰⁵. В случае подтвержденной жалобы на плохое качество напитков на откупщика налагался денежный штраф, при повторной жалобе – двойной штраф. При этом часть денег шла в пользу жалобщика. Довольно жесткими были условия контракта в отношении выплаты в казну откупщиком денежных взносов за предоставленные ему права. При нарушении установленных сроков выплаты этих взносов казенная палата могла отстранить откупщика от продажи и даже конфисковать все его имущество. В случае банкротства откупщика подобные репрессивные меры могли быть распространены на его компаньонов и наследников²⁰⁶. Преследуя прежде всего фискальные цели, царское правительство и в дальнейшем проводит политику поддержки верхушки мещанства в его борьбе с экономическими конкурентами. 24 ноября 1790 г. Сенат издал очередной указ о запрещении дворянам и разночинцам заниматься промыслами и торговлей в городах. Положение мещан в этом вопросе, несмотря на формальную поддержку со стороны правительства, видимо, было нелегким. Как видно из жалобы магистрата и общей думы г. Глухова от 26 октября 1792 г., в Новгород-Северское наместническое правление подобные правительственные распоряжения практически не могли предотвратить их нарушения. Например, несмотря на категорическое запрещение городничего, глуховские дворяне, чиновники и разночинцы продолжали заниматься торговлей „к сущей и нестерпимой здешнего общества купцов и мещан обиде”. Оказавшись перед угрозой экономического банкротства городские власти уже вторично обратились за помощью в наместническое правление²⁰⁷.

Укреплению социально-экономического положения мещанства способствовал переход в него других категорий городского населения, прежде всего крестьян, искавших в этом спасение от окончательного закрепощения. Переход этот порою носил массовый и организованный характер. Так, в 1782 г. все крестьяне, проживавшие в г. Коропе, записались в мещане. Тогда же в мещанство перешло значительное количество крестьян таких городов, как Коноп, Кролевец и Сураж²⁰⁸. Однако официальное узаконение положения о расширении посадской общины за счет включения в нее представителей других социальных категорий города произошло лишь по городской реформе 1785 года.

ИЗМЕНЕНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНО-ВОЙСКОВОМ УСТРОЙСТВЕ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ

1. СТРУКТУРА ОРГАНОВ СТАРШИНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

В 50–70-Х ГОДАХ XVIII в.

ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП КАЗАЦКОЙ СТАРШИНЫ

Будучи частью Российского государства, Левобережная Украина в XVIII в. (до 1781 г.) одновременно сохраняла некоторые особенности своего внутреннего устройства. Здесь, в частности, оставалось со времен освободительной войны 1648–1654 гг. административно-войсковое устройство с гетманом, генеральной старшиной, полковой и сотенной администрацией, делением территории края на полки и сотни. Продолжала существовать также в определенной степени своя система судеустройства и городского управления.

Вместе с тем царское правительство, которому принадлежала верховная власть на Левобережной Украине, постоянно контролировало действия старшинской администрации. Таким контролирующим органом до 1717 г. был Малороссийский приказ. С ликвидацией, в результате проведенных в России в первой четверти XVIII в. реформ государственного управления, приказов, в том числе и Малороссийского, Левобережная Украина стала подведомственна коллегии иностранных дел и Сенату.

Проводя политику угнетения народных масс на территории всей Российской империи, царизм при этом находил социальную опору в лице украинских феодалов, с которыми русских помещиков объединяли общие классовые интересы.

Казачья старшина, сосредоточив в своих руках огромное количество земли и закабалив подавляющее большинство крестьян и значительную часть рядового казачества, уже во второй половине XVIII в. превратилась в настоящих помещиков. Недоставало лишь юридического оформления сложившихся крепостнических отношений со стороны царского правительства. В этих условиях возникала необходимость кодификации права на Левобережной Украине, поскольку действующие тут нормы права, выработанные еще во времена польско-шляхетского господства, явно устарели. В кодификации украинского права была заинтересована прежде всего старшина, которая ставила цель юридически оформить свое экономическое и политическое господство. Царизм, идя навстречу старшине и соглашаясь на кодификацию права, со своей стороны, усматривал реальный путь максимального приближения многочисленных норм украинского права к единому общероссийскому законодательству. Начало систематической работе по кодификации украинского пра-

ва положил царский указ от 22 августа 1728 г., известный под названием „Решительные пункты гетману Даниле Апостолу“. В 20-й главе этих „пунктов“ указывалось, в частности на необходимость перевода на русский язык „правных книг“, которые действовали на Украине¹. Тогда же была создана специальная кодификационная комиссия, которая должна была упорядочить украинское право. В процессе работы комиссия столкнулась с большими трудностями, поскольку на Левобережной Украине существовала в то время настоящая „мозаика“ права. Наряду с законодательными актами местных властей (договорные статьи, гетманские универсалы, ордера Генеральной войсковой канцелярии) основными источниками действующего права оставалось значительное количество нормативных актов времен польско-шляхетского господства. В частности, значительное место среди норм украинского права занимали Литовский статут 1588 г. и сборники магдебургского права „Саксон“ Щербича и „Порядок“ В. Гроицкого. Одновременно все более распространялось действие и общероссийских законов, отражавших в конечном итоге общность социально-экономического и культурного развития русского и украинского народов. Важное место в системе действующих законов на Левобережной Украине того времени занимали и нормы обычного права, возникшие в процессе развития общественной жизни и официально признанные царским правительством. Подобное состояние действующего права несомненно создавало значительные трудности и в практической работе административных и судебных учреждений Левобережной Украины. Кодификационная комиссия, сменив за это время несколько составов, окончила работу в 1743 г., выработав сборник законов, получивший название „Права, по которым судится малороссийский народ“. Главными источниками этого кодекса стали в основном те действующие на Левобережной Украине нормативные акты, которые наиболее отвечали классовым интересам украинских феодалов и закрепляли их экономическое и политическое господство. В частности, важное место среди источников „Прав“ занял Литовский статут 1588 г. (третья редакция)^{*}, феодально-крепостнические принципы которого наиболее импонировали старшинской верхушке, из представителей которой в основном состояла и кодификационная комиссия^{**}. В связи с этим не случаен тот факт, что в 1716 пунктах „Прав“ наибольшее количество сносок (1033) приходилось именно на Литовский

^{*} В 1614 г. третий Литовский статут был переведен на польский язык. В этой редакции Литовский статут и был наиболее распространен на Украине в XVIII в.

^{**} Так, в последний состав комиссии входили: генеральный обозный Я. Лизогуб, генеральный хорунжий Н. Ханенко, лубенский полковник П. Апостол, два бунчуковых товарища, два полковых писаря, два сотника, один войсковой товарищ, один войсковой канцелярист и пять представителей духовенства – всего 16 человек.

статут². Значительное внимание кодификаторы украинского права уделяли и сборникам магдебургского права и его разновидности — хелминского права, которые распространялись на города с правом самоуправления. Магдебургское право носило ярко выраженный классовый характер и в условиях сосредоточения военного, административного и судебного управления в руках старшины представляло последней особенно большие привилегии в городах. В новом своде широко использовались и те моменты украинского обычного права, которые отражали интересы господствующей верхушки.

В результате сборник „Права, по которым судится малороссийский народ” стал типичным кодексом феодально-крепостнического права с ярко выраженным стремлением старшинской верхушки юридически обосновать право Левобережной Украины на самоуправление в составе Российской империи. Последнее было необходимым условием и для осуществления планов украинских феодалов в отношении монопольного угнетения народных масс. Подобные тенденции „Прав” явно противоречили политическим интересам царизма, который стремился максимально приблизить украинское право к общероссийскому законодательству. Довольно четко позиция царского правительства по данному вопросу изложена в известной „Записке о Малой России” ; где, в частности, говорилось: „Но права гражданские, касающиеся до свойств народа управляемого самодержавным государем, яко в Статуте Литовском для республиканского правления учрежденные, весьма несвойственны уже стали и неприличны малороссийскому народу, в самодержавном владении пребывающему”³. В связи с этим подготовленный сборник законов, поданный в 1744 г. на рассмотрение Сената, не был утвержден. Но через 12 лет, по инициативе царского правительства, „Права, по которым судится малороссийский народ”, были изъяты из архива и пересланы гетманской администрации с тем, чтобы продолжить работу над сборником, естественно, в приемлемой для самодержавия редакции⁴. Явно подстегивая затянувшуюся работу, Сенат 31 августа 1761 г. издает указ „О рассмотрении изменений и дополнений Статута, по коему в Малороссии суд и расправа производится”⁵. Однако, как известно, „Права, по которым судится малороссийский народ” так и не стали официальным юридическим кодексом на Левобережной Украине.

Точка зрения на это обстоятельство, установившаяся еще в дореволюционной историографии (А. Кистяковский⁶, И. Теличенко⁷, Д. Миллер⁸ и др.) и принятая в основном советскими историками, нуж-

* Автор „Записки” точно неизвестен. В дореволюционной историографии часть ученых склонялась к предположению, что автором „Записки” был Г. Н. Теплов — наставник гетмана К. Разумовского, впоследствии крупный царский чиновник.

дается, по нашему мнению, в некотором уточнении. Как видим, и после 1744 г., когда, по утвердившемуся в исторической литературе мнению, была окончательно решена судьба „Прав“ как официального свода законов, царское правительство стремилось к выпуску в свет „Прав“, но, конечно, с желательными для себя поправками и дополнениями. Однако украинская старшина, экономические и политические позиции которой к середине XVIII в. несомненно возросли, по существу, не желала идти на уступки. В условиях резкого усиления централизаторской политики царизма (с середины 60-х годов XVIII в.) уже правительство Екатерины II считает лишним добиваться подобных уступок.

Таким образом, в борьбе внутри господствующего класса, сводившейся в конечном итоге к борьбе за право монопольного господства над угнетенными массами, и была предreshена участь этого памятника украинского феодального права. Не став официальным юридическим кодексом, „Права“, однако, в судопроизводстве Левобережной Украины середины и второй половины XVIII в. были весьма авторитетным источником. О популярности этого документа свидетельствует и значительное количество его списков⁹.

В середине XVIII в., в связи с усложнением внешнеполитического положения Российской империи (на западе назревала война с Пруссией, на юге – с Турцией), царское правительство делает ряд шагов в направлении удовлетворения политических требований казацкой старшины. Последняя, в свою очередь, небезосновательно усматривала в дворянской монархии ту реальную силу, которая могла обеспечить ей господство над народными массами и привилегированное положение.

Уже в 1744 г. воспользовавшись пребыванием императрицы Елизаветы на Украине, старшина подала ей в м. Глухове челобитную о восстановлении гетманства*. Настойчивые многочисленные прось-

* После смерти гетмана Скоропадского выборы нового гетмана царским правительством не были разрешены. Управление Левобережной Украиной временно было возложено на наказного гетмана П. Полуботка и генеральную старшину (ПСЗ – № 4049). Однако все дела они могли решать лишь при согласовании с президентом Малороссийской коллегии Вельяминовым (ПСЗ – № 4173). В 1724–1727 гг. управление Левобережной Украиной формально осуществлялось так называемыми „правителями Генеральной войсковой канцелярии“. Это были маловлиятельные представители старшины – бывший полтавский сотник И. Левенец, Глуховский сотник И. Мануйлович и войсковой товарищ Ф. Потребич-Гречаный. Фактически же вся власть была сосредоточена в руках президента Малороссийской коллегии Вельяминова.

В 1727 г. сложное международное положение России (резкое обострение отношений с Оттоманской империей) и внутривнутриполитические обстоятельства (борьба придворных группировок за власть) вынуждают царизм пойти на определенные уступки старшине и, в частности, дать согласие на восстановление гетманства на Левобережной Украине. Гетманом стал 73-летний миргородский полковник Д. Апостол. После смерти последнего в 1734 г. власть на Левобережной Украине перешла к специально созданной коллегии – „Правлению гетманского правительства (уряду)“, которая состояла из равного количества русских и украинских чиновников (ПСЗ – № 6614). Руководящая роль в „Правлении“ принадлежала царскому резиденту на Украине князю А. Шаховскому.

бы подобного характера старшина выдвигает и в последующие годы. Наконец, в мае 1747 г. был издан царский указ „О бытии в Малороссии гетману по прежним правам и обыкновениям”. Однако, делая этот в значительной степени вынужденный шаг, царизм вовсе не собирался отступать от той централизаторской политики, которую он проводил на Украине. По замыслу царского правительства гетманом должен был стать человек, который содействовал бы постепенной ликвидации специфических форм административного и военного строя на Левобережной Украине. Выбор пал на Кирилла Разумовского – младшего брата фаворита царицы, которого старшина, по указанию царского правительства, и „избрала” гетманом в м. Глухове в марте 1750 г. В июне того же года царское правительство утвердило это „избрание”, а в октябре под власть гетмана была передана и Запорожская Сечь¹⁰. Резиденцией нового гетмана стал г. Батурин. Царское правительство щедро дарило К. Разумовскому земельные владения и крепостных. Последний гетман, как и его предшественники, был прежде всего крупнейшим землевладельцем на Левобережной Украине. По данным „Табели” (1754 г.) об имениях левобережных гетманов, во владении у Разумовского находилось 9628 дворов и бездворных хат¹¹.

Кроме огромных прибылей от земельных владений гетман Разумовский обогащался и за счет продажи продукции тех многочисленных предприятий, которые строились, по его распоряжению, на территории гетманских владений. Прибыли К. Разумовского от этих предприятий превышали 100 тыс. руб. в год¹². Поэтому Разумовский большое внимание уделял расширению своей глуховской резиденции, которая, по словам одного из исследователей рода Разумовских – князя Васильчикова, была „миниатюрной копией со двора петербургского”¹³, а потом и батуринской. Только на содержание обслуживающего персонала батуринского гетманского дворца ежегодно тратилось более 60 тыс. руб.¹⁴.

К. Разумовский и после ликвидации гетманства остался крупным земельным магнатом. На Левобережной Украине он имел в своем владении восемь волостей „с принадлежащими к ним селами, деревнями и хуторами, заводами и всякими другими заведениями и наличностью”¹⁵. По ревизии 1782 г., в семи уездах Новгород-Северской губернии бывший гетман имел 74177 крепостных крестьян¹⁶, а в русских губерниях – свыше 45 тыс.¹⁷.

С восстановлением гетманства несколько изменилась структура органов управления Левобережной Украины. Было ликвидировано „Правление гетманского правительства (уряду)”. Фактически перестал действовать общевойсковой казачий совет (рада), компетенция которого при К. Разумовском окончательно перешла к совету старшин. Состав последнего, возглавляемого гетманом, был довольно широк. В него входили прежде всего, члены Генеральной

войсковой канцелярии и Генерального войскового суда. На совет обычно вызывались полковники, другие представители полковой, а также сотенной администрации. В компетенцию совета старшины входили такие вопросы, как избрание на высшие административные должности, рассмотрение решений Генеральной войсковой канцелярии, важнейшие дела административного, финансового и судебного характера, рассмотрение апелляции на решения Генерального суда и Генеральной войсковой канцелярии и т. п.

В то же время в административном аппарате Левобережной Украины еще более усилилась роль его верхушки – генеральной старшины (генеральный обозный, генеральные судьи (2), генеральный подскарбий, генеральный писарь, генеральные есаулы (2), генеральный хорунжий, генеральный бунчужный). Состоя из самых богатых и влиятельных представителей старшинских семей, генеральная старшина держала в своих руках центральные органы управления на Левобережной Украине, решая все важнейшие вопросы военного и гражданского характера. Только в виде ранговых имений за генеральной старшиной, по ревизии края 1764 г., числилось 1489 дворов (1970 хат) и 628 бездворных хат, в которых проживало 7593 чел. мужского пола¹⁸.

После ликвидации в ноябре 1764 г. гетманства генеральная старшина была подчинена новообразованному центральному органу управления Левобережной Украиной – Малороссийской коллегии во главе с графом П. А. Румянцевым, назначенным одновременно и генерал-губернатором региона¹⁹. Четыре представителя генеральной старшины были назначены членами этой коллегии.

Следующим, после генеральной старшины, звеном старшинской иерархии была полковая администрация. Во главе ее стоял полковник городского полка*, олицетворявший высшую административную, военную и судебную власть на данной территории. В исследуемый период назначение на должность полковника городского полка осуществлялось непосредственно царским правительством.

Обычно на эту должность назначались лица, пользовавшиеся полным доверием в Петербурге. Очень часто, например, это были родственники гетмана или представителей высшей украинской старшинской верхушки, занимавшей высокое положение при царском дворе. Массовый характер носило назначение на эту почет-

*Административно-территориальная и военная единица на Левобережной Украине второй половины XVI – XVIII в. Во второй половине XVIII в. до 1775 г. на Левобережной Украине городских полков было 10 (в 1775 г. Полтавский полк окончательно отошел к созданной в 1764 г. Новороссийской губернии).

Кроме городских полков на Левобережной Украине существовали (до 1776 г.) три так называемых охочекомонных, или компанейских, полка из вольнонаемных людей.

ную и весьма прибыльную должность лиц, имевших чин армейского полковника. Из 25 известных левобережных полковников той поры многие из них перед вступлением в должность имели чин „полковника от армии”²⁰.

Как правило, полковник являлся одним из крупнейших феодалов в полку, а нередко и за его пределами.

Одним из крупнейших землевладельцев на Левобережной Украине был, например, полтавский полковник А. Горленко. Благодаря прежде всего своему богатству он продержался на полковничьей должности более 30 лет – до самой ликвидации Полтавского полка. Об огромных богатствах А. Горленко свидетельствует, например, тот факт, что он дал в приданое двум дочерям (в 1768 и 1772 г.) движимого и недвижимого имущества более чем на 50 тыс. руб. – огромную для того времени сумму. Сыновьям Горленко оставил в наследство еще больше – около 15 тыс. десятин земли, на которых проживало свыше 3 тыс. зависимых крестьян²¹.

Значительные имения предоставлялись на ранг полковника. По данным ревизии 1764 г., в ранговых владениях 10 левобережных полковников находилось 1813 дворов (в них 2509 хат) и 1260 бездворных хат, в которых проживало около 23 тыс. зависимых крестьян²².

Полковники всячески стремились увеличить свои владения. Одним из путей этого было получение имений по гетманским универсалам. При этом в универсале особо отмечалось, чтобы крестьяне этих селений послушно исполняли „подданническую повинность”. Но обычно полковники не удовлетворялись подобными приобретениями и очень часто захватывали имения самовольно, разоряя крестьянско-казацкие массы. Так, из более чем 20 селений, принадлежавших прилукскому полковнику Г. Галагану, лишь три были получены по гетманскому универсалу. Остальные же владения этого феодала были захвачены им у крестьян и рядовых казаков.

Иногда почти все владения полковников состояли из захваченных или же скупленных по низкой цене крестьянских и казацких земель²³. Типичным примером такого явления можно назвать имения последнего переяславского полковника Г. Иваненко, которые состояли в основном из „скупленных и разными сделками добытых грунтов”²⁴.

Примечательно, что в исследуемый период мы не встречаем данных о „наказных” (т. е. временных) полковниках. Если полк по каким-либо причинам оставался без полковника, то до назначения нового полком обычно управляла полковая старшина. Иногда эти функции возлагались на кого-нибудь из бунчуковых товарищей²⁵. Очевидно, в изучаемый период такая форма управления, как „наказное” полковничество, исчезла совсем или же, если и имела место, то очень редко. В состав полковой старшины входили обозный, судья, писарь,

есаул и хорунжий. Обозному подчинялись артиллерия и обоз, имевшиеся в каждом полку. Кроме своих основных обязанностей полковой обозный выполнял различные поручения царского правительства, гетмана и генеральной старшины, а после ликвидации гетманства – Малороссийской коллегии.

Полковые обозные обычно принадлежали к богатой казацкой верхушке. Как правило, они владели землями с проживающими на них зависимыми крестьянами. Например, за черниговским полковым обозным А. Тризной в 1778 г. числились 65 зависимых крестьян мужского пола. Обозный Прилукского полка Я. Кисель в 1773 г. имел 50 зависимых крестьян мужского пола²⁶. Иногда полковые обозные по количеству владений были первыми богачами в полку. Одним из них, например, был обозный Стародубского полка П. Скоропу, получивший в наследство от отца большие земельные владения. Последние, кстати, он постоянно расширял, в основном за счет захвата и насильственной скупки земель крестьянско-казацких масс²⁷. Насколько прочно чувствовал себя Скоропу в экономическом отношении, свидетельствует и тот факт, что этот полковой обозный претендовал на должности полковника Стародубского полка и генерального подскарбия. При уходе в отставку Скоропу получил чин армейского полковника и приобрел таким образом дворянские права²⁸. Помимо личных владений полковые обозные имели ранговые имена.

Говорить о функциях полкового судьи следует лишь с учетом того обстоятельства, что высшая судебная власть в полку принадлежала полковнику, который до 1763 г. являлся председателем полкового суда. В этом же году в связи с судебной реформой на Левобережной Украине в каждом полку было создано по два (в наибольшем по территории Нежинском полку – три) – земскому и подкоморскому – суда, каждый из которых состоял из судьи, подсудка и писаря. Определенное исключение составлял Полтавский полк, в котором были учреждены лишь подкоморские суды. Полковые суды были преобразованы в гродские, где председательствовал по-прежнему полковник. В состав гродского суда помимо полковника входило два–три представителя полковой старшины, среди которой обязательно должен был быть полковой судья. Созданные судебные учреждения подчинялись Генеральному суду.

Специальным гетманским распоряжением чиновникам вновь образованных судов* обеспечивалось довольно высокое положение в старшинской иерархии. В частности, подкоморскому судье, или, как чаще он называется в документах, подкоморию, представлялось

*Земские, подкоморские и гродские сословные шляхетские суды прекратили свою деятельность после воссоединения Украины с Россией и были, как видим, воссозданы на Левобережной Украине уже в несколько иных конкретно-исторических условиях.

положение второго лица в полку (после полковника). За ним следовал земский судья, который занимал теперь положение выше, нежели бунчуковые товарищи*, а подсудки уравнивались с последними. Земские писари приобретали равное положение с полковыми есаулами.

Все эти судебные чиновники при вступлении в должность приводились к специальным присягам по форме, разработанной по указанию гетмана К. Разумовского. Текст присяги почти идентичен: наряду с характерными верноподданническими заверениями с религиозной окраской служить „верно и справедливо” дается клятвенное обещание устоять перед соблазном брать взятки²⁹. Видимо, коррупция тогда довольно глубоко проникла в деятельность старшинской администрации и, в частности, судебных учреждений, коль подобные мотивы сочли необходимым включить в текст указанных присяг.

Сфера деятельности учрежденных судов регламентировалась соответствующими положениями Литовского статута 1588 г., продолжавшего оставаться, как указывалось выше, одним из главных источников норм украинского права, в частности судопроизводства. Функции земского суда сводились к разбору дел следующего порядка: о закладных имениях, побегах слуг, „обиду господину своему причинивших”, о взятии лишних пошлин, разделе имущества между родственниками, вспашке чужих земель, о долговых обязательствах и т. п.

Подкоморские суды разбирали обычно дела между представителями господствующего класса о спорных землях. Гродские суды занимались разбором дел уголовного порядка, как-то: о наездах и разграблении феодальных имений, разбое на дорогах, воровстве, пожарах, об убийствах, изнасиловании и т. д. Названные функции оставались за этими судами и их чиновниками и после ликвидации гетманства. Изменения произошли лишь в месте сосредоточения высшей судебной власти. Отныне она находилась в руках президента учрежденной Малороссийской коллегии, генерал-губернатора Левобережной Украины П. А. Румянцева³⁰.

В целом же земские, подкоморские и гродские шляхетско-сословные суды, вплоть до их ликвидации в 1783 г., продолжали служить господствующей и феодально-старшинской верхушке (при полном содействии царского правительства).

Как видим, функции полкового судьи в результате проведенной судебной реформы и, в частности, реорганизации полкового суда

---

* Почетная должность в украинском казацком войске (с конца XVII в. до 1764 г.). Формально бунчуковые товарищи считались помощниками генерального бунчужного, как правило, происходили из богатых старшинских семей.

не претерпели существенных изменений. Как и раньше, он являлся фактически заместителем полковника в решении судебных дел — на этот раз в гродском суде, оставаясь важным звеном в системе судопроизводства и старшинской администрации в целом.

Помимо ранговых полковые судьи имели также имения на правах личного владения, причем иногда с довольно значительным количеством зависимых крестьян. Так, киевский полковой судья С. Бариновский имел 286 подданных. У черниговского полкового судьи Я. Бакуринского в 1778 году насчитывалось 408 подданных мужского пола³¹. Кстати, Я. Бакуринский был одним из многих представителей казацкой старшины, которые успешно продолжали службу и после ликвидации полкового строя на Левобережной Украине и даже нередко становились крупными царскими чиновниками. В 1797 г. он закончил свою карьеру, будучи черниговским губернатором. В том же году, при выходе в отставку, Бакуринский получил один из высших гражданских чинов Российской империи — чин тайного советника³².

Деловодство полка производилось полковой канцелярией, работой которой руководил полковой писарь. В его распоряжении был целый штат канцеляристов. В середине XVIII в. во всех десяти полках „для исправления дел” насчитывалось 88 войсковых канцеляристов (в Гадяцком, Прилуцком и Киевском полках — по 6 чел., в остальных — по 10 чел.)³³.

После судебной реформы 1763 г. половина полковых канцеляристов была переведена в земские уездные суды³⁴. В работе канцеляристов и полковой канцелярии в целом наблюдалась определенная специализация. Об этом, в частности, свидетельствовало наличие в канцелярии ряда специальных отделов — судебного, казны, счетного.

Полковой писарь обычно назначался по гетманскому универсалу, а позже — по указу Малороссийской коллегии.

Те из полковых писарей, которые не имели ранговых имений, получали денежное жалованье. В период последнего гетманства оно составляло 50 руб. в год.

Значительным влиянием среди полковой старшины пользовались полковые есаулы. А. Шафонский приравнивал функции полкового есаула во время походов к функциям майора регулярной русской армии тех времен, который отвечал за „исправность и чистоту целого полка”³⁵, т. е. главной обязанностью полковых есаулов было руководство военными делами казаков своего полка, а также их снаряжением и вооружением. Помимо этого полковые есаулы выполняли разные поручения, связанные с административным управлением данным полком.

Полковых есаулов в изучаемый период в полку было обычно двое³⁶ — первый полковой есаул (старший) и второй полковой есаул (младший). Как и другие полковые старшины, полковые есаулы владели ранговыми имениями.

Замыкал полковую администрацию полковой хорунжий. Целый ряд годовых „Ведомостей” полковых канцелярий свидетельствует о том, что в полку было обычно два хорунжих. Встречающиеся иногда данные подобных „Ведомостей” о наличии в том или ином полку одного хорунжего⁵⁷ фиксировали, на наш взгляд, лишь временное явление. Полковые хорунжие, как и есаулы, были помощниками полковника в военных делах. Кроме выполнения сугубо военных обязанностей полковые хорунжие принимали участие и в административном управлении полком, но их функции носили менее самостоятельный характер, чем у других полковых старшин. Полковые хорунжие, как правило, назначались полковником и утверждались гетманом, а после ликвидации гетманства – Малороссийской коллегией. Иногда должность полкового хорунжего предоставлялась за проявление доблести во время войны.

Большинство полковых хорунжих имели ранговые имения, а также имения на правах личного владения вместе с зависимыми крестьянами. Последних у прилукского полкового хорунжего И. Трощаковского, например, в 1773 г. насчитывалось 85 чел., у черниговского полкового хорунжего М. Лысенко в 1778 г. – 30 чел. мужского пола⁵⁸. Нежинский полковой хорунжий В. Грива был собственником четырех сел, которые он получил за личные боевые заслуги.

Полковая старшина во главе с полковником продолжала оставаться одним из важнейших звеньев старшинской администрации на Левобережной Украине до начала 80-х годов XVIII в. Полковнику и полковой старшине принадлежала вся полнота власти на территории полка. В то же время наблюдалось все более заметное вмешательство в дела полковой администрации царского правительства.

После ликвидации гетманства полковая администрация вошла в непосредственное подчинение Малороссийской коллегии.

До начала 80-х годов XVIII в. на Левобережной Украине продолжало существовать административно-территориальное и войсковое деление полков на сотни. Последние, как правило, подчинялись полковой администрации*. Во главе сотенной администрации стояли сотник и сотенная старшина.

Сотник осуществлял административное руководство и военное командование сотней, а также олицетворял судебную власть на территории сотни. После судебной реформы 1763 г. судебные функции сотника были значительно уменьшены. За сотником и сотенны-

* В ряде случаев сотня освобождалась от подчинения полку. Это касалось прежде всего Глуховской сотни, на территории которой находилась резиденция гетмана. Не подлежали власти полковника и казаки еще 5 сотен Нежинского полка – Новомлинской, Кролевецкой, Коропской, Воронежской и Ямпольской, которые привлекались к охране гетмана и сторожевой службе и составляли, собственно, отдельную военную единицу, командир которой был независим от нежинского полковника.

ми правлениями, как подчеркивалось в гетманском универсале от 19 ноября 1763 г., оставалось лишь право „между рядовыми казаками в самых маловажных жалобах и спорах словесную расправу чинить”. Центральной фигурой в решении судебных дел становится возный, должность которого была учреждена в каждой сотне после упомянутой судебной реформы. По своему служебному положению возный считался вторым, после сотника, должностным лицом в сотне. Подобно другим судебным чиновникам всех рангов возный при вступлении в должность приносил специальную присягу.³⁹

В рассматриваемое время была фактически ликвидирована выборность сотников, носившая уже, как правило, формальный характер. В период последнего гетманства старшинская администрация обходила даже царские указы 1715 и 1728 гг., определявшие правила замещения полковых и сотенных должностных мест* и назначала сотниками желательных ей лиц, игнорируя при этом интересы и волю жителей сотни. Нередко сотники назначались по прямому указанию гетмана⁴⁰. При этом не выполнялись даже те формальности, которые имели место в первой половине XVIII в. и были призваны создавать некоторую видимость выборности сотников.

В 1767 г. президент Малороссийской коллегии Румянцев якобы на основании борьбы с разными злоупотреблениями, которые имели место во время „выборов” сотников, в свою очередь, предложил коллегии „не позволять нигде сотенных старшин выбирать самим сельским казакам, как до сего чинилось”. С этого времени полковой совет давал свои кандидатуры на должность сотника на утверждение непосредственно Румянцеву. Нередко сотники просто назначались по прямому указанию генерал-губернатора Левобережной Украины.

В силу такого положения дел многие из сотников десятками лет бесменно занимали свои должности. Например, В. Соболевский пробыл погарским сотником 30 лет (1738–1768), В. Шрамченко – олишевским сотником свыше 30 лет (1741–1773), Ф. Свирский – иваницким сотником более 25 лет (1738–1764)⁴¹. И. Корниевич-Огронович был сотником 3-й Лохвицкой сотни 22 года (1760–1782), А. Жила – сотником 1-й Варвинской сотни 18 лет (1763–1781) и т. д. Отдельные старшинские семьи держали сотничьи должности в своих руках по 50 и больше лет. Так, например, 55 лет (1727–1782) должность сотника 1-й Сечанской сотни Лубенского полка занимали Иван, Тимофей и Филипп (отец, сын, внук) Криштофовичи⁴²; свыше 50 лет (1728–1781) были сотниками Монастырской сотни Прилукского полка Иван, Петр и Михаил (отец, сын, внук) Романовичи, 50 лет

* По царскому указу от 22 января 1715 г., на свободные должности полковой старшины и сотников полковой совет должен был предлагать 2–3 кандидата, одного из которых и утверждал гетман. Указ от 22 августа 1728 г., собственно, повторял и подтверждал указ 1715 г.

(1717–1767) держали сотничью должность в Девицкой сотне (Нежинский полк) Селецкие⁴³ и т. д.

Отмеченные факты долговременного пребывания на сотничьей должности не только отдельных лиц, но и представителей нескольких поколений свидетельствуют о том, что эта должность во второй половине XVIII в. во многих случаях уже являлась прерогативой богатых старшинских семей.

Старшина, начиная с сотников, стремилась не допустить в свою среду рядовых казаков, ставя с этой целью социальные рогаки. На должность сотника, как правило, назначались выходцы из господствующих слоев населения. Так, из годовой „Ведомости” о службе полковой и сотенной старшины Черниговского полка за 1778 г. видно, что большинство сотников было назначено из значковых товарищей. Аналогичные данные по Киевскому полку за 1779 г. свидетельствуют о том, что абсолютное большинство сотников было назначено из числа войсковых* и значковых** товарищей⁴⁴. Нередко на должность сотника назначались и канцеляристы Генеральной войсковой канцелярии. Другие же назначения на эту должность носили характер отдельных случаев. Свое привилегированное положение сотники сохраняли и после ухода в отставку. Большинство из них при этом получали довольно высокий чин бунчукового товарища⁴⁵. После ликвидации полково-сотенного устройства на Левобережной Украине сотникам, согласно царскому указу от 28 июня 1783 г., предоставлялась возможность продолжать службу в регулярной царской армии, в гражданских учреждениях или же идти в отставку.

Сотники владели ранговыми именьями, которые они получали после вступления в должность. Помимо этого обычно сотники владели именьями, в которых проживало немалое количество зависимых крестьян – подданных. По данным годовой „Ведомости” киевской полковой канцелярии, сотник Олишевской сотни В. Пригара в 1779 г. имел 81 подданного и 16 подсоседков, киевский сотник И. Гудым – 150 подданных⁴⁶. В 1775 г. в Лубенском полку из 23 сотников более половины имели подданных свыше 100–150 чел. мужского пола⁴⁷.

Вместе с сотником сотней руководила сотенная старшина, в состав которой входили: сотенный атаман, писарь, есаул и хорунжий. Именно в таком составе и в такой последовательности сотенную старшину представляет „Ведомость о порядке следования генераль-

* Почетное звание, присваиваемое представителям казацкой верхушки за воинские заслуги. Войсковые товарищи находились под личной протекцией полковника.

** Почетное звание, предоставляемое зажиточным казакам, которые не занимали административно-военной должности. Значковые товарищи, минуя сотенную администрацию, непосредственно подчинялись полковнику.

ных полковых и сотенных старшин" за 1756 г. В таком же порядке сотенная старшина выступает и в годовых „Ведомостях" ряда полковых канцелярий в 70-х годах XVIII в.⁴⁸

Во время военных походов, как отмечает А. Шафонский, сотенный атаман „нес при сотнике должность эскадронного поручика"⁴⁹, т. е. был помощником сотника в делах командования вверенной ему военной единицы. Сотенных атаманов следует отличать от городских атаманов, возглавлявших в полковых городах полицию.

На должность сотенного атамана, как правило, назначались представители привилегированной казацкой верхушки. В большинстве случаев это были сотенные старшины низшего ранга, значковые товарищи, полковые канцеляристы и т. п. Временами эта должность переходила от отца к сыну, т. е. становилась в какой-то мере наследственной привилегией и наградой сотенному атаману за его службу.

Иногда имело место назначение на должность сотенного атамана и из числа рядового казачества. Это, по нашему мнению, объяснялось тем, что сотник, желая иметь своим первым заместителем опытного и способного человека и не находя его среди сотенной старшины и значковых товарищей, отдавал предпочтение кандидату из рядовых казаков. Весьма возможно также, что это был родственник сотника.

Данные 70-х годов XVIII в. по трем полкам (Черниговскому, Киевскому и Прилукскому) об экономическом состоянии сотенных атаманов позволяют сделать предположение, что эти сотенные старшины в экономическом отношении часто не превышали зажиточных рядовых казаков. В частности, это подтверждается тем фактом, что большинство сотенных атаманов совсем не имело зависимых крестьян или же имело небольшое количество подсоседков. В случае же наличия у сотенных атаманов подданных количество последних обычно не превышало 20 чел. Вышеприведенное предположение подтверждают данные по Прилукскому полку и за 1753 г. Здесь за сотенными атаманами Клишевским и Безчувчим числилось лишь по одной бездворной хате „крайнищетных посполитых". Подобное количество зависимых крестьян из категории „крайнищетных" нередко можно было встретить и у рядовых зажиточных казаков⁵⁰.

Сотенные атаманы получали денежное жалование, выделяемое из специальных сборов на содержание сотенной старшины с казацко-крестьянских масс и жителей сотенных местечек. Согласно указу от 28 июня 1783 г., сотенные атаманы могли поступать на военную службу в царской армии в чине унтер-офицера, а на гражданской службе получали ранг коллежского регистратора. Тем сотенным атаманам, которые выходили в это время в отставку, представлялся чин корнета.

Важное место среди сотенной старшины занимал писарь. Он, по определению А. Шафонского, был „при сотенном атамане первый сотенный старшина”⁵¹. Основной его функцией было ведение деловодства сотни. Значительная часть сотенных писарей назначалась из полковых или сотенных канцеляристов. Нередко сотенными писарями становились сотенные есаулы и хорунжие. Встречаются назначения на эту должность и из выборных казаков. Основным источником существования сотенных писарей было получаемое ими денежное жалование. Отдельные сотенные писари имели незначительное количество зависимых крестьян или же подсоседков. Большинство же сотенных писарей обычно не имело ни подданных, ни подсоседков, как это имело место, например, в 70-х годах XVIII в. в Черниговском, Киевском и Прилукском полках.

Низшее звено сотенной старшины составляли есаул и хорунжий. Они, прежде всего, выполняли военные функции, как-то: отвечали за вооружение и обмундирование казаков, их воинское обучение, ведали списками всех казаков сотни, годных к военной службе. Чин сотенного есаула считался выше, чем чин хорунжего. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что нередко на должность есаула назначали сотенного хорунжего. В отличие от предыдущих сотенных должностей, на которые в основном назначались выходцы из привилегированной казацкой верхушки, сотенными есаулами и хорунжими довольно часто становились рядовые казаки⁵². Тяжесть содержания сотенных старшин, ложилась на плечи крестьянско-казацких масс.

Таким образом, во второй половине XVIII в. выборность сотника и сотенной старшины была окончательно вытеснена системой назначения их вышестоящими органами власти. Характерным явлением становится внедрение в руководство сотней феодального родового принципа, благодаря чему должность сотника, в частности, превратилась фактически в вечную и даже наследственную привилегию. Среди представителей сотенной администрации наблюдалась значительная имущественная дифференциация. Если в лице сотников мы имеем, как правило, крупных землевладельцев, настоящих помещиков, то экономическое положение остальной сотенной старшины во многих случаях в это время почти не отличается от экономического положения зажиточного рядового казачества.

Всех старшин (генеральных, полковых, сотенных), находившихся при должностях в органах управления, например, в 1751 г. насчитывалось, по нашим подсчетам, около 750 чел. Кроме того присутствовал постоянный резерв для старшинской администрации в лице бунчуковых, войсковых и значковых товарищей, количество которых в том же 1751 г. соответственно составляло 202,85 и 539 чел.⁵³ Эта сравнительно небольшая часть господствующего класса, со-

ставлявшая основу старшинского административного аппарата, активно проводила политику угнетения и окончательного закрепощения крестьянско-казацких масс.

2. НОБИЛИТАЦИЯ УКРАИНСКОЙ КАЗАЦКОЙ СТАРШИНЫ И ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ЗАКРЕПОЩЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКО-КАЗАЦКИХ МАСС. ЛИКВИДАЦИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ АДМИНИСТРАТИВНОГО И ВОЙСКОВОГО УСТРОЙСТВА ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ

В условиях все возрастающей борьбы трудящихся масс против феодально-крепостнического гнета украинским феодалам нужна была сильная власть монархии. Со своей стороны царское правительство постоянно подтверждало грамотами право старшины на земельные владения, которые она в основной массе приобрела за счет прямого захвата и насильственной купли казацких и крестьянских земель, а также за счет превращения ранговых владений в наследственные. А. Ефименко по этому поводу отмечала, что каждое такое подтверждение было лишним шагом в сторону крепостного права и дворянской привилегированности⁵⁴. И действительно, полное юридическое закрепление земель (а значит, и крестьян, живших на них) за старшиной, собственно, означало то же самое, что и формальное признание за ней дворянского звания.

Одновременно, уже со второй половины 60-х годов XVIII в., царизм начинает изменять свое ранее отрицательное отношение к стремлению старшины к нобилитации. В 1767 г. старшина получила право избирать „предводителей” так же, как и русское дворянство, а в комиссии по составлению проекта „Нового уложения” старшинские депутаты пользовались теми же правами, что и депутаты от высшего сословия Российской империи. В том же году был сделан еще один важный шаг на пути к уравниванию казацкой старшины с русским дворянством. Им стал царский указ от 3 мая 1767 г. генерал-губернатору Левобережной Украины о том, чтобы „доставить к определению в кадетский корпус и общество благородных девиц детей обоего пола из лучших малороссийских семей.” Интересно отметить тот факт, что Румянцев, отправляя по поручению царского правительства старшинских детей в Петербургский кадетский корпус, совсем не обращал внимания на то, что многие из них не могли доказать свое шляхетское происхождение никакими документами. Более того, генерал-губернатор так сформулировал объяснение отсутствия дворянства на Левобережной Украине, что оно наилучшим образом отвечало стремлениям старшины к уравниванию „в чести и преимуществах” с родовым дворянством. Так, в одном из доносений Екатерине II Румянцев, в частности, писал: „В прежние времена господствовавшей здесь простоты, когда всякого состояния житель искал имени казака, случалось и сие, что самые генераль-

ные старшины, оставя свои степени, становились в войске нижними начальниками, взирая на соединенные с тем выгоды, которые предпочитаемы были всякой славе, то в сем общем смятении затмилось благородство многих фамилий. Выбор из казаков во все войсковые чины подкреплял тем паче сей неурядок и препятствовал быть на сей случай когда-либо лучшему разбору. Посему прародители нынешним своим потомкам не тщились оставить доказательства своего происхождения, не видя в том никакой тогда пользы, хотя многие из них от польского шляхетства во время присоединения сей земли к России и после того уже под державу все-российских монархов пришли"⁵⁵ Собственно, из одного только этого документа уже ясно выступает стремление Румянцева, а значит, и царизма образовать на Левобережной Украине дворянское сословие, которое выступало бы здесь в лице казацкой старшины.

Тогда же генерал-губернатор начал проводить в жизнь мероприятия, направленные на окончательное отмежевание старшины от казацкого сословия, в рамках которого и казацкий старшина, и рядовой казак еще продолжали в какой-то мере быть равными перед законом. В частности, одним из таких мероприятий было уравнение отдельных старшин с табельными русскими чинами. Следует сказать, что предоставление старшине табельных чинов уже в 60–70-х годах приобрело значительное распространение.

Вместе с тем рядовое казачество постепенно теряло свои права и привилегии, которыми оно пользовалось еще со времен освободительной войны 1648–1654 гг. Наряду с крестьянами казацкие массы все чаще становились объектом жестокой феодальной эксплуатации, жертвой широко распространенных злоупотреблений властью со стороны старшинской администрации.

Одной из распространенных форм наступления феодалов на рядовое казачество был захват их земель. Так, в 1750 г. в Генеральной войсковой канцелярии рассматривалось дело о захвате земель у казаков Кропивянской сотни Переяславского полка сотником Д. Дараганом, в 1755 г. – о захвате земель и озера, принадлежавших казакам Остерской сотни Киевского полка братьям Кривицким, бунчуковым товарищем В. Климовичем, а также о захвате земель у казаков с. Малая Селецкая Лукомской сотни Лубенского полка войсковым товарищем Оболенским⁵⁶. От светских феодалов не отставали и духовные. Сохранилось немало архивных источников, которые рассказывают о захвате казацких земель, например, монастырями. В 1755 г. в Генеральном суде слушалось дело о захвате пахотных земель у казаков с. Иванково Киевского полка Киево-Фроловским девичьим монастырем. В 1763 г. казаки этого же села жаловались в Киевскую полковую канцелярию на захват их земель Киево-Софийским монастырем⁵⁷.

Нередко представители старшинской администрации принуждали казаков бесплатно работать в своих имениях, применяя в слу-

чае отказа физическую расправу. В нашем распоряжении имеется, например, ряд жалоб казаков Цыбулевской и Омельницкой сотен на подобные насильственные действия на протяжении многих лет (50-е годы XVIII в.) миргородского полковника Капниста. Одновременно этот феодал, с целью устранения конкуренции, запрещал казакам вырабатывать водку и торговать нею. Аналогичные жалобы поступали в Генеральную канцелярию в 1763 г. на сотника Яготинской сотни Переяславского полка С. Лукомского. Насколько бесправными были рядовые казаки, свидетельствует, в частности, тот факт, что старшины порою считали возможным отдавать казаков на военную службу вместо своих ранговых крестьян. В 1763 г., например, в Генеральной канцелярии рассматривалась жалоба казаков Ирклевской сотни (Переяславский полк) на сотника П. Завойского и других сотенных старшин, которые вместо своих ранговых крестьян насильно отправили в „военнотысячную команду” нескольких казаков⁵⁸.

Приведенные факты подтверждает и универсал гетмана К. Разумовского от 29 июня 1754 г., в котором, в частности, говорилось о том, что старшина „казаков употребляет во всегдашние работизны для своих приват, как пеших, так и конных, а особливо в жнивное и косовичное время, и отягощает перевозками разных припасов с ближних и дальних мест лесу себе на строение домов и хуторов”. Универсал, выданный с целью ограничения насильств и злоупотреблений старшины по отношению к рядовому казачеству, которое в то время еще сохраняло для царизма значение военной силы, не дал желаемых результатов. Насильства феодалов по отношению к рядовому казачеству приняли в это время настолько широкие размеры, что старшинская администрация вынуждена была создавать на местах так называемые „комиссии о казачьих обидах”, в которых разбирались жалобы казаков. Одна из таких комиссий действовала, например, в Чернигове, принимая жалобы от казаков Черниговского полка. Только за период 1752–1753 гг. комиссия подала на рассмотрение гетмана 46 составленных ею „экстрактов”, в которых содержались многочисленные факты жестокой эксплуатации и массового закрепощения казачества со стороны феодалов⁵⁹. Такие комиссии действовали, очевидно, и в других полках Левобережной Украины. Вряд ли можно говорить о сколько-нибудь существенном изменении в положении рядового казачества в результате деятельности подобных комиссий.

Закрепощение казацких масс, насильственный их перевод в число подданных феодальной верхушки не прекращались и в последующие годы. Положение казачества весьма усугублялось тем обстоятельством, что помимо военной службы на него возлагался еще ряд тяжелых повинностей, часто имевших лишь отдаленное отношение к воинской службе. Имеются в виду, в частности, различные

виды внутренней службы на территории Левобережной Украины, участие казаков в строительстве и ремонте крепостей, рытье каналов и т. п. К исполнению воинской повинности привлекалось одновременно довольно большое количество казаков. Так, согласно „Ведомости” от 28 апреля 1778 г., составленной в Малороссийской коллегии на основании донесений всех левобережных полковых канцелярий в „комендерациях”, т. е. в отъездах, связанных с исполнением казацкой службы, находилось на тот период 9677 выборных казаков. При этом среди них было немало таких, которые находились в беспрерывных „комендерациях” по 5 и более лет.

Вместе с выборными казаками военную службу нередко отбывали и казаки-подпомощники. По данным Генеральной войсковой канцелярии, на февраль 1759 г. со всех полков Левобережной Украины в „комендерациях” находился 12691 казак, из которых 5400 чел. составляли подпомощники. В 1764 г. со всех полков в „комендерациях” пребывало 9499 казаков-подпомощников⁶⁰. Сама военная служба левобережного казачества в значительной мере усложнялась тем обстоятельством, что казаки должны были пребывать на полном собственном обеспечении как в период службы на форпостах, так и во время походов. Этот факт, в частности, подтверждал гетман К. Разумовский в донесении в Сенат от 7 августа 1761 г. Опровергая необоснованные слухи о том, что на содержание казаков собираются средства с населения и что с войсковой казны для этой цели якобы выделяется до 90 тыс. руб. в год, гетман доносил царскому правительству, что „в Малой России на малороссийских казаков никакого збору не только теперь, но и никогда не было, но малороссийские казаки как в заграничном походе, так равно и во всех указанных комендерационных службах от домов своих на собственном своем лошадыми, аммуниции и одеянии”⁶¹. Подобный порядок приводил к тому, что уже через несколько месяцев пребывания на форпостах или в походе казаки оказывались в очень тяжелом положении, страдая прежде всего от недостатка продуктов питания. Документальные материалы того времени содержат многочисленные факты о настоящих бедствиях рядовых казаков во время „комендераций”. Так, в июне 1757 г. полковой хорунжий Переяславского полка Андриевский, который находился на заднепровских форпостах во главе отряда казаков, докладывал в Переяславскую полковую канцелярию, что казаки его команды „слезно представляют яко они уже себе чем кормить не имеют, и с нетерпимости принуждены уже ружья, шабли и порох, а другие в коих есть и лошадей продавать и тем пропитание имеют...”.

В августе 1758 г. члены Генеральной войсковой канцелярии – генеральный писарь А. Безбородько и генеральный хорунжий М. Ханенко на основании неоднократных донесений стародубского полковника З. Борсука докладывали гетману „о крайнем полку Старо-

дубского казаков в пропитании недостаточности при пограничных за-секах". В сентябре 1760 г. уже сам гетман К. Разумовский доносил в Сенат о тяжелом положении пребывающих в походе в составе 2-тысячной команды казаков Гадяцкого полка, которые по словам гетмана, „з голоду уже крайнюю понесли и еще претерпят великую нужду и голод”⁶².

Особенно тяжелой была служба казаков на „украинской линии”*. Убедительно об этом свидетельствует хотя бы уже тот факт, что в своем донесении Иностранной коллегии от 31 августа 1751 г. гетман Разумовский под влиянием многочисленных жалоб казаков просил об освобождении левобережного казачества от несения службы на „украинской линии”⁶³.

Казачи не выносили тяжелого положения и очень часто совершали побегии из мест отбывания воинской службы, не пробыв там надлежащего шестимесячного срока. Так, в письме от 17 октября 1757 г. киевский вице-губернатор Костырин сообщил гетману Разумовскому, что с форпостов Киевского гарнизона бежало 196 казаков. При этом вице-губернатор признавал, что „побегии следуют от того, что работников (казаков. – А. П.) высылают с не довольным провиантом, которого на строк не хватает”. 19 ноября 1757 г. в Стародубскую полковую канцелярию пришло сообщение о побеге с русско-турецкой границы 149 казаков Первополковой, Первопочеповской и Новгородской сотен. О массовых бегствах казаков с мест службы сообщала в июне 1757 г. гетману Разумовскому и Переяславская полковая канцелярия⁶⁴.

Вместе с тем основная масса казачества (кроме выборных казаков. – А. П.) не освобождалась от уплаты значительной части налогов, собираемых с податных слоев населения Левобережной Украины.

Все вышесказанное о положении рядовых казаков нередко приводило к тому, что последние продавали свои земли и записывались в подданные того или иного феодала. В этой связи Переяславская канцелярия доносила в 1762 г. в Генеральную войсковую канцелярию, что „с некоторых полку здешнего сотенных правлений в полковую канцелярию поданы представления, что казаки многие под разные владельцы на жительство посходили”⁶⁵. Аналогичное донесение в декабре 1757 г. пришло в Черниговскую полковую канцелярию из Столинского сотенного правления⁶⁶. Подобное положение способствовало уменьшению числа казачества. Это явно не

* Система укреплений, построенных в 30–60-х годах XVIII в. на Украине для обороны южных границ Российского государства от турецко-татарской агрессии. „Украинская линия” начиналась от Днепра и проходила по р. Ореле и ее притоку Берестовой и дальше по р. Береке до впадения ее в Северский Донец.

устраивало царизм, рассматривавший левобережное казачество прежде всего в качестве даровой военной и рабочей силы. Поэтому со стороны царского правительства проводились мероприятия, направленные на защиту казацкого землевладения. В 1764 г., например, Сенат специальной грамотой приказывал гетману Разумовскому оформить купчие записи на все купленные казацкие земли. После ликвидации гетманства действия царизма в этом направлении стали еще более решительными. Начиная с середины 60-х годов XVIII в. был издан ряд правительственных распоряжений, которыми предписывалось наказывать покупателей казацких земель „отнятием грунта (казацкого. — А. П.) и лишением денег, за оный заплаченных”. Забранные земли возвращались бесплатно „для службы в род казачий”⁶⁷.

Одновременно предпринимается ряд шагов на пути перехода левобережного казачества на регулярную военную службу. Уже в 1768 г. по приказу Румянцева был ликвидирован принцип комплектования казацкого войска от казацких дворов. Вместо этого устанавливался порядок личной воинской повинности, который навсегда прикреплял данного казака к военной службе. 20 декабря этого же года царское правительство издало указ о подсудности левобережного казачества „в исправлении должностей военной службы” военному суду.

В начале 80-х годов XVIII в. в административном устройстве Левобережной Украины произошли большие изменения. В результате царского указа от 16 сентября 1781 г. край был разделен на три наместничества (губернии): Киевское, Черниговское и Новгород-Северское, заменившие, таким образом, прежнее деление на полки и сотни.

Официальное открытие наместничеств состоялось в январе 1782 г. Каждое из них (с количеством населения, определенным, как и в остальных губерниях России, в 300–400 тыс. чел.) в свою очередь делилось на 11 уездов (с количеством населения в каждом по 20–30 тыс. чел.⁶⁸).

На Левобережную Украину в начале 80-х годов XVIII в. таким образом распространялось административно-территориальное деление, введенное в России по областной реформе 1775–1785 гг. и существовавшее в стране без значительных изменений вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Одновременно названные наместничества составляли одно генерал-губернаторство (Малороссийское), во главе которого был поставлен генерал-фельдмаршал граф П. А. Румянцев-Задунайский⁶⁹.

Структура и функции созданных учреждений определялись все-российским законодательным положением „Учреждения для управления губерний Всероссийской империи” от 7 ноября 1775 г. Штаты центральных и местных органов управления всех трех наместни-

честв были утверждены специальными царскими указами от 18 сентября 1781 г.⁷⁰ Высшим звеном царской администрации на территории каждого наместничества становилось наместническое правление (находившееся в губернском городе) во главе с наместником (губернатором), назначаемым непосредственно императрицей. Координацию деятельности наместнических правлений на территории Левобережной Украины осуществляло генерал-губернаторское правление, находившееся в Киеве. Последними судебными инстанциями на территории каждого наместничества, в зависимости от профиля дела, были палаты уголовных и гражданских дел. В состав каждой из них входили: председатель, 2 советника, 2 асессора. В ведомстве упомянутых палат находились верхний земский суд и так называемая верхняя расправа. Верхний земский суд, в свою очередь, делился на два суда: для ведения уголовных дел (в составе председателя и 5 выбираемых через каждые три года заседателей) и для ведения гражданских дел (в таком же составе). При верхнем земском суде существовали должности прокурора, стряпчего (советник прокурора) казенных дел и стряпчего уголовных дел.

Верхняя расправа была высшей инстанцией для нижних расправ, В случае отсутствия верхнего земского суда верхней расправе подчинялись и нижние земские суды. Верхняя расправа разделялась на 2 суда: уголовных и гражданских дел. Состав верхней расправы был аналогичен составу верхнего земского суда.

Довольно разветвленной представлялась сеть уездных учреждений (присутственных мест). В каждом уезде существовал уездный суд, разбиравший как уголовные, так и гражданские дела. В него входили: уездный судья, два заседателя и секретарь. Уездный суд собирался обычно три раза в год: в начале года, летом и поздней осенью.

Уездный судья и заседатели входили также в состав так называемой дворянской опеки – учреждения, созданного для защиты интересов семей умерших дворян. Председательствовал здесь уездный предводитель дворянства, избираемый на три года дворянами данного уезда.

Широкий круг обязанностей возлагался на нижний земский суд, имевшийся в каждом уезде. При этом одними из важнейших были полицейские функции. Наряду с последними нижний земский суд собирал сведения о торговых ценах на продукты питания (в первую очередь на хлеб) в уезде, контролировал ассортимент торговых товаров, состояние мер и весов, состояние мостов и дорог. Характерно, что в выполнении полицейских функций (особенно в вопросе задержания беглых людей), а также по делам о состоянии мостов и дорог нижний земский суд был подотчетен непосредственно наме-

стническому правлению. В состав нижнего земского суда входили: земский капитан или исправник, два дворянских заседателя, два сельских заседателя и секретарь. При реорганизации административно-политического устройства Левобережной Украины царское правительство неуклонно проводило в жизнь сословно-классовую политику. Это, в частности, проявилось в создании судов, носивших ярко выраженный сословный характер. При этом четко определилось стремление царизма юридически оградить сословными рогатками сформировавшееся украинское дворянство. Именно прежде всего с этой целью были созданы в уездных городах наместничеств судебные учреждения – так называемые нижние расправы, где разбирались судебные дела (уголовные и гражданские) однодворцев (рядовых казаков, государственных, экономических, дворцовых крестьян и т. п.). Нижние расправы создавались из расчета – один суд на 10–30 тыс. чел.* В состав этого учреждения входили: расправный судья, 4 заседателя и секретарь.

В каждом уезде имелось свое казначейство, в которое входили: уездный казначей и четыре присяжных. К чиновникам общеуездного масштаба принадлежали также: уездный землемер, уездный стряпчий, доктор, лекарь, два подлекаря и два лекарских ученика. Претерпевает определенные изменения и городская административно-политическая система управления**.

В сельской местности и небольших местечках структура местной власти изменений не претерпела. Как и раньше, делами казацкого населения здесь ведали куренные и сельские атаманы, делами крестьян как государственных, так и помещичьих – войты.

В состав казенной палаты входили: вице-губернатор (поручик правителя), директор экономии или домоводства, советник, губернский казначей, два асессора, четыре присяжных. Функции этого учреждения состояли в составлении ведомостей о числе жителей данного наместничества, сборе сведений о приходе и расходе финансов, винном откупе и подряде привоза и расходе соли; в регулировании застроек и т. п.

В каждом наместничестве учреждался так называемый Совестный суд, который разбирал преступления, признанные как совершенные неумышленно. Основная задача суда сводилась в конечном итоге к тому, чтобы примирять истца и ответчика или хотя бы найти пути и средства к их примирению. Характерно, что в случае примирения, утвержденного в Совестном суде, обе стороны в дальнейшем теряли право возобновлять дело в другой судебной инстанции. В компетенцию Совестного суда входило также разбирательство и вынесение приговора по делам, связанным с со-

*В Киевском и Черниговском наместничествах насчитывалось 6 нижних расправ, в Новгород-Северском – 4.

**Структура городского управления рассмотрена в гл. 1.

вершением преступлений душевнобольными и малолетними. В состав Совестного суда входили: судья, два заседателя для разбирательства дел между дворянами, два заседателя для разбирательства дел между мещанами и два заседателя для разбирательства дел между однодворцами. Так называемый приказ общественного призрения под председательством губернатора занимался вопросами организации и контроля работы сиротских домов, больницы, богаделен, народных школ и т. п. На деятельность этого учреждения из доходов данного наместничества выделялось 15 тыс. руб.

Управление делами городов в масштабе всего наместничества было сосредоточено в губернском магистрате.

Крупными чиновниками общегубернского масштаба были губернский прокурор и два губернских стряпчих.

Созданный на Левобережной Украине новый административный аппарат, как и прежняя старшинская администрация, служил прежде всего орудием угнетения народных масс в руках господствующего класса. Представители последнего заняли подавляющее большинство мест в новых административно-судебных учреждениях. Так, согласно именной ведомости выборных членов в судебные учреждения Киевского наместничества (1782 г.)⁷¹, места заседателей заняли в основном представители бывшей старшинской администрации. В верхнем земском суде, например, это – полковник, подкоморий, полковой судья, бунчуковый товарищ, четыре войсковых товарища. Среди заседателей этого суда были также два отставных армейских офицера. В Верхней расправе заседателями числились: четыре значковых товарища, три сотенных есаула, сотенный писарь и два казака. В Совестном суде места заседателей, занимавшихся разбором дел мещан и крестьян, обычно занимали бывшие служащие старшинской администрации.

Аналогичная картина наблюдалась и в уездных учреждениях. Так, в 11 уездах Киевского наместничества, по данным упоминаемой ведомости, во всех нижних земских судах среди заседателей насчитывалось лишь двое выходцев из казачества. В нижних расправах наместничества среди заседателей насчитывалось пять казаков. Остальные чиновники этих низших звеньев в установившейся системе судебных учреждений были, как правило, бывшими служащими старшинской администрации⁷².

С ликвидацией особенностей административно-территориального устройства на Левобережной Украине царское правительство, которое до этого времени ограничивалось лишь частичными мероприятиями в деле уравнивания украинских помещиков – казацкой старшины с русским дворянством, делает в этом направлении решительный шаг. 26 октября 1781 г. на имя генерал-губернатора Левобережной Украины Румянцева был издан указ, в котором определялось, что право выбора в дворянские заседатели совестных и

верхних земских судов, в предводители, в уездные судьи и дворянские заседатели уездных и нижних земских судов принадлежит дворянству, „вотчины и поместья свои в тех губерниях имеющему”⁷³. Тем самым царское правительство признавало за казацкой старшиной право на дворянство, ибо прежде всего старшина имела в то время все то, что должно было отличать дворянское сословие от других, т. е. владела „вотчинами и поместьями” и была настолько образована, что с успехом могла занимать в дворянских учреждениях соответствующие должности. И когда общероссийский закон 1775 г. о губерниях был распространен и на Левобережную Украину, старшина фактически получала все те права, которые этот закон предоставлял только дворянам.

Введение этого закона осуществляло также давнее желание старшины юридически утвердить свое отдельное господствующее сословие. До этого времени старшина вынуждена была судиться в одном суде с рядовым казачеством, поскольку, как известно, за последним по давней традиции признавались отдельные шляхетские привилегии. Подобное положение после получения старшиной дворянских прав, естественно, не могло оставаться, и царское правительство, идя навстречу требованиям украинских феодалов, издает в 1784 г. указ о подсудности казаков созданным для них судебным учреждениям, так называемым нижним расправам⁷⁴.

Почти одновременно царское правительство издает два указа, имеющих непосредственное влияние на превращение казацкой старшины в дворянство. Это прежде всего указ от 3 мая 1783 г. об окончательной ликвидации крестьянских переходов от одного феодала к другому на территории Левобережной и Слободской Украины. Прикрепив крестьян данным указом к тем феодалам, у которых они находились в тот период, царизм тем самым юридически оформил крепостное право на Украине. По этому поводу К. Маркс отмечал, что Екатерина II „одним росчерком пера превратила в крепостных четыре или пять миллионов сравнительно свободных крестьян во вновь приобретенных западных и южных областях”⁷⁵. В свою очередь, это означало, что старшина становилась юридически такими же помещиками, как и русские дворяне, т. е. полноправными собственниками своих крепостных крестьян. В 1785 г. украинские феодалы были окончательно уравнены в правах с русским дворянством.

Указом от 8 мая 1783 г. на Украине была введена подушная подать. Государственные крестьяне, казаки и мещане должны были платить ее в размере 1 руб. 2 коп., а помещичьи крестьяне – по 72 коп. с 1 чел. мужского пола.

Окончательное закрепощение украинских крестьян являлось составной частью крепостнической политики царизма, особенно усилившейся после подавления крестьянской войны под предво-

дательством Е. И. Пугачева. В этой связи резко возросло количество крепостных крестьян в стране. В то время как все население России за 1763–1783 гг. увеличилось на 35 %, количество крепостных за эти же годы возросло на 58 %. За 1783–1796 гг. население страны возросло на 40 %, а количество крепостных – на 83 %. В порядке одних только личных пожалований Екатерина II за время своего правления раздала 400 тыс. ревизских душ, т. е. свыше 1 млн. крестьян⁷⁶. Крепостничество в России второй половины XVIII в. росло не только вширь, но и вглубь. Вслед за указами 1765 и 1767 гг., разрешавшими помещикам ссылать крепостных на каторжные работы и воспрещающих крестьянам жаловаться на своих помещиков, крепостным было запрещено производить какие-либо хозяйственные операции (заключать займы и т. п.) без ведома и согласия помещика. Крепостной, таким образом, окончательно превратился в полную собственность помещика. В этой связи В. И. Ленин, как известно, называл крепостное право в России рабством.

Другой указ – от 28 июня 1783 г. – гласил о преобразовании левобережных казаческих полков в регулярные части русской армии. Согласно этому указу, из левобережного казачества (учитывая при этом три компанейских полка) было организовано десять регулярных кавалерийских полков. Содержались последние за счет подушного сбора с казацких масс по 1 руб. 20 коп. с души.

Образованные полки, названные по указу от 9 февраля 1784 г. карабинерными⁷⁷, размещались в селах по месту жительства казаков данного полка. Вскоре карабинерные полки, в свою очередь, претерпевают значительные изменения в своем составе. Одновременно с секуляризацией монастырских земель на Украине царский указ от 10 апреля 1786 г. предписывал создать из бывших монастырских крестьян малороссийский гренадерский полк. Составной частью (в 1 тыс. чел.) последнего становились солдаты карабинерных полков (переведенные в порядке 100 чел. от каждого полка). Их место в карабинерных полках заполняли новобранцы из числа бывших монастырских крестьян (735 чел.). К материальному обеспечению карабинерных полков, по упомянутому указу, подключалось 3239 казаков-подпомощников⁷⁸.

Последние шаги по реорганизации воинских формирований на Левобережной Украине приходятся на конец 80-х – начало 90-х годов XVIII в. В 1789–1791 гг. карабинерные полки были окончательно ликвидированы. Их личный состав был расформирован между кирасирскими, конно-егерскими, гусарскими и драгунскими полками. В 1790 г. из левобережных казаков был сформирован особый корпус стрельцов. Однако, претерпев ряд реорганизаций, он был распущен в 1796 г.⁷⁹ Наконец, 1 декабря 1797 г. был проведен первый рекрутский набор из казаков Левобережной Украины (по три рекрута с 500 чел.)⁸⁰.

Таким образом, наиболее богатая и политически влиятельная часть украинской феодальной верхушки фактически приобрела такие привилегии, которыми раньше пользовалась польско-украинская знать. По подсчетам советского украинского историка А. К. Касименко, в конце XVIII в. на Левобережной Украине было приблизительно 130 крупных украинских помещиков, имевших в своих владениях в общей сложности свыше четверти миллиона крепостных душ. Например, А. А. Полетика имел 2685 душ, Г. О. Закревский – 2930, А. А. Савич – 2042, Я. Л. Бакуринский – 3000, Н. М. Стороженко – 3342, Забелы – 4400, П. М. Лукашевич – 4550, Жураковские – 4826, П. А. Свечка – 5000, М. Я. Маркевич – 5258, Г. И. Галаган – 6000, М. В. Будлянский – 6612, Дунины-Барковские – 7872, П. В. Завадовский – 11400, Оболонские – 12000, Милорадовичи – 13180, Родзянко – 16000, Кочубеи – 16200, Скоропадские – 25670, А. А. Безбородко – 31200 душ⁸¹

Рядом с ними существовали сотни и тысячи мелких помещиков, получивших дворянское звание. Всего в конце XVIII в. на Левобережной Украине, по данным дореволюционной русской историографии, насчитывалось около 100 тыс. украинских дворян⁸². Хотя на Левобережной Украине, в силу ее вхождения в состав централизованного Российского государства, было уже невозможно своеволие аристократии в масштабах, имевших место на Правобережной Украине и в западноукраинских землях, однако и тут появились свои магнаты.

АНТИФЕОДАЛЬНАЯ БОРЬБА

1. ФОРМЫ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ КРЕСТЬЯНСКО-КАЗАЦКИХ МАСС*

Объективный процесс разложения феодально-крепостнической системы, составной частью которого было дальнейшее усиление социального гнета, обусловил острый и напряженный характер классовой борьбы во всей России второй половины XVIII в., в том числе на Левобережной Украине.

Развиваясь как составная часть общероссийского освободительного движения, классовая борьба на Левобережной Украине прошла в основном те же этапы, что и во всей России. Это, в частности, 50–60-е годы, предшествовавшие крестьянской войне 1773–1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева, далее – 70-е годы, которые характеризовались непосредственным влиянием крестьянской войны на развитие антифеодального движения на Украине, и, наконец, 80–90-е годы, когда классовая борьба на Украине, как и во всей России, происходила в условиях жестокой реакции и репрессий, окончательного закрепощения крестьянско-казацких масс.

Наряду с крестьянами объектом феодальной эксплуатации все чаще становились казацкие массы, постепенно теряющие свои права и привилегии, полученные во времена освободительной войны 1648–1654 гг.

Однако положение рядового казачества во второй половине XVIII в. все же еще выгодно отличалось от полного бесправия крестьян. Особенно привлекали угнетенные массы личная свобода казачков и их право на владение землей.

В этих условиях большой размах приобрело движение „ищущих казачество“, т. е. попытки угнетенных масс через судебные и административные учреждения добиться казацких прав. Это своеобразное антифеодальное движение, характерное для Левобережной Украины, возникло в конце XVII – начале XVIII в., когда казацкая старшина, укрепив свои экономические позиции, начала решительное наступление на крестьянско-казацкие массы.

16 апреля 1723 г. вышел указ, которым царское правительство пыталось урегулировать ставшим уже тогда довольно острым воп-

* Автор концентрирует свое внимание, главным образом, на рассмотрении еще малоизученных форм антифеодальной борьбы крестьянско-казацких масс Левобережной Украины, в частности на „искании казачества“ и побегам.

рос о решении дел „искателей казачества”. Согласно указу каждый, кто желал выйти из числа подданных и записаться в казацкое сословие, должен был на основании казацких списков или свидетельств старых казаков доказать, что он либо сам отбывал казацкую службу, либо происходил из казацкого рода¹.

Опрос свидетелей проходил по специальным „вопросным пунктам”, которых было, как правило, не более трех. Вот как, например, опрашивались (по очереди) в Генеральном суде казаки Иван Боровик и Семен Филоненко – свидетели жителя с. Олишевки Киевского полка Михаила Серика, который „искал казачества” из-под подданства бунчукового товарища Василия Шрамченко:

Первый вопрос: Сколько тебе лет от роду?

Второй вопрос: Ведаешь ли ты деда челобитчика и почему именно, и как его звали и прозывали, и по отцу ли оный был ему истцу дед, и где жил, в каком местечке или селе, на каких грунтах – на казацких или владельческих и чьих именно, и отправлял ли он казачью службу или был в чьем подданстве и в чьем точно, если он служил козачо, то в каких был походах, нарядах и других комендациях, в каких годах и при каких командирах... (Аналогичные вопросы ставились и об отце „искателя казачества.” – А. П.)... и коим образом истец завлажен в поспольство, как давно, кем и почему, и ныне он, истец, на каких грунтах живет, и почему о всем том ты ведаешь совершенно?

Третий вопрос: Сие выше сего показанное тобою, саму ли истцу правду ты показал?²

Как видим, свидетель-казак должен был очень близко знать не только самого „искателя казачества”, но и его деда и отца. Поэтому найти такого свидетеля было делом непростым.

Практическое применение этого указа встречало противодействие украинских феодалов, которых поддерживала и высшая старшинская администрация. В этом плане можно согласиться с В. Мякотиним, писавшим, что „они (малорусские державцы) встретили этот указ упорным сопротивлением, в значительной мере ослабившим его силу”³. Однако ошибочным является утверждение этого историка о том, что указ от 16 апреля 1723 г. преследовал цель „вывести из подданства всех так или иначе попавших в него казаков”⁴.

Конечно, хотя увеличение количества казаков и отвечало интересам царизма, однако вряд ли могло царское правительство ставить перед собой цель освобождения всех закрепощенных казаков, которые к тому времени составляли значительное количество подданных украинской господствующей верхушки.

Несмотря на явное желание украинских феодалов избавиться от положений указа и предоставлении казацких прав „ищущим казачество”, данный указ действовал на протяжении многих лет, охватывая и вторую половину XVIII в.

Движение „искателей казачества” условно можно разделить на три основных этапа: годы последнего гетманства (1750–1764); окончательная ликвидация особенностей административно-политического устройства Левобережной Украины и юридическое закрепощение украинского крестьянства (1764–1783); 80–90-е годы – период дворянской реакции, резкого усиления крепостнической политики в стране. Каждый из этих этапов имел для „искателей казачества” свои особенности, обусловленные конкретно-историческими условиями экономической и политической жизни страны.

Восстановление гетманства в 1750 г. вызвало у значительной массы закрепощенных крестьян и казаков иллюзорную надежду на то, что гетман поможет им выйти из подданства их владельцев и записаться в казацкое сословие. В связи с этим в годы последнего гетманства возросло количество тех, кто отдельно и группами подавали „иски о казачестве” в судебно-административные учреждения, а нередко и прямо к самому гетману. В этих исках, наряду с просьбами помочь им записаться в казацкое сословие, „искатели казачества” часто описывали ужасные насильства и физические расправы представителей господствующей верхушки над своими подданными, которые осмелились на них жаловаться.

Насколько популярным в это время было движение „искателей казачества”, свидетельствует, в частности, тот факт, что многие крестьяне, которые никогда не принадлежали к казацкому сословию (т. е. не попадали под действие указа от 16 апреля 1723 г.), но каким-то образом приобретшие казацкие земли, начинали добиваться казачества. В связи с широким распространением такого явления Киевская полковая канцелярия в 1750 г. вынуждена была второй раз подавать донесение в Генеральную войсковую канцелярию с просьбой поскорее издать соответствующий указ, „дабы предреченные в казаки (т. е. „искатели казачества” – А. П.) по единому тому резону, что они живут на казачьих грунтах, за неучинением чрез долгое время по тем их прошениям в полковой Киевской канцелярии определения, напрасно волокиты и разорения не поносили”⁵.

Движение „ищущих казачество” охватило не только закрепощенных казаков и крестьян, но и значительную часть мещан, а также крестьян так называемых вольных поселений. Это обусловило появление в 1755 г. гетманского ордера, в котором определялся порядок подачи „исков о казачестве” для мещан и крестьян вольных поселений⁶.

Однако в подавляющем большинстве случаев надежды „ищущих казачество” на осуществление их мечты, в связи с восстановлением гетманства на Левобережной Украине, были тщетными. Старшинская администрация во главе с гетманом К. Разумовским, вы-

ражая интересы украинских феодалов, проводила в жизнь законодательные акты, направленные на окончательное запрещение перехода закрепощенных казаков и крестьян в казацкое сословие. Например, гетманский ордер в Генеральную войсковую канцелярию от 18 июня 1754 г. обязывал являться в Генеральный суд для слушания дел „ищущих казачество” не только самих челобитчиков, но и их владельцев. Однако очень часто случалось так, что феодал, зная о незаконности своих действий, не являлся на заседание суда и не присылал поверенного даже после нескольких официальных вызовов, затягивая тем самым решение дела. В то же время он принуждал челобитчиков выполнять феодальные повинности. Другой гетманский ордер Генеральной войсковой канцелярии, выданный в апреле 1758 г., устанавливал такой порядок подачи „исков о казачестве”, согласно которому подданные, которые желали добиваться казацких прав, должны были делать это лишь с ведома своего феодала.

Таким образом, значительно усложнялась даже сама подача „исков о казачестве”, поскольку феодал, зная о намерении того или иного подданного „искать казачество”, всячески препятствовал этому.

В пользу украинской господствующей верхушки следует рассматривать и распоряжение гетмана Разумовского 1758 г. о подаче жалоб с обеих сторон на решение Генеральным судом дел в связи с „исканием казачества”. Подобные жалобы и апелляции принимал сам гетман, а в его отсутствие – Генеральная войсковая канцелярия⁷. Этот, на первый взгляд, даже демократический шаг старшинской администрации в тех социально-экономических условиях носил сугубо классовый характер. Несомненно, феодалы имели гораздо больше возможностей и средств, чтобы в случае продолжения рассмотрения дела об „искании казачества” на высшем уровне выиграть дорогостоящий судебный процесс. В то же время сами „ищущие казачество” нередко окончательно разорялись и, не имея больше средств для продолжения борьбы против своего феодала через судебные инстанции, навсегда оставались в числе его подданных.

Особенно ухудшились позиции „ищущих казачество” после издания в 1760 г. универсала гетмана Разумовского, по которому крестьянам разрешалось переселяться в другие места лишь при условии наличия письменного разрешения от феодала и оставления всего имущества. Как известно, этот гетманский универсал был подтвержден и царским указом в 1763 г. Таким образом, если раньше закрепощенный казак или крестьянин, добивавшийся казацких прав, мог в крайнем случае оставить своего феодала, то теперь и этот выход из подданства становился почти невозможным.

С ликвидацией в 1764 г. на Левобережной Украине гетманства и созданием 2-й Малороссийской коллегии начался в определенной

мере новый этап движения „искателей казачества“. Это новое обуславливалось прежде всего тем обстоятельством, что царское правительство, которое до этого времени в решении многих вопросов внутренней жизни Левобережной Украины в значительной степени полагалось на гетманскую администрацию, теперь устанавливало через Малороссийскую коллегию и ее президента графа П. А. Румянцева непосредственный контроль над всеми социально-экономическими и политическими процессами в крае.

С этого времени судьбу „ищущих казачество“ решала Малороссийская коллегия, т. е. фактически царское правительство, поскольку это новосозданное учреждение подчинялось непосредственно Сенату и олицетворяло, таким образом, царскую власть на Левобережной Украине. Понимая это, „ищущие казачество“ начали в большинстве случаев подавать свои дела непосредственно на рассмотрение Малороссийской коллегии, минуя все другие учреждения, в том числе и Генеральный суд. Однако уже в 1765 г. Малороссийская коллегия соответствующим указом обязывала всех „искателей казачества“ „Малороссийской коллегии, не бив челом в том Генеральном суде, не утруждать“.

В том же указе Малороссийская коллегия, идя навстречу украинским помещикам, предписывала, чтобы „ищущие казачество“ „покудова о том своем казачестве не докажут, до того времени владельцам своим в отбывании надлежащих повинностей никакого слушания не делали, опасаясь за какову-либо их в том противность наказания“. Это распоряжение было вызвано тем, что в Малороссийскую коллегию поступило много жалоб от помещиков на „искателей казачества“, которые подав иск, „оказывают непослушания хотячи прежде рассмотрения жить в свободности“⁸.

Опираясь на поддержку Малороссийской коллегии, украинские феодалы жестоко расправлялись с теми подданными, которые заявляли о своем желании добиваться перехода в казацкое сословие. Архивные источники содержат огромное количество фактов помещичьей расправы над „ищущими казачество“. Например, в 1766 г. в Малороссийскую коллегию поступила жалоба от жителей с. Сокиринцы на зверства прилукского полковника Григория Галагана. Последний в ответ на стремление нескольких своих подданных вернуть казачество, потерянное еще при отце Григория – Игнате Галагане, захватил их имущество, а потом на помещичьем дворе подверг жестоким пыткам: „необычными барбарами (розгами) по голому телу бесчеловечно бил так, что кровию были оплыли и тело от костей падало, и тем тиранским мучением единого с нас, Кирила Гаевенка, приправил до смерти, в других довел до болезни“⁹. Когда же сын убитого Моисей подал жалобу на полковника Галагана в Малороссийскую коллегию, то последняя не приняла никакого решения о наказании помещика-изувера. Одновременно она отка-

зала в просьбе Моисея Гаевенко записать его в казацкое сословие на том основании, что он „искал казачество” якобы не по прямой родственной линии и приказала ему и его братьям оставаться подданными Галагана.

Очень часто феодалы грабили „искателей казачества”, разоряли их хозяйства. В 1766 г. в Малороссийской коллегии рассматривалась жалоба „ищущих казачество” братьев Кирилла и Каленика Харченко на своего феодала – бунчукового товарища Кочубея. Последний во время отъезда братьев Харченко в м. Глухов, как отмечалось в жалобе, „не хотячи выпустить их с подданства своего, насрал своих людей на дома их гвалтом и забрали их скот, таки и другие их пожитки, и другие обиды при том чинили, чем приведены они в крайнее разорение”¹⁰.

Подобные действия чинил по отношению к своему подданному Д. Прилуцкому, решившему „искать казачество”, и другой помещик – Кочубей – подкоморий Глуховского повета. Не ожидая решения дела, Кочубей „за то доискуемое казачество чинил ему, Прилуцкому, обиды и разорения... его просителя и детей его в зимнее время в тюрьме босыми держал и оттого и поныне в болезни находятся”¹¹. Однако Малороссийская коллегия ограничилась лишь тем, что дала указание Генеральному суду потребовать, „чтоб от него, господина подкоморого повету Глуховского, ему, Прилуцкому, до решения того дела никаких обид и излишних отягощений чинено не было”. В отношении же самого „ищущего казачество” Малороссийская коллегия приняла решение, чтобы „до решения того дела он. Прилуцкий, подданническую повинность буди в оной и до искательства о казачестве своем состоял, владельцу своему подкоморному Кочубею отбывать должен”¹². Много издевательств и физических мучений претерпели жители сел Кулаги и Субботович Стародубского полка, решившие „искать казачество” от помещицы Горловской. Последняя в ответ на „искание казачества” ее подданными, по свидетельству многочисленных жалобщиков, „причиняла им грабительства в поле и сене, а их самих мучила держанием под караулом и прочие показуя озлобления”¹³.

Всячески стремясь не допустить выхода своих подданных в казацкое сословие, украинская феодально-старшинская верхушка, наряду с открытым насилием, активно использовала и те законодательные акты царского правительства, которые хотя бы в какой-то мере ограничивали действие указа Петра I от 16 апреля 1723 г. в отношении „ищущих казачество”. Показательным в этом плане является донесение в 1765 г. в Генеральный суд гадяцкого полковника Крижановского, который, обосновывая свое право на нескольких подданных, начавших „искать казачество”, писал, что „все исцы сидят на мужицких грунтах”¹⁴. При этом он ссылался на царский указ 1734 г., согласно которому казак, продавший свою землю, но продолжавший на ней жить, становился крестьянином, который „по

пропорции имений своих посполитые повинности отдавать и чинить должен"¹⁵. Подобные контрмеры господствующей феодально-старшинской верхушки, несомненно, несколько ослабляли движение „ищущих казачество“. Однако в целом оно не утратило своих масштабов и в 60–70-х годах XVIII в. и продолжало оставаться одной из наиболее распространенных форм борьбы народных масс Левобережной Украины против крепостнического угнетения.

Боясь усиления народных движений, феодально-старшинская администрация вынуждена была признавать казацкие права за отдельными „искателями казачества“. Некоторым из них удавалось выходить из „подданства“ даже очень влиятельных феодалов. Например, после длительной судебной волокиты Генеральный суд, на основании указа от 16 апреля 1723 г., вынужден был в 1779 г. признать казацкие права за „подданным“ бывшего гетмана К. Разумовского куцубой. Это решение Генерального суда поддержала и Малороссийская коллегия.

Иногда выходу из феодальной зависимости содействовала национальность того или иного „ищущего казачество“. Принимая во внимание, например, еврейское происхождение подданных графа К. Разумовского С. Каврайского и его племянника, начавшим „искать казачество“, Генеральный суд в 1766 г. вынес решение, согласно которому Каврайским разрешено было „оставаться на основании малороссийского права (имеется в виду Литовский статут. – А. П.) артикула 7-го, раздела 12-го шляхтичами и определяться в казаки либо в какое другое звание"¹⁶. Когда же К. Разумовский через своих поверенных выразил неудовлетворение по поводу подобного решения Генерального суда, в котором, по его мнению, нарушались основные принципы признания казацких прав за „ищущими казачество“ в соответствии с указом от 16 апреля 1723 г., то члены суда согласились с этим. В то же время они заявили, что хотя Каврайских нельзя записывать в казацкое сословие, однако на основании существующих малороссийских прав их нельзя содержать и в числе подданных. Дело так и не решилось в Генеральном суде и было передано в Малороссийскую коллегия¹⁷. Окончательное решение дела состоялось лишь в 1787 г., когда уже по указанию правления Новгород-Северского наместничества Каврайские были признаны свободными людьми¹⁸.

Несколько облегчалось „искание казачества“ во время войны. Это объяснялось тем, что царское правительство, нуждаясь в дополнительной военной силе, стремилось пополнить ряды казаков за счет „ищущих казачество“. Так, сравнительно легко в 1773 г. (т. е. во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг.) были признаны Генеральным судом казацкие права подданного помещицы А. Евреиновой И. Бондаренко¹⁹. Характерно, что это решение Генеральный суд принял даже в отсутствие самой Евреиновой либо ее поверенного.

Как отмечалось выше, царское правительство, удовлетворяя постоянные требования украинской господствующей верхушки, в 1783 г. юридически оформило фактически существующее крепостное право на Левобережной Украине. С этого времени переходы крестьян были окончательно запрещены. Однако указ 1783 г. не смог прекратить движение за переход в казацкое сословие. Наоборот, окончательное закрепощение крестьян и значительной части трудового казачества, усиление крепостного гнета еще больше увеличили количество „ищущих казачество”.

Начиная с 1782 г. дела об „искании казачества” начали в большом количестве поступать в созданные царизмом на Украине наместнические правления. Об этом, в частности, убедительно свидетельствует донесение губернского прокурора Юзефовича от 19 мая 1782 г. в Новгород-Северское наместническое правление, в котором указывалось, что „многие входят в онде наместническое правление жалобы на разных здешних помещиков о привлечении их, приносящих те жалобы, в свое подданство, доказывая, что они из породы казаки”²⁰. Одновременно Юзефович запрашивал членов этого наместнического правления „в случае подаваемых исков о казачестве каким образом поступать и до которого суда сии дела теперь принадлежать должны”²¹. Неосведомленность губернского прокурора объяснялась, по нашему мнению, тем, что на некоторое время после открытия на Украине наместничеств и ликвидации органов старшинской администрации, в том числе и Генерального суда, рассмотрение дел „ищущих казачество” временно прекратилось. Об этом свидетельствует и тот факт, что Новгород-Северское правление в ответ на упоминаемое донесение Юзефовича обратилось к генерал-губернатору Левобережной Украины Румянцеву с просьбой дать указание относительно порядка рассмотрения дел „ищущих казачество”²². К сожалению, нам не удалось обнаружить документ, в котором содержалось мнение царского наместника по этому вопросу. Однако другие документальные данные (например, за 1783 г. по Киевскому, 1790 и 1791 гг. — Черниговскому, 1795 и 1797 гг. — Новгород-Северскому наместническим правлениям) убедительно свидетельствуют о том, что дела „ищущих казачество” находили свое окончательное решение в новообразованных наместнических правлениях²³ — органах царской власти на Левобережной Украине.

Характерной особенностью движения „ищущих казачество” в 80–90-х годах XVIII в. являлось частое перерастание его в более активную форму антифеодальной борьбы — вооруженные выступления и восстания угнетенных масс против эксплуататоров.

Наряду с „исканием казачества”, одной из наиболее распространенных форм протеста против социального гнета на Левобережной Украине, во второй половине XVIII в. оставались побеги крестьянско-

казацких масс. Бежавшие крестьяне, как известно, „рассматривали свое прежнее крепостное состояние как нечто случайное для их личности”²⁴.

Из-за отсутствия соответствующих материалов трудно говорить о более-менее точном количественном (в людях) определении размеров побегов, имевших место на Левобережной Украине в рассматриваемый период. Вместе с тем документальные данные, имеющиеся в распоряжении советской историографии^{*}, дают возможность проследить основные этапы и тенденции развития данной формы классовой борьбы и в определенной степени воссоздать ее масштабы в регионе на протяжении всей второй половины XVIII в.

Наши подсчеты^{**} показывают, что в последний период с территории Левобережной Украины бежало свыше 60 тыс. чел., т. е. более 3 % всего населения края.

В 50–60-х годах XVIII в. в „Хронике” сборника зафиксировано бегство свыше 25 тыс. крестьян и частично казаков. Основные направления побегов – это Правобережная Украина и Запорожская Сечь. Как известно, это был период резкой активизации крепостнической политики старшинской администрации и царского правительства в регионе (универсал гетмана К. Разумовского 1760 г. о запрещении крестьянских переходов без письменного разрешения феодалов, царский указ 1763 г., подтверждающий упомянутый универсал, проведение Генеральной (Румянцевской) описи 1765–1769 гг.).

О масштабах побегов с территории Левобережной Украины в это время можно судить и по тексту указа Малороссийской коллегии (май, 1772 г.) Переяславской полковой канцелярии о принятии мер для борьбы с побегими крестьян. В указе, в частности, говорится о том, что „почти ежедневно многие малороссияне уходят из своих селений”²⁵. В этом документе также констатируются многочисленные жалобы помещиков Полтавского полка на своих крестьян, которые „многочисленными партиями с семьями и со всем движимым имением делают побегии”, „переходя тайно линию^{***}”, в тамошних местах по отводу им земель от запорожских казаков и владельцев, состоящих под правом Новороссийской^{****} и

* Имеются в виду прежде всего документы, представленные в сборнике „Селянський рух на Україні” (середина XVIII – перша чверть XIX ст.). – К., 1978.

** Составленные на основании документальных данных вышеуказанного сборника, в частности, его раздела „Хроніка селянського руху на Україні (1748–1825)”. Количество бежавших семей переведено в количество людей из расчета, что крестьянская семья в то время в среднем состояла из 6–7 чел.

*** Идет речь об „Украинской линии”. – См. выше.

**** Новороссийская губерния была создана царским правительством в 1764 г. как военно-административный округ для борьбы против татаро-турецкой агрессии. В ее состав вошли: на Правобережье – Новая Сербия, на Левобережье – Славяно-Сербия, „Украинская линия”, 13 сотен Полтавского полка и две сотни Миргородского полка. Административным центром Новороссийской губернии был г. Кременчуг.

Слободской губернии*, куда уже до несколько тысяч сошло²⁶.

На 70-е годы нам удалось насчитать лишь 3 тыс. беглецов²⁷. На наш взгляд, снижение количества побегов объяснялось тем, что под влиянием Крестьянской войны 1773–1775 гг. в это время на Левобережной Украине преобладали такие формы антифеодальной борьбы, как вооруженные выступления крестьянско-казацких масс, поджоги помещичьих имений, порубки леса и т. п.

Наивысшего подъема бегства достигают в 80-е годы – в период окончательного закрепощения крестьянско-казацких масс на Левобережной Украине. Количество зафиксированных беглецов превысило в это время 26 тыс. чел.²⁸ По другим источникам, за 1783–1791 гг. только из Киевского и Черниговского наместничеств бежало более 30 тыс.²⁹ Как видно из рекомендаций исполняющего обязанности генерал-губернатора Левобережной Украины М. Кречетникова Киевскому наместническому правлению от 17 января 1791 г. о мерах по усилению борьбы с побегами крестьян, помещики Киевского наместничества жаловались, что крестьяне бежали „уже не поодиночке и не семьями, но целыми селениями поднимаются с мест своих и уходят от помещиков своих”. При этом крестьяне бежали „не тою (не только. – А. П.) тайно, но и явным образом”, находя себе „пристанище”, по свидетельству того же источника, „с одной стороны, в пределах Польши, а с другой – в границах Екатеринославской губернии”³⁰.

Местные власти же нередко оказывались бессильными чем-либо противодействовать, ибо „они (беглецы. – А. П.) делая между собою заговор, накопляются нередко великими партиями и чинятся столько сильными и дерзкими, что отваживаются противустоять каждому, кто бы не вздумал преградить им путь”³¹.

В 90-е годы XVIII в., когда крепостнические отношения глубоко укоренились уже и в южных районах России, количество побегов по сравнению с 80-ми годами значительно снижается. Во всяком случае, для этого времени сборник фиксирует лишь немногим более 3 тыс. беглецов³².

Тем не менее есть достаточно оснований считать, что побег крестьян и казаков продолжали и в 90-е годы оставаться одной из распространенных форм антифеодальной борьбы, нанося, к тому же, огромный экономический ущерб помещичьим хозяйствам. Как известно, с потерей крепостных крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, феодал терял и свое могущество³³.

Конкретное представление об этом в какой-то мере может дать жалоба помещика Ивана Сонцова в Черниговское наместническое

* Слободская или Слободско-Украинская губерния была создана царским правительством в 1765 г. после ликвидации полково-сотенного устройства на Слободской Украине. Административным центром был г. Харьков. Ликвидирована в 1780 г.

правление (1796 г.) на помещиков Милорадовичей (проживающих на территории Харьковского наместничества), принявших его беглого крестьянина Антона Степанова. Сонцов требовал, чтобы помимо возврата крепостного ему была выплачена денежная компенсация в сумме 200 руб. Именно такой суммой якобы определялись его убытки за беглого крепостного (в виде выплаты в казну рекрутских и окладочных податей) за 2 года отсутствия последнего³⁴.

В „Просьбе” предводителя дворянства Гадяцкого уезда В. Чарныша к киевскому наместнику С. Ширкову об усилении охраны на границах уезда для борьбы с побегами (от 30 января 1795 г.)” прямо указывается, что „побег из малороссийских наместничеств в Екатеринославскую губернию, Таврическую область и Донские станицы помещичьих крестьян, непрерывно от начала положения оных в подушной оклад продолжавшейся, единственная есть причина разорению помещиков и опустошению здешних земель”³⁵.

В 1795 г. из земского суда г. Погара Погарского уезда поступило донесение в Новгород-Северское наместническое правление о том, что за последнее время из владений помещиков, казенных владений и казацких куреней бежало 988 чел. мужского пола и 554 чел. женского пола. Как показывает анализ данного документа, казаков бежало 306 чел. мужского пола и 109 чел. женского пола, государственных крестьян – 20 чел. мужского пола и 12 чел. женского пола. Остальные бежавшие были крепостные крестьяне, составившие, как видим, подавляющее большинство. При этом следует отметить, что бежала наиболее работоспособная часть крестьянского населения – в большинстве случаев в возрасте от 20 до 40 лет, значительно реже – старше 45–50 лет и только изредка – более 60 лет³⁶.

Как свидетельствуют документальные материалы, наряду с крестьянами побеги как форму антифеодальной борьбы активно использовали и казацкие массы. Основными причинами побегов казаков были притеснения со стороны старшин и разорения их хозяйств³⁷. Нередко непосредственной причиной побегов казаков становилось большое количество повинностей и податей, тяжелым бременем ложившихся на рядовое казачество. В связи с этим в 1763 г. черниговский полковник Милорадович даже вынужден был просить Генеральную войсковую канцелярию об уменьшении количества нарядов для казаков с. Кудровки Сосницкой сотни, которые начали группами и по одному бежать из села³⁸.

15 февраля 1792 г. из Черниговской казенной палаты в Черниговское наместническое правление сообщали о бегстве в 1789 г. казаков с. Бодаквы Лохвицкого уезда С. Шулеки, Г. Голенко, Я. Луговского и других с семьями. За время, прошедшее с момента их побега (т. е. за 1790 и 1791 гг.), на казаков-беглецов были насчитаны

следующие податные суммы: на С. Шулеку за три души – 7 руб. 35 коп., на Г. Голенко за 2 души – 4 руб. 90 коп., на Я. Лугвевского за три души – 7 руб. 35 коп., а всего 19 руб. 60 коп. Кроме этого, на беглецов была начислена сумма размером в 1 руб. 28 коп. „за содержание казаков почтовой станции”³⁹. Как видим, одних только денежных податей было достаточно, чтобы думать о бегстве как спасении казаков от сетей кредиторов и закрепощения.

Бегство совершали и зажиточные казаки, усматривая в нем выход из сложного экономического положения, в которое они время от времени попадали. Например, 1 мая 1766 г. из Переяславской полковой канцелярии в Малороссийскую коллегию пришло сообщение о бегстве на Правобережную Украину жителя м. Липляво-го казака Остапа Кислякова, семья которого состояла из восьми человек. Бежало и несколько батраков этого зажиточного казака.

В случае поимки беглецов обычно ожидало тяжелое физическое наказание. Особенно преследовались те, кто бежал на Запорожскую Сечь. Так, в мае 1774 г. из Малороссийской коллегии в полковую Миргородскую канцелярию пришло распоряжение о публичном наказании палками казаков Д. Тараненко и Ф. Гапоченко, которые были схвачены при бегстве на Запорожскую Сечь⁴⁰. Одновременно Малороссийская коллегия приказывала всем полковым канцеляриям дать соответствующие распоряжения сотенным правлениям, чтобы они внимательно следили за тем, „дабы никто как с козаков, так и посполитых в Сечь Запорожскую на поселение уходить не могли, ушедших же туда, если б где явились хотя бы и имели о том на проход в Малую Россию и обратно в Сечь пашпорт или билет, таковых брать под караул”⁴¹.

Активно занимались вопросом поимки беглецов местнические правления. На основании донесений нижних земских судов они давали так называемые публикации о беглецах во все части Левобережной Украины, а нередко и за ее пределы.

Так, 18 мая 1788 г. из нижнего земского Гадяцкого суда в Черниговское местническое правление поступил рапорт, в котором говорилось о бегстве казака с. Саар Н. Кривенко с семьей. Сразу же были приняты меры по поимке беглецов. Их приметы были немедленно сообщены во все земские суды Черниговской губернии. Одновременно были даны публикации по всему Гадяцкому уезду, а также в соседние губернии. Как свидетельствует выписка из журнала Черниговского местнического правления от 19 мая 1788 г., публикации о бегстве казака Кривенко были поданы в следующие местничества: Киевское, Новгород-Северское, Екатеринославское, Харьковское, Орловское, Полоцкое и Могилевское. Аналогичные меры приняло Черниговское местническое правление, получив 24 сентября 1785 г. рапорт Роменского нижнего земского суда о бегстве казака с. Репок С. Шарого с семьей⁴².

Как видим, в отличие от „искания казачества” – в определенной мере легализированной формы антифеодальной борьбы, побег более рельефно и глубже отражали социально-экономические процессы, происходившие в феодальном обществе. Вместе с тем обе рассмотренные формы занимали видное место в общем процессе классовой борьбы народных масс Левобережной Украины. Каждый новый этап феодального закрепощения был и очередным импульсом в классовой борьбе, что, в частности, находило свое выражение в расширении масштабов таких ее форм, как „искание казачества” и побег.

Наряду с вышеуказанными формами классовой борьбы крестьянско-казацких масс, носившими общерегиональный характер, продолжалась борьба против феодально-крепостнического гнета на местах.

Начиная с отказа отбывать барщину и платить чинш, добиваясь, как правило, казацких прав, угнетенные массы переходили к более решительным действиям. Наряду с захватом помещичьих земель и имущества, порубкой лесов и т. п. крестьяне и рядовые казаки все чаще прибегали к высшей форме антифеодальной борьбы – вооруженным восстаниям. Причем порою эта борьба длилась (с перерывами) долгие годы. Ярким примером явились выступления жителей сел Кулаги и Субботовичи Стародубского полка (1749, 1760–1761, 1775, 1780), села Клищинцы Лубенского полка (1758, 1767–1770), села Турбаи Голтыянского уезда Киевского наместничества (1789–1793), села Морозовки Остерского уезда Киевского наместничества (1783), села Рождественского Коропского уезда Новгород-Северского наместничества (1792, 1796) и др..

Только в 80–90-е годы XVIII в. на Левобережной Украине произошло около пятидесяти крупных вооруженных выступлений крестьянско-казацких масс. За период с ноября 1796 г. по ноябрь 1797 г. антифеодальным движением были охвачены 32 губернии России⁴³. Вместе со свими братьями по классу – русскими крестьянами – против крепостнического гнета боролись крестьянско-казацкие массы Левобережной Украины.

Будучи в целом проявлением стихийного протеста локального масштаба против социального гнета, эта борьба не исключала определенной организации и дисциплины в рядах восставших.

Одним из показателей этого было почти повсеместное стремление восставших к созданию сельского самоуправления по образцу казацкого. Последнее удалось осуществить на короткое время, например, восставшими выше упомянутого с. Турбаи⁴⁴.

Активно действующим фактором являлась при этом складывающаяся в период разложения феодально-крепостнической системы психология мелкого собственника, окончательно сформировавшаяся, естественно, уже в условиях капиталистических отношений.

Более того, думается, что последнюю в определенном смысле можно считать проявлением классово-сословного самосознания восставших*.

Очевидно, далеко не последним было это чувство собственника, например, в определении поведения жителей м. Воронкова Киевского наместничества, решительно выступивших в 1786 г. с оружием в руках против помещицы Миклашевской, пытавшейся захватить их земли. Убежденные в своем непререкаемом праве собственности на земли, воронковцы бесстрашно заявили в местном нижнем земском суде, что „им строгость закона не страшна, хотя де прикажут их перевешать”, что „они Миклашевскую не допустят владеть оными землями и рады умереть на тех землях”⁴⁵.

Подобные мотивы, обусловленные в конечном итоге теми же имущественными интересами в борьбе за право владения землей, толкнули жителей сел Старых Бобовичей и Вышкова Новоместского уезда Новгород-Северского наместничества в 1780 и 1793 гг. на убийство помещиков. Примечательно, что наиболее активными участниками выступлений в упомянутых селах в большинстве своем были зажиточные и среднего достатка крестьяне, хозяйства которых оценивались от 20–30 до 500 руб. и более⁴⁶.

Наряду с восстаниями, вооруженными выступлениями, носившими обычно локальный характер, шла ожесточенная борьба народных масс против класса феодалов в целом. В процессе классовой борьбы украинский народ выработал в XVIII в. особую форму сопротивления феодальному гнету – гайдамацкое движение. Эпицентром последнего была Правобережная Украина, ставшая в 1768 г. ареной одной из ожесточенных классовых битв периода феодализма, вошедшей в историю под названием Колиивщина. Гайдамацкое движение в значительной степени охватило и Левобережную Украину. Уже в 1750 г. как одну из важнейших своих задач гетман К. Разумовский рассматривал уничтожение гайдамацких отрядов⁴⁷, действовавших там довольно активно.

После разгрома Колиивщины масштабы гайдамацкого движения на Левобережной Украине (как и по всей Украине) заметно уменьшаются, хотя деятельность отдельных гайдамацких отрядов наблюдалась здесь и в последующие годы⁴⁸. Ярким примером тому являлась борьба небольших повстанческих отрядов, возглавляемых Семеном Гаркушей (начало 70-х годов – 1784 г.)⁴⁹. Как и раньше, эффективности в своей борьбе гайдамаки достигали, благодаря прежде всего широкой поддержке их со стороны народных масс.

Исторически конкретный определенный вклад вооруженных вос-

* Процесс формирования социального сознания народных масс в ходе классовой борьбы на Украине периода позднего феодализма исследуется в монографии В. А. Смолия „Формування соціальної свідомості народних мас України в ході класової боротьби (2-га пол. XVII–XVIII ст.)”. – К., 1985.

станий и выступлений крестьянско-казацких масс, имевших место на Левобережной Украине во второй половине XVIII в., в непрерывный процесс классовой борьбы периода феодализма несомненен.

Вместе с тем эти восстания и выступления, как показывает имеющийся в распоряжении советских историков фактический материал, в основном не выходили за рамки локальной борьбы крестьянства, содержа в себе, таким образом, все известные ограниченные возможности этой борьбы.

На протяжении почти всего XVIII в. на Левобережной Украине, по существу, не было восстания, за исключением действий гайдамацких отрядов, которое охватывало бы более 3–4 сел. Причины этого, очевидно, прежде всего следует искать в определенных особенностях социально-экономического развития региона, берущих свои истоки, несомненно, со времен освободительной войны 1648–1654 гг. Хотя значительная часть украинских феодалов сохранила экономические позиции, но огромные массивы земель были заняты свободными в значительной мере от феодальной эксплуатации людьми в лице крестьян „свободных войсковых маенностей” и казаков. При этом в числе последних было большое количество оказавшегося крестьянства.

В этой связи следует напомнить об исторически сложившихся определенных особенностях крестьянского землевладения на Левобережной Украине.

Наконец, нельзя не учитывать того весьма существенного обстоятельства, что крестьяне Левобережной Украины вплоть до указа от 3 мая 1783 г. сохраняли юридическое право, хотя и сильно урезанное, на переходы от помещиков.

2. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРИОД ВЫБОРОВ В КОМИССИЮ ПО СОСТАВЛЕНИЮ „НОВОГО УЛОЖЕНИЯ” 1767 ГОДА

В 1767 г. царское правительство созвало в Москве Законодательную комиссию, призванную выработать новый свод законов – „Новое уложение” (взамен устаревшего, но все еще действующего в России „Соборного уложения” 1649 г.). В работе Комиссии приняли участие представители от центральных правительственных учреждений, дворянского сословия, городов, казаков и государственных крестьян. Крепостные крестьяне были лишены права посылать депутатов в Комиссию.

В Манифесте от 14 декабря 1766 г., в связи с предстоящим созывом Комиссии, Екатерина II с присущим ей лицемерием говорила о своем стремлении „к искоренению зла и всяких неправд и утеснений, лучше узнать... нужды и чувствительные недостатки народа... познать каждой округи состояние”, уверяла, что ее „первое желание есть видеть наш народ столь счастливым и довольным,

сколь далеко человеческое счастье и довольствие может на сей земле простираться"⁵⁰. В действительности подобные демагогические взывания к простому люду были призваны прежде всего укрепить социально-политические позиции царизма после очередного дворцового переворота и предотвратить усиление классовой борьбы угнетенных масс. С другой стороны, как сам факт подготовки и созыва Комиссии, так и подобная политика в целом, получившая в исторической литературе название „просвещенного абсолютизма“, позволяли и в дальнейшем Екатерине II заигрывать с европейскими просветителями, создавать видимость надклассовости самодержавия, его заботы о нуждах всех сословий в стране. Однако уже первые заседания упомянутой Комиссии показали, что царизм не собирался проводить каких-либо изменений в своей традиционной социально-экономической политике, направленных тем более на улучшение положения народных масс. Это особенно стало ясно, когда правительство фактически игнорировало все наиболее важные и актуальные положения, содержащиеся в „наказах“ негосподствующих слоев населения. Более того, вскоре под предлогом войны с Турцией Екатерина II в декабре 1768 г. поспешила заявить о том, что деятельность Комиссии прекращается на неопределенное время.

Таким образом, созыв Комиссии, по существу, был лишь ловким маневром царского правительства, которое в условиях резкого усиления борьбы народных масс против феодально-крепостнического гнета (переросшей вскоре в грозную Крестьянскую войну под предводительством Е. И. Пугачева) решило как бы проверить расстановку классовых сил в стране. Последнее обстоятельство имело немаловажное значение и для определения степени активности в продолжении правительством централизаторской политики по отношению к национальным окраинам Российского государства.

Левобережная Украина, несмотря на некоторые особенности ее административно-политического устройства, согласно общему „положению о выборах“, должна была принять участие в данной выборной кампании на совершенно одинаковых условиях с другими губерниями. Руководство и контроль над ходом выборов депутатов и составления „наказов“ здесь осуществлял граф П. А. Румянцев, назначенный после ликвидации в 1764 г. гетманства генерал-губернатором края. Мы не склонны преувеличивать роль Румянцева, его личную инициативу в имевших место случаях решительного вмешательства администрации в выборную кампанию, что свойственно, например, Г. Максимовичу. Последний, в частности, считал, что „в свободном выражении в наказах своих нужд и желаний малороссийское общество встретило сильное противодействие со стороны Румянцева, не желавшего, вопреки манифесту государыни, допустить внесение в наказы тех желаний населения, которые не

соответствовали целям и намерениям правительства"⁵¹. Вряд ли Румянцев самостоятельно решился бы на подобные действия да еще и „вопреки манифесту государыни". Скорее всего в подобных случаях он был исполнителем настоящей воли императрицы, заигрывавшей с народом и не желавшей пока раскрыть своих истинных намерений в отношении Левобережной Украины, во всяком случае публично. К тому же Румянцев, несомненно, хорошо помнил наставление царицы при назначении его генерал-губернатором „иметь и волчьи зубы и лисий хвост"⁵². Проводя централизаторскую политику в отношении Левобережной Украины Екатерина II и Румянцев в данном случае как бы разобрали роли. При этом императрица пока что предпочла „лисий хвост", а ревностному исполнителю ее воли достались „волчьи зубы".

В дополнение к царскому манифесту, по распоряжению Румянцева, был издан особый „циркулярный лист", где излагались представления царского наместника о процедуре выборов и самом направлении выборной кампании на Левобережной Украине. Характерной особенностью данного „циркуляра", как и манифеста, явилось широкое применение социальной демагогии. Объясняя все тягости жизни трудового народа „неустройствами минувших времен", злоупотреблениями гетманской администрации, Румянцев пытался, таким образом, обелить социальную политику царизма и исходя из тактических соображений представить украинскую старшину единственным виновником всех социальных бед. Одновременно довольно пространно в „циркуляре" говорилось о предполагаемом облегчении положения народных масс в связи с распространением и укреплением общеимперских порядков на Левобережной Украине. Одним из мнимых проявлений „заботы" царизма об „общенародном благе" должна была стать, по замыслу Екатерины II, и работа Комиссии по составлению „Нового уложения" 1767 года.

В наиболее концентрированном виде политика социального лавирования царизма выступает в организации и проведении городских выборов. Неизменно стоя на страже интересов господствующего феодального класса, Румянцев время от времени делал реверансы и в сторону зажиточных слоев мещанского сословия. В г. Лубны, где шляхетство оказало особо сильное давление на ход выборов депутата в свою пользу, Румянцев даже пошел на отмену этих выборов и назначил повторные с тем, чтобы обеспечить активное участие в выборной кампании представителей мещан⁵³.

Вместе с тем, стремясь предотвратить поток социально-экономических требований со стороны мещан, Румянцев предоставил право избирать депутатов и составлять наказы лишь 11 городам и местечкам Левобережной Украины* – городам Новгород-Северско-

* Киев, получивший также право участвовать в выборах в Комиссию 1767 г., в то время в состав Левобережной Украины еще включен не был.

му, Стародубу, Чернигову, Нежину, Глухову, Гадячу, Козельцу, Остру, Переяславу, Лубнам, Прилукам, местечкам Сорочинцам и Погару (табл. 15).

Принцип отбора указанных городов преследовал вполне определенную цель – не допустить создания сколь-нибудь значительной оппозиции господствующему феодальному классу в Законодательной комиссии. Поэтому несомненно, не случаен тот факт, что большинство избранных городов как в экономическом, так и в административном отношении находились фактически в полной зависимости от старшинской администрации. По количеству населения они тоже нередко уступали городам, не попавшим в список. Показателен и официально определенный критерий контингента городских избирателей. Согласно 5-му пункту обряда о городских выборах, „выбирает городского депутата всякий хозяин, действительно дом, или дом и торг, или дом и ремесло, дом и промысел в городе имеющий”⁵⁴. Иными словами, неимущим слоям города путь в состав городских избирателей был официально закрыт. Однако, желая иметь более или менее четкую картину классово-сословных противоречий, Румянцев предложил остальным городам и местечкам писать о своих нуждах непосредственно ему, т. е. не для широкого обозрения и обсуждения.

Таким образом, подход царской администрации к вопросу о предоставлении права избрания депутатов и составления „наказов” городам Левобережной Украины носил ярко выраженный классовый характер.

Если при этом учесть, что город на Левобережной Украине в этот период в социальном отношении представлял собой довольно пеструю картину, то очевидно, не будет лишено основания предположение о том, что по замыслу царского правительства городские „наказы” должны были стать тем документом, где были бы искусственно соединены и отражены интересы различных слоев феодального общества того времени. Не исключено также, что представлением права фактически двойного участия в составлении наказов шляхетству и казачеству (имеется в виду прежде всего его зажиточная верхушка. – А. П.) предполагалось в определенной мере нейтрализовать вполне реальную опасность критики существующих социально-экономических отношений со стороны низших слоев городского населения. Не удивительно поэтому, что когда ход выборов и составление самого „наказа” в том или ином городе складывались не в пользу шляхетства, последнее, нередко при поддержке зажиточного казачества, обычно в таких случаях уклонялось от подписи „наказа”. Вместе с тем нежелание шляхетства и зажиточного казачества в ряде городов участвовать в общих с мещанством выборах городского головы и депутата и тем более составлении „наказов”, несмотря на давление царской адми-

Таблица 15

№ п/п	Социальная категория населения	Новгород-Северский	Стародуб	Чернигов	Нежин	Глухов	Гадяч	Сорочинцы	Козелец	Остер	Переяславль	Лубны	Прилуки	Погар
1	Дворяне и шляхетство	10	29	24	28	102	20	22	46	8	27	35	36	7
2	Разночинцы	24	163	58	91	327	15	55	18	19	119	75	34	23
3	Духовенство	13	31	12	40	22	10	8	13	5	22	11	10	13
4	Церковники	12	32	6	—	15	—	4	14	5	13	12	8	8
5	Греки	—	—	—	164	4	—	—	—	—	—	—	—	—
6	Казаки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7	выборные Казаки-подполковники	1	40	—	57	43	22	237	20	9	68	46	63	16
8	Мещане	64	206	62	569	137	188	309	173	194	283	131	105	43
9	Посполитые коронные, в том числе ранговые	427	584	294	759	300	—	—	159	104	260	155	365	539
10	Посполитые владельческие, разночинские и казацкие подсоседки	—	—	1	—	41	—	—	—	26	5	7	—	—
		93	288	95	237	378	471	614	173	46	322	305	294	137

Примечания: № 1—5 — количество семей; № 6—10 — количество хат.
Таблица составлена на основании источников: ЦГИА УССР, ф. 206 оп. 1/ед. хр. 1—а, лл. 15, 11, 23; оп. 2: д. 44, лл. 1; 49, 18 об, ф. 193, оп. 2, д. 1, лл. 5, 9, 13, 39 об. Центральная научная б-ка АН УССР (ЦНБ АН УССР), отдел рукописей, 1 60131, лл. 65, 88, 96, 123; 1 60130, лл. 1—4 об.

нистрации, очевидно, было проявлением неспособности и, собственно, еще невозможности слома складывавшихся на протяжении столетий социальных рога́ток между сословиями феодального общества.

Особенно ценным для исследования является то обстоятельство, что ход выборов и составление „наказов” от городов как в фокусе отражают картину социально-экономических противоречий между классами и сословиями феодального общества на Левобережной Украине.

При этом нельзя, конечно, противопоставлять интересы городских казаков и мещан в целом, как это делали дворянско-буржуазные историки. Противоположность интересов в этом случае, естественно, имела место, но между богатыми казаками и богатым мещанством как экономическими конкурентами. Вместе с тем следует различать те, по существу, антагонистические противоречия между зажиточной верхушкой мещанства и городского казачества, с одной стороны, и беднейшими слоями горожан (из числа мещан, казаков, крестьян) – с другой.

Наконец, внимательный анализ городских „наказов” позволяет сделать вывод и о наличии третьего вида противоречий внутри феодального общества в данный период – противоречия между феодалами (шляхетством), с одной стороны, и остальными сословиями, проживающими в городах, – с другой. Разумеется, трудно еще говорить в этой связи о сложившемся в классической форме „третьем сословии”. Но не менее трудно, на наш взгляд, отрицать и тот факт, что претворение в жизнь социально-экономических интересов торговцев, промышленников, ремесленников, как впрочем и казаков (к этому в основном и сводится содержание городских „наказов”), несло в целом антифеодальную направленность. При этом исторически обусловленная зависимость города от крепостнического способа производства и в определенной мере приспособление к нему, экономическая слабость мещанства, его политическое бесправие в период разложения феодально-крепостнического строя не могут уже играть решающую роль в оценке степени выражения общенациональных интересов. В этой связи мы не можем полностью согласиться с оценкой городских „наказов”, данной М. Т. Белявским⁵⁵. При всем противоречии городских „наказов”, при всей ограниченности сословно-феодального порядка в них в определенной мере прослеживаются интересы буржуазии, несущей в экономику страны того периода исторически прогрессивные тенденции. Как нам представляется, с подобных позиций следует рассматривать большинство положений городских „наказов”. В этом аспекте показательно наличие в городских „наказах” немалого количества пунктов, предусматривающих расширение внешней торговли (в частности, с Правобережной Украиной и Польшей, усиление го-

сударственной политики протекционизма, уменьшение „продуктов малороссийских“⁵⁶⁾ и т. п. Достаточно энергично высказываются горожане против экономического наступления феодалов. Последнее, насаживая в торговле и ремесле своих подданных и не платя никаких налогов, наносили тем самым ощутимый ущерб городскому хозяйству.

Наиболее рельефно в городских „наказах“ выдвинуты интересы самого многочисленного городского сословия – мещанского. Последнее, будучи неотъемлемой частью феодального общества, естественно, отстаивает в „наказах“ прежде всего свои сословно-феодальные интересы. Неся различные повинности в пользу городской администрации, мещане решительно настаивают на том, чтобы торговля, винокуренный и шинковый промыслы были исключительно их сословной привилегией, выступая в этой связи против возможности какой-либо конкуренции не только со стороны феодалов, но и со стороны казаков, крестьян, разночинцев, иногородних купцов и т. п. Наряду с этим попытки приспособиться к господствующим феодально-крепостническим производственным отношениям, прочно занять в них свое место приводят зажиточных мещан к мысли о „непременной нужде в покупке из крестьян дворовых людей для всяких необходимых по коммерчеству и городских надобностей“⁵⁷.

В тесной взаимосвязи с высказанным желанием богатых мещан стать владельцами крепостных, очевидно, следует поставить и просьбу о получении юридического права, подобно феодалам и казначеству, свободно покупать и продавать земельные участки⁵⁸.

Наряду с экономическими требованиями городские „наказы“ выдвигают также и требования, носящие в определенной мере политический характер. Жители г. Лубны, например, усматривают свой политический идеал в том, чтобы „права... еще от королей польских... приобретенные и всеми всероссийскими монархами утвержденные... цело и ненарушимо остались“⁵⁹. Мещане г. Глухова прямо связывают все свои социальные бедствия с фактом нахождения их „под сотенным правлением“ и отсутствием в городе магистрата.

Не лишена политического оттенка и просьба жителей городов Нежина и Переяславля о предоставлении им права производить выборы в органы городского самоуправления без вмешательства старшинской администрации. При этом в качестве одного из эффективных средств укрепления экономических и политических позиций городских выборных чиновников предлагалось установить последним твердые денежные оклады и освободить их от уплаты различных податей на период пребывания в выборных должностях⁶⁰.

При всей схематичности и понятной наивности указанных представлений о направлении назревших в стране социально-политических преобразований нельзя не видеть здесь исторически прог-

рессивного стремления населения украинских городов к сохранению основных принципов городского самоуправления, защиты последнего от посягательств старшинской администрации и феодального господствующего класса в целом.

В отдельных городских наказах, в частности в мещанских пунктах, уже прослеживается мысль о принадлежности всех податных слоев города к некому единому сословию, члены которого должны иметь одинаковые юридические права, нести одни повинности и платить подати в равной мере. Так, нежинские мещане, находившиеся в ведомстве магистрата, считали явно ненормальным положение, при котором они платили всевозможные налоги и несли повинности, а „купцы греческие и иные, також казаки, разночинцы, ремесленники и разные промышленники, кои не в ведомстве магистратском находятся... живут в вольности и всякими местными промыслами и ремеслами довольствуются и обогащаются. Выход из положения, по их мнению, заключался в том, чтобы „все живущие в Нежине граждане казачьего и мещанского, греческого и др., какого б кто ни были звания, ремесленники, купцы, разные промышленники, равную имели высочайшую милость и никто бы с них друг перед другом ни малейшей обиды не поносил”⁶¹.

Подобная общность интересов особенно ощущается в одном наиболее распространенном и дружном требовании городских „наказов” — о ликвидации так называемого „рублевого оклада”^{*} или хотя бы уменьшении его (в зависимости от имущественного состояния облагаемого)⁶². С общих позиций, направленных прежде всего против царской и старшинской администрации, горожане выступили и при определении своего явно отрицательного отношения к форме и методу проведения в то время Генеральной (Румянцевской) описи Левобережной Украины⁶³.

Несмотря на известную социальную неоднородность податных слоев городского населения, их экономические и политические интересы в целом объективно содержали в себе антифеодальную направленность.

Острота классовой борьбы в стране в целом не могла не отразиться в определенной мере и на содержании городских „наказов”. Это, в частности, проявилось в том, что в некоторые „наказы” были включены пункты, выражающие интересы неимущих слоев городского населения — бедных ремесленников, казаков-подпомощников, подсоседков, а также зависимых крестьян. Так, лубенский „наказ” прямо рекомендует помещикам, чтоб они при взимании податей с подданных „на можнейших больше, а на убогих меньше полагали”.

^{*} Налог в размере 1 руб. 2 коп., который платили податные слои населения Левобережной Украины на содержание расположенных в крае царских войск.

Не менее категорично звучит в лубенском „наказе” голос и в защиту подсоседков „крайне нищетных, с одного поденного заработка питающихся”, а также наемных сезонных работников⁶⁴.

На середину XVIII в. экономическое могущество казацкой старшины настолько возросло, что она начала открыто стремиться к юридическому оформлению того господствующего положения, которое она к тому времени уже фактически занимала. Ярво выраженная крепостническая политика царизма соответствовала стремлению украинских феодалов к окончательному закреплению крестьянско-казацких масс. Успешная внешняя политика России в этот период открывала перед старшиной реальные перспективы резкого расширения торгового рынка, вывоза товаров за границу. Эти коренные интересы украинских помещиков прежде всего и определяли их позицию в отношении русского царизма.

Вместе с тем, стремясь к полной монополии в господстве над народными массами Левобережной Украины и мечтая оттеснить конкурентов в лице русских помещиков, старшина пытается укрепить политическую власть гетмана. Главная ставка при этом делалась на К. Разумовского — одного из крупнейших царских чиновников, приближенного императрицы. Вынашивая эти планы, т. е., по существу учреждение шляхетской республики, которая находилась бы на автономных началах по отношению к Российской империи, украинская старшина проявила явную политическую близорукость. Опьяненная своими успехами в социально-экономической политике, она, видимо, потеряла чувство реальности. Последняя же заключалась в невозможности существования подобного симбиоза. Это прежде всего противоречило сущности абсолютистской монархии. Огромное значение имело и то обстоятельство, что идея установления шляхетской республики в принципе была направлена против самих основ централизаторской политики, рьяно проводимой русским царизмом в XVIII в. и особенно во второй его половине. Сущность и основные направления этой политики Екатерина II уже вскоре после вступления на престол изложила в секретном наставлении князю Вяземскому, назначенному генерал-прокурором сената. „Малая Россия, Лифляндия и Финляндия, — писала императрица, — суть провинции, которые правятся подтвержденными им правлениями, и нарушать оные отрешением всех вдруг весьма непристойно было; однако ж и называть их чужестранными и обходиться с ними на таком же основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с достоверностью глупость. Сии провинции, также и Смоленскую, надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб они перестали глядеть, как волк в лес”⁶⁵.

Казацкая старшина длительное время после освободительной войны 1648—1654 гг. не называла себя „шляхетством”, хотя и прилагала большие усилия, чтобы достигнуть его привилегий. Тер-

мин „шляхетство” снова начинает употребляться только в начале XVIII в., когда на Левобережной Украине господствовало уже третье поколение старшины – внуки тех сотников и полковников, которые принимали участие в освободительной войне. Через некоторое время были сделаны попытки закрепить этот термин за казацкой старшиной на законном основании. Как известно, одним из основных положений кодекса „Права, по которым судится малороссийский народ” было признание за старшиной шляхетских прав. Составители этих „прав” считали шляхтой, в частности, всю казацкую старшину до сотника включительно, а также привилегированную казацкую верхушку – бунчуковых, войсковых и значковых товарищей. К шляхетству они зачислили и представителей духовенства⁶⁶.

Одновременно царизм, со своей стороны, делает определенные политические уступки старшине, восстановив, в частности, гетманскую власть на Левобережной Украине.

Однако в целом царское правительство в начале второй половины XVIII в. еще отказывается признать за украинским „новым панством” шляхетские права и привилегии. Поэтому старшина в это время добивалась лишь подтверждения со стороны царизма общих преимуществ господствующего класса над трудовыми слоями населения и превращения в юридически замкнутое сословие.

С середины 60-х годов XVIII в. представители господствующего класса на Левобережной Украине окончательно закрепляют за собой название „шляхетство”. Об этом красноречиво свидетельствует факт появления во время избирательной кампании в 1767 г. „шляхетских наказов”. Представители казацкой старшины, даже представители низшего ранга, считая себя шляхтичами, принимали участие в составлении этих „наказов”, решительно отмежевываясь тем самым от казачества, которое составляло свои „наказы”.

Основная линия шляхетских „наказов” сводилась к предоставлению старшине всех преимуществ, которыми пользовалось русское дворянство. Дворянские права гарантировали неприкасаемость старшинских владений, давали возможность иметь не только подданных, но и крепостных, и наконец воспитывать детей в русских привилегированных учебных заведениях. Вместе с тем, добиваясь у царского правительства дворянских прав, казацкая старшина мечтала и о приобретении и закреплении за ней юридически тех привилегий, которыми раньше пользовалась на Украине польская шляхта⁶⁷; что, как старшина полагала, обеспечило бы ей большую независимость от центральной власти по сравнению с русским дворянством.

Почти во всех шляхетских „наказах” наряду с просьбами о нобилитации звучали и просьбы об уравнивании старшинских чинов с русскими табельными чинами. Вопрос о табельных чинах и, в

частности, об офицерских был тесно связан с вопросом о предоставлении старшине дворянских прав, поскольку в царской России офицерами могли быть лишь дворяне. Эту связь офицерского чина с дворянским званием узаконивал еще „Табель о рангах” Петра I. Отмеченное в шляхетских „наказах” стремление добиться подтверждения царским правительством „шляхетских прав и привилегий” вместе с другими политическими требованиями и прежде всего восстановления на Левобережной Украине гетманства составляли определенную программу борьбы старшины за политическую автономию. Последняя же предусматривала дальнейшее укрепление экономических позиций украинских феодалов, окончательное закрепощение крестьянско-казацких масс.

Вместе с тем „шляхетские „наказы” свидетельствовали о стремлении старшины образовать сословную замкнутость, кастовость для своего класса и узаконить таким образом свое господствующее положение. Кроме лубенского шляхетства, которое признавало шляхетские права и за рядовым казачеством⁶⁸, все остальные шляхетские „наказы” высказали единодушное желание замкнуться в отдельное господствующее сословие. Это еще раз разоблачает бесосновательность утверждений украинских буржуазно-националистических историков о том, будто казацкая старшина выступала выразителем интересов всего украинского народа. Уже тогда свои эгоистические классовые интересы старшина прикрывала демагогическими лозунгами борьбы „за права и вольности” всего народа.

Занимая ключевые позиции в экономике, старшина, естественно, не могла пройти в своих „наказах” мимо вопросов, определявших состояние и дальнейшее развитие феодально-крепостнических отношений в регионе. При этом в ряде вопросов, поднимаемых в шляхетских „наказах”, можно усмотреть явную попытку украинских феодалов приспособливаться к новым явлениям в экономической жизни, обусловленным началом разложения феодально-крепостнических отношений. Большинство шляхетских „наказов”, в частности, весьма настойчиво ставили вопросы о свободе занятий торговлей и промыслами независимо от принадлежности к тому или иному сословию; об отмене пошлыны на винокурение, о торговле солью, свободе экспорта продуктов сельского хозяйства, об открытии на Левобережной Украине дворянского банка по типу московского и петербургского и т. д.⁶⁹

Исходя из незыблемости сложившихся на Левобережной Украине крепостнических отношений, старшина мало затрагивала в своих „наказах” вопрос о порядке взаимоотношений между феодалами и крестьянами. Данный вопрос, если он и возникал, обычно сводился к просьбе о сохранении права эксплуатации крестьянских масс „по обычаям предшествующих времен”. Значительно

большее внимание в шляхетских „наказах” было уделено вопросу о повинностях и налогах на крестьян. Стремясь к монополии в социальном угнетении народных масс, украинские феодалы желали свести к минимуму государственные налоги на своих крестьян. Так же остро они реагировали и на попытки регламентации, со стороны царской администрации повинностей их подданных. В „наказах” старшина требовала, в частности, чтобы ее крестьяне были освобождены от участия в сооружении военных укреплений и пограничных линий, засек, крепостей, от обязанности отправки людей в армию в качестве погонщиков и снабжения армии волами, подводами и т. п. Особенно много просьб в шляхетских „наказах” было об отмене военных постоев, а также об уменьшении или видоизменении „рублевого оклада”.

Одной из главных задач в деле укрепления крепостнических отношений на Левобережной Украине старшинская верхушка считала их юридическое оформление со стороны царского правительства. Потерпев неудачу в вопросе кодификации права, украинские феодалы, однако, не отказались от идеи заполучить официальный юридический кодекс, который узаконивал бы их господствующее положение. Особым вниманием в связи с этим стал пользоваться Литовский статут, феодально-крепостнические принципы которого наиболее импонировали старшинской верхушке. Именно поэтому, касаясь вопросов судоустройства, шляхетство и просит в своих „наказах” об утверждении Литовского статута, с незначительным изменением отдельных его статей, в качестве основного юридического кодекса на Левобережной Украине. Одновременно в „наказах” высказывается полное одобрение по поводу восстановления уничтоженных во время освободительной войны шляхетских учреждений – подкоморских, земских и гродских судов. Составив органическую часть старшинской администрации, последние служили орудием удовлетворения узкоклассовых интересов украинских феодалов.

Недовольство представителей господствующего класса вызывал только тот факт, что упомянутым судам были подсудны вместе со старшиной и казаки. Подобное нарушение принципа кастовой замкнутости, присущего шляхетским учреждениям Речи Посполитой, не устраивало уже в 60-х годах XVIII в. и украинский господствующий класс.

Превращаясь постепенно в составную часть русского дворянства, украинские феодалы все более сливались с последним как в политическом, так и в культурном отношении. В этой связи казацкая старшина уделяла большое внимание образованию. Последнее позволяло ей вместе с господствующим классом окончательно подняться в экономической и политической жизни над простым казачеством, из рядов которой она вышла в основной своей массе.

Тщательно занимался, например, образованием своих детей генеральный подскарбий Я. Маркович – автор известных „Дневных записок”. В 1741 г. он нанял воспитателя, обязавшись платить ему 8 руб. в год, а также выдать 3 пары сапог и 2 пары чулок. В следующем году Я. Маркович для обучения детей немецкому и латинскому языкам за 30 руб. в год нанял иностранца Горна⁷⁰. Следует сказать, что и сам Я. Маркович был достаточно образованным для своего времени человеком. Он знал несколько иностранных языков, интересовался историей, философией. Большинство старшинских детей в XVIII в., особенно в первой его половине, как правило, получали образование в Киевской академии. Об этом, в частности, свидетельствуют списки студентов академии, в которых встречается очень много известных старшинских фамилий⁷¹.

К середине XVIII в. старшина начинает посылать своих детей для воспитания и образования за границу. Так, в 1745 г. Генеральная войсковая канцелярия просила разрешение в Коллегии иностранных дел послать на учебу в Пруссию детей бунчукового товарища А. Дунина-Борковского, в Бреславль и Силезию – сыновей генерального подскарбия И. Скоропадского⁷². В это же время много старшинских детей уже обучались в Москве и Петербурге, готовясь к карьере либо при царском дворе, либо в разных русских учреждениях. Одновременно старшина хлопотала перед царским правительством об открытии высших учебных заведений и на Украине. В частности, это стремление старшины особенно четко определилось в „наказах” депутатам от украинского шляхетства в Комиссию по составлению „Нового уложения”. Так, черниговское шляхетство в своем „наказе” заявило о необходимости образования учебных заведений – дворянского корпуса, университета или академии, а также учреждения для воспитания и предоставления образования женщинам. Глуховское шляхетство также просило об открытии университета. Аналогичные просьбы встречаются и в „наказе” переяславского шляхетства⁷³.

Со второй половины XVIII в. в высших кругах казацкой старшины, вслед за русским дворянством, начинают употреблять французский язык и выписывать для воспитания детей французских гувернеров. Одновременно старшина начинает менять и свой быт. Одной из первых претерпевает изменения одежда господствующих слоев населения. В частности, польская одежда начинает постепенно заменяться немецкой или французской. „Для успеха в свете, – писал один обедневший дворянин в 1769 г., – нужно было иметь немецкое платье, а я имел черкасское (малорусское) недорогое”⁷⁴.

Вместо простых домов представители наиболее богатой части казацкой старшины, получая огромные доходы, начали строить роскошные дворцы по заграничным образцам, приглашая иностранных архитекторов. Не говоря уже о дворцах, принадлежащих в то вре-

мя таким крупнейшим магнатам на Украине, какими были К. Разумовский и Румянцев-Задунайский, современники поражались также роскошью и красотой строений, принадлежавших ряду других крупных украинских феодалов. Такими были, например, дворец с садом и виноградником помещиков Апостолов в с. Хомулец на Полтавщине, дворец графа Завадовского в с. Ляличах на Черниговщине и др.⁷⁵ Домашнюю обстановку украинский помещик обычно старался заменить дорогой иностранной.

Отмечая в целом историческую прогрессивность поставленных в шляхетских „наказах“ вопросов о развитии системы высшего и среднего образования на Украине, мы не можем при этом не отметить, что речь шла об учебных заведениях, предназначенных исключительно для детей представителей господствующего класса. Этим еще раз демонстрировался узкоклассовый, сословный характер как шляхетских „наказов“, так и общественно-политическая позиция их составителей.

Активное участие в выборах в Комиссию 1767 г. приняло казачество Левобережной Украины. В „наказах“ депутатам казаки изложили свои общественно-политические взгляды, в основе которых лежала прежде всего острая классово-сословная направленность.

Выборы казацких депутатов были не прямые, как для представителей господствующего класса, а трехступенчатые. Сначала от погостов, т. е. групп сел (на Левобережной Украине они, как правило, совпадали с куренным делением в середине сотни), избирались так называемые поверенные, которым за подписью священника и не менее семи казаков вручалось специальное письмо, представлявшее как бы небольшой „наказ“. Эти поверенные собирались в сотенном местечке и избирали из своей среды поверенных от сотни, которым вручался сотенный „наказ“. Заключительным этапом выборов казацких депутатов было избрание депутата от полка. Однако в большинстве полков выборы погостных поверенных не состоялись, как не было составлено и погостных „прошений“. По мнению Г. Максимовича, виноват в этом был П. Румянцев, который якобы „допустил некоторую неясность или может быть и ошибку, смешав в своем ордере об этих выборах погоста и сотни под одним названием сотни. Данному обстоятельству названный автор придает очень важное значение, считая, что оно стало основной преградой для проявления действительных пожеланий казачества, поскольку, как считал Максимович, „составить такого рода прошения (т. е. от погостов. — А. П.) казаки могли бы собственными силами, составить же общие „наказы“ — от целой сотни или полка — казаки затруднялись, поэтому должны были обратиться за помощью к шляхетству“⁷⁶. Даже учитывая значительный процент неграмотных среди казачества, мы не можем принять подобное мнение, поскольку это означало бы фактическое лишение казацких „наказов“ самостоятельности и низведение их до положения придатков к шляхетским

„наказам”, что в значительной мере противоречило бы действительности. К подобному выводу приводит тот факт, что несмотря на несомненное стремление старшины повлиять на содержание казацких „наказов” (в отдельных случаях ей это удалось осуществить) последние все же в большинстве своем (особенно сотенные „наказы”) носили ярко выраженный антифеодальный и прежде всего антистаршинский характер. Само же их (казацких „наказов”) появление, по нашему мнению, следует рассматривать как одно из проявлений борьбы народных масс против феодально-крепостнического гнета. Об этом, в частности, свидетельствует содержание казацких „наказов”, а также ход выборов депутатов и составление текстов „наказов” в ряде местностей.

Осознание казачеством своих сословных интересов было продемонстрировано уже во время выборов депутатов. Это, в частности, показали события в Сорочинской сотне Миргородского полка, где казаки решительно выступили против попыток сотенной и полковой старшины повлиять на выборы сотенных поверенных. Выступление сорочинских казаков так напугало старшину, что выборы казацкого депутата от полка были перенесены в другое место – в м. Остапье, причем выборы полкового депутата состоялись без участия поверенных от сорочинских казаков, которые, как сообщал генеральный обозный Кочубей Румянцеву, „на срок не явились”, т. е. фактически бойкотировали официальные выборы.

Кроме выступления сорочинских казаков нам известен еще ряд случаев сопротивления казачества стремлению старшинской администрации повлиять на ход выборов казацких депутатов и на составление самих „наказов”. Так, докладывая Румянцеву о составлении „наказов” в Стародубском полку, полковник Хованский вынужден был констатировать, что часть „наказов” от казаков полка была составлена без его разрешения и что несмотря на все его усилия переделать текст „наказа” он никак не мог, не сумев „их упорства преодолеть”⁷⁷. Не менее решительно действовали казаки 2-й полковой сотни Полтавского полка, которые не выполнили распоряжения полковой канцелярии о переработке своего „наказа”, который не устраивал старшинскую администрацию. Как сообщил С. Кочубей Румянцеву, казаки названной сотни „других прошений сочинять уже не захотели и в том ослушались”⁷⁸. Организованные действия казачества против вмешательства старшинской администрации в выборы казацких представителей и составление „наказов” свидетельствовали о наличии определенного уровня классово-сословного сознания у значительной части рядового казачества.

К аналогичной мысли приводит и анализ большинства текстов казацких „наказов”. Среди последних особое место занимают те из них, в которых разоблачается хищническая сущность украинских феодалов и высказывается таким образом протест рядового казачества против все возрастающего социального гнета.

Особенно позорная роль в процессе разорения и закрепощения казачества отводилась старшине. В „наказе” казаков Черниговского полка прямо указывается на то обстоятельство, что в результате проводимой старшиной эксплуататорской политики казаки, не выдерживая тяжелой жизни, „оставляют жен, малые дети, и дворы, и со всеми угодиями и исходят в безизвестные места”⁷⁹.

Протест рядового казачества против социального гнета наиболее ярко выражен в сотенных „наказах”. Хотя под давлением старшинской администрации пункты с жалобами на старшину часто не включались в общий полковой „наказ”, однако в сотенных „наказах” они, как правило, имели место⁸⁰. Жуткую картину феодального гнета дает, например, „наказ” казаков Новгородской сотни. Прямое насильственное закрепощение рядового казачества, физическая расправа с непокорными, захват казачьих земель стали, по свидетельству этого „наказа”, обычной нормой поведения как светских, так и духовных феодалов. Имело место взимание с казаков феодальных поборов времен глубокого средневековья – например, таких, как „покуничное”. С глубоким возмущением казаки Новгородской сотни писали о грабеже со стороны церковнослужителей, которые за совершение различных обрядов „берут насильно большим числом платежей, а которым платить нечего, то грабят у них скот и протчие, за неимением же оного и землю завлаживают”⁸¹.

Антифеодальными настроениями пронизаны сотенные „наказы” казаков Гадячского, Киевского, Миргородского⁸² и других полков.

Пытаясь противостоять реальной угрозе закрепощения, казачество в своих „наказах” выдвигает ряд общественно-политических и экономических требований. Казаки считали, что осуществление последних способно было изменить в лучшую сторону их положение. Одной из надежных гарантий этого казачество видело в получении ими шляхетских прав. Отсюда упорное желание, высказанное во всех казацких „наказах”, „в правах и выгодах”, быть „против шляхетства”.

Активно борясь против феодально-крепостнического гнета, казаки, тем не менее, в своей массе ошибочно считали единственным выходом из тяжелого социально-экономического и политического положения возвращение к так называемым казацким вольностям. Поэтому в ряде „наказов” мы встречаем требования, например, о восстановлении гетманства на Левобережной Украине, об избрании старшины „вольными голосами”, об оставлении казачества „при прежних малороссийских правах” и т. п. Вместе с тем, односторон-

ний подход к данным пунктам казацких „наказов” был бы не совсем правомерен. Названные общественно-политические требования, направленные на определенное видоизменение существующей политической структуры края, следует рассматривать одновременно и как протест против официальной централизаторско-крепостнической политики царизма на Левобережной Украине. Характерно, что в сопровождающих подобные требования исторических экскурсах неизменно подчеркивается значение воссоединения Украины с Россией, чувство братства „в народе малороссийском по единству его веры и отечества с народом великороссийским”⁸³. Ряд жалоб направлен непосредственно в адрес царского правительства. Возмущение у казаков вызывало то обстоятельство, что царизм в большинстве случаев рассматривал их не как воинов, а как рабочую силу для выполнения разных, в основном фортификационных, работ. Работы эти проводились во все времена года и длились обычно по несколько месяцев⁸⁴.

Большое недовольство вызывал у казаков упоминавшийся выше „рублевый оклад”. Эта повинность наиболее ощутима была для беднейших слоев казачества*, у которых часто, по свидетельству „наказов”, „почти и худобы нема более рубля... а они и всякую государеву службу сверх оклада отбувают, за чем же час от часу и военной службы отправлять не в состоянии приходят”. Одновременно казаки протестовали против выполнения ими „постоянной” и „подводной” повинностей. Напоминая царскому правительству, что „по договорным статьям** они от таких повинностей свободны”⁸⁵, казаки высказывали единодушное желание, чтобы „дома жилые козачие от постоев увольнить, а лошадей козачьих и казаков в подводы брать запретить”⁸⁶.

Утверждение о преимуществах времен „прежних вольностей” присутствует и в экономических требованиях казацких „наказов”***. Вместе с тем просьбы о свободном занятии промыслами и торговлей для казачества, об уменьшении пошлины на ряд иностранных товаров, особенно на соль, привозимую из Крыма и Польши, наконец, об узаконении свободной купли-продажи казацких земель и т. п. — это не что иное, как попытка создания благоприятных условий

*Выборные казаки от уплаты „рублевого оклада” были освобождены.

**Имеются в виду „мартовские статьи” 1654 г., определяющие условия воссоединения Украины с Россией.

***Здесь, как и в пунктах „наказов” политического характера, отражены взгляды и интересы прежде всего имущих слоев казачества.

для развития казацкого хозяйства на Левобережной Украине по пути становления свободного фермерского хозяйства. Все это, естественно, рассматривалось сквозь призму феодальных предрассудков и сословной ограниченности, свойственных каждому сословию того времени.

Таким образом, общественно-политические и экономические воззрения казачества, выраженные в „наказах”, по многим вопросам явно выходили за рамки официальной идеологии. В целом же все вышепредставленные „наказы” явились своеобразным и в значительной мере уникальным отражением существовавших в регионе в середине XVIII в. социально-экономических и политических отношений.

Во второй половине XVIII в. на Левобережной Украине, как и во всей России, продолжали господствовать феодально-крепостнические отношения, которые в результате освободительной войны 1648–1654 гг. на определенное время были ослаблены. Одним из проявлений этого ослабления стали глубокие противоречия, проявившиеся в развитии феодальной земельной собственности. Активизация новых социальных сил в послевоенный период была направлена, прежде всего, против земельной монополии господствующей верхушки. Вместе с тем массовое обезземеливание крестьянско-казацких масс свидетельствовало о появлении признаков разложения феодально-крепостнической системы. В экономике региона, в частности в сельском хозяйстве, наблюдались новые явления, характерные для развития раннебуржуазных отношений в рамках господствующих, феодально-крепостнических. Рыночные отношения, в которые все больше втягивалось сельское хозяйство, приводили к росту хозяйственной активности крестьянских и казацких хозяйств. Последнее не могло не задеть самой земельной собственности как основы хозяйства. Это находило свое отражение, как отмечал К. Маркс, в возрастающей мобилизации земельной собственности, которая постепенно превращалась в предмет рыночных соглашений, товарного оборота. Одновременно усиливается расхождение среди крестьян и казаков.

Однако существующая феодально-крепостническая система создавала большие преграды для приобщения крестьянского (а также в значительной степени и казацкого) населения к товарно-денежным отношениям, тормозила совершенствование системы земледелия и сельскохозяйственных орудий, развитие животноводства и т. п.

Господствующая феодальная верхушка Левобережной Украины, стремясь сохранить, а нередко и расширить сферу своего монопольного господства, приспособлива-

лась к новым явлениям в хозяйственной жизни путем вложения их в рамки феодального права. Помещики, переводя свои хозяйства на путь товарного предпринимательства, резко увеличивали барщину и оброк, расширяли свои запашки прежде всего за счет земель крестьянско-казацких масс. Все возраставшее экономическое давление помещика на мелких производителей, связанное с ростом товарного обращения, способствовало постепенному разрушению крестьянского хозяйства, составлявшего, как известно, основу феодального способа производства. Казацкие хозяйства, прежде всего зажиточные, в определенной степени приобретали черты раннекапиталистического производства.

В изучаемый период в сельском хозяйстве Левобережной Украины с образованием в процессе эволюции капиталистического уклада в экономике*, со всей очевидностью уже наблюдалось взаимное переплетение и одновременное развитие двух видов производства: феодального и раннекапиталистического. При этом первый, имевший преобладающий характер, как видим, все больше основывался на „сравнительно низких формах рабского, барщинного труда”¹.

Усиление крепостнических отношений на Левобережной Украине во второй половине XVIII в. проявилось в наступлении феодалов на города. Как в местечках, так и в городах края заметное место занимало сельское хозяйство. В силу этого феодально зависимые крестьяне имели большой удельный вес в структуре населения городов и местечек.

С другой стороны, над социально-экономическими процессами в украинских городах возрастал контроль центральной власти, что объективно способствовало сохранению и дальнейшему развитию здесь раннебуржуазных отношений.

Проводя политику угнетения народных масс на территории всей Российской империи царизм находил социальную опору в лице местных феодалов, в частности украинских, с которыми русских помещиков объединяли общие классовые интересы. В социально-политическом аспекте произошло полное слияние украинского господствующего класса с русским. Последний, в лице самодержавия, активно помогал окончательному установлению

* Автор разделяет точку зрения советских историков, определяющих появление капиталистического уклада в экономике России в 50–60-х годах XVIII в.

и распространению крепостничества на Левобережной Украине.

Сосуществование феодальных производственных отношений и капиталистических элементов в экономике страны несомненно накладывает отпечаток на общую оценку проводимой русским правительством централизаторской политики по отношению к национальным окраинам, в том числе и Левобережной Украине. В то время как украинские земли, остававшиеся под иностранным владычеством, продолжали пребывать в качестве бесправных колоний, Левобережная Украина постепенно превращалась в один из наиболее развитых в экономическом и культурном отношении регионов Российского государства.

Ярким отражением диалектически противоречивого социально-экономического и политического процесса в стране явилась классовая антифеодальная борьба, широко развернувшаяся в различных формах в изучаемый период.

Во второй половине XVIII в. вся территория Левобережной Украины была охвачена густой сетью мелких, разрозненных очагов протеста крестьянско-казацких масс против феодально-крепостнического гнета. Одновременно наблюдалось определенное смещение (по степени интенсивности) форм борьбы. Некоторое замедление в развитии крепостнических отношений, имевшее место на Левобережной Украине в период, последовавший после освободительной войны 1648–1654 гг. (до последней четверти XVIII в.), оказало отрицательное воздействие на эволюцию классовой борьбы в регионе, сказалось на масштабах антифеодального движения, в частности, в форме вооруженных восстаний и выступлений. Следует признать, что в сложившихся социально-экономических условиях более эффективными, в конечном итоге, были побеги, носившие как форма классовой борьбы крестьянско-казацких масс систематический, по существу беспрепятственный характер.

Классовая борьба, как известно, находит свое непосредственное воплощение во многих сферах общественной жизни, в том числе и в области идеологии. Ареной идейной борьбы в середине 60-х годов XVIII в. между передовыми силами общества, отражавших в конечном итоге факт развития раннебуржуазных отношений в экономике страны, и защитниками старых феодально-крепостнических производственных отношений стала Комиссия по составлению „Нового уложения”.

Выраженное в „наказах” отношение к существовавшему общественно-политическому и экономическому строю в целом и его компонентам в отдельности представляет вместе с тем и изложение идеологических воззрений данных классов-сословий, принявших участие в составлении „наказов”. Таким образом, „наказы” в определенной степени отразили идеологическую борьбу, происходившую в феодальном обществе региона того времени. Отражение этой борьбы, естественно, представляется неполным, поскольку царское правительство, как известно, не предоставило возможности составить „наказы” основному угнетенному классу — крепостному крестьянству. К категории последнего было причислено и феодально-зависимое (юридически еще не закрепощенное) крестьянство Левобережной Украины.

Как объективно, так и субъективно значительная часть „наказов” негосподствующих сословий содержала в той или иной степени протест, прежде всего, против феодально-крепостнической политики, проводимой царизмом в регионе. Характерно, что феодальные сепаратистские лозунги, отражавшие позицию отдельных кругов украинской господствующей верхушки, заняли в „наказах” незначительное место. Эти лозунги окончательно утрачивали популярность и среди народных масс Левобережной Украины. Последние, совместно с русским народом, угнетенными массами всей России активно боролись за свое социальное и национальное освобождение.

Введение

- ¹Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Политиздат, 1986. — С. 84–85.
- ²Маркс К. Капитал — Т. 1.//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 23. — С. 727.
- ³Ленин В. И. Развитие капитализма в России// Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 184.
- ⁴Список работ советских историков по данной проблеме довольно обстоятельно представлен в кн.: Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. — М.: Мысль, 1980. — С. 313–320.
- ⁵Голобуцкий В. О. Економічна історія Української РСР: Дожовтневий період. — К.: Вища шк., 1970. — 298 с.; Історія Української РСР: В 3-х т. — К.: Наук. думка. — Т. 2. — 1979. — 614 с.; Т. 3. — 1983. — 719 с.; Історія народного господарства Української РСР: В 3-х т. — К.: Наук. думка, 1983. — Т. 1. — 461 с.
- ⁶Переход от феодализма к капитализму в России: Материалы Всесоюз. дискуссии. — М.: Наука, 1969. — С. 407.
- ⁷Там же. — С. 8, 383.
- ⁸Подлущий Г. И. Развитие мануфактурной промышленности на Левобережной Украине в 20–80-х годах XVIII столетия: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. — К., 1952. — 20 с.
- ⁹Пономарев А. М. Промышленность Левобережной Украины во 2-й половине XVIII в.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. — К., 1953. — 24 с.; Пономарев О. М. Розвиток капіталістичних відносин у промисловості України XVIII ст. — Львів: Вид-во Львів. ун-ту, 1971. — 182 с.
- ¹⁰Шульга І. Г. Розвиток товарного виробництва і торгівлі на Лівобережній Україні в другій половині XVIII ст.: Дис. ...канд. ист. наук. — К., 1954. — 300 с. — Машинопис.
- ¹¹Нестеренко О. О. Розвиток промисловості на Україні: В 2-х т. — К.: Вид-во АН УССР, 1959. — Т. 1. — 495 с.
- ¹²Дерев'янкін Т. І. Мануфактура на Україні в кінці XVIII — першій половині XIX ст. — К.: Вид-во АН УРСР, 1960. — 127 с.
- ¹³Гуржій І. О. Зародження робітничого класу на Україні (кінець XVIII — І-ша половина XIX ст.). — К.: Держполітвидав УРСР, 1958. — 180 с.; Гуржій І. О. Розвиток товарного виробництва і торгівлі на Україні (з кінця XVIII ст. до 1861 р.). — К.: Вид-во АН УРСР, 1962. — 207 с.
- ¹⁴Маркс К. К критике политической экономии//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 13. — С. 6.
- ¹⁵Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 4. — С. 424.
- ¹⁶Ленин В. И. Проект программы нашей партии//Полн. собр. соч. — Т. 4. — С. 229.
- ¹⁷О существующих в настоящее время в советской историографии взглядах на некоторые теоретические аспекты классовой борьбы феодального крестьянства в XVII–XVIII вв. подробнее см.: Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. — 342 с.; Милов Л. В. Классовая борьба крепостного крестьянства России в XVII–XVIII вв.//Вопр. истории. — 1981. — № 3. — С. 34–52; Индова Е. И., Преображенский А. А. Итоги и задачи изучения классовой борьбы российского

крестьянства в период позднего феодализма//Проблемы социально-экономической истории феодальной России. — М.: Наука, 1984. — С. 210—224.

¹⁸Индова Е. И., Преображенский А. А. Итоги и задачи изучения классовой борьбы российского крестьянства в период позднего феодализма. — С. 217—218.

¹⁹Там же. — С. 218.

²⁰Гуслистый К. Г. Турбайське повстання. — К.: Укрполітвидав, 1947. — 42 с.; Голобуцький В. О. Запорізька Січ в останні часи свого існування (1734—1775 рр.). — К.: Вид-во АН УРСР, 1961. — 415 с.; Гуржій І. О. Повстання селян в Турбах (1789—1793). — К.: Вид-во АН УРСР, 1950. — 143 с.; Смолий В. А. Формування соціальної свідомості народних мас України в ході класової боротьби. — К.: Наук. думка, 1985. — 263 с.; Історія селянства Української РСР: В 2-х т. — К.: Наук. думка, 1967. — Т. 1. 551 с.; Гайдамацький рух на Україні в XVIII ст.: Зб. документів. — К.: Наук. думка, 1970. — 658 с.; Селянський рух на Україні: Середина XVIII — перша чверть XIX ст. — К.: Наук. думка, 1978. — 534 с.; Історія Української РСР. — Т. 2. — С. 429—456.

Глава I

¹Ленин В. И. Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?//Полн. собр. соч. — Т. 1. — С. 153—154.

²Александров В. А. Общинное землевладение в феодальной России (основные историографические аспекты вопроса)//История СССР. — 1983. — № 6. — С. 104—105.

³Козловский П. Г. Землевладение и землепользование в Белоруссии в XVIII — 1-й половине XIX в. — Минск: 1982. — С. 13.

⁴Маркс К. Капитал. Т. 1./Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 23. — С. 730.

⁵Маркина В. А., Перковский А. Л. Проблема структурных сдвигов феодальной собственности на землю во 2-й пол. XVIII — 1-й пол. XIX в. в советской историографии 1950—1970 гг. (на примере Украины)// Советская историография аграрной истории СССР до 1917 г. — Кишинев: Штиинца, 1978. — С. 157—158.

⁶Лазаревский А. М. Малороссийские посполитые крестьяне (1648—1783 гг.). — К., 1908. — С. 20.

⁷Мякотин В. А. Прикрепление крестьянства в Левобережной Малороссии// Русское богатство. — 1964. — Кн. 2. — С. 40—42.

⁸Права, по которым судится малороссийский народ/Под ред. проф. А. Кистяковского. — К., 1879. — 844 с.

⁹Центр. гос. арх. древ. актов СССР. — Ф. 13, оп. 1, д. 34, л. 34—39 об. — Далее: ЦГАДА СССР.

¹⁰Там же. — Л. 42—54 об.; Центр. гос. ист. арх. УССР в г. Киеве. — Ф. 269, оп. 1, д. 4451, л. 9—10 об. — Далее: ЦГИА УССР.

¹¹ЦГАДА СССР. — Ф. 13, оп. 1, д. 22, л. 235—235 об.; ЦГИА УССР. — Ф. 763, оп. 1, д. 472, л. 43—53 об.

¹²ЦГАДА СССР. — Ф. 13, оп. 1, д. 57, л. 48.

¹³Там же. — Ф. 342, оп. 1, д. 163, ч. 6, л. 162 об.

¹⁴Там же — Ф. 13, оп. 1, д. 57, л. 35.

¹⁵ЦГИА УССР. — Ф. 269, оп. 1, д. 4339, л. 34. В основу группировки крестьянских и казацких дворов взята прежде всего обеспеченность землей (размеры посевов).

¹⁶Центр. науч. библ. АН УССР: Отдел рукописей. — Ф. 1, ед. хр. 57941, л. 1. — Далее: ЦНБ АН УССР.

¹⁷ЦГИА УССР. — Ф. 269, оп. 1, д. 4451, л. 17.

¹⁸Подробнее см.: Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во 2-й половине XVIII в. — М.: Госполитиздат, 1957. — С. 205—207.

- ¹⁹ЦГИА УССР. — Ф. 51, оп. 1, д. 359, л. 133, 169, 217–220; Д. 32, л. 130–133; Д. 242, л. 31–50, 62, 177, 186, 190, 192–195, 197, 198; Д. 142, л. 806–811; Д. 167, л. 556; Д. 360, л. 5, 6, 11, 12, 278, 279; Д. 64, л. 558–562; Д. 361, л. 199; Д. 142, л. 723–811.
- ²⁰Там же — Ф. 57, оп. 1, д. 352, л. 32–46, 52–59, 62, 69, 75, 76, 77, 111, 117; Д. 353, л. 23, 74, 75, 78, 84; Д. 354, л. 2, 6, 13, 14; Д. 356, л. 152; Д. 358, л. 10–12; Д. 359; Д. 360, л. 83–87; Д. 151, л. 65, 222; Д. 142, л. 496, 669, 721, 722; Д. 150, л. 290, 298; Д. 368, л. 43, 64, 66; Д. 370, л. 256; Д. 61, л. 9, 1005–1008; Д. 62, л. 802, 803, 810, 814, 819, 886, 889, 890, 935.
- ²¹Там же. — Д. 318, л. 220, 221, 239.
- ²²Там же. — Д. 242, л. 190, 196, 198, 200.
- ²³Там же. — Л. 31–63.
- ²⁴Там же. — Д. 421, л. 200, 201.
- ²⁵Там же. — Д. 64, л. 532, 543, 544.
- ²⁶Там же. — Д. 318, л. 171.
- ²⁷Там же. — Д. 321, л. 172.
- ²⁸Там же. — Л. 33, 34, 161–167, 249–283.
- ²⁹Там же. — Д. 323, л. 154–199.
- ³⁰Там же. — Д. 324, л. 51–79.
- ³¹Там же. — Д. 360, л. 14, 15.
- ³²Там же. — Д. 360, л. 3, 5–8, 11, 12, 15; Д. 422, л. 5; Д. 358, л. 242.
- ³³Там же. — Д. 367, л. 3–63, 228–257; Д. 414, л. 146, 193; Д. 32, л. 114, 115, 1339, 1340; Д. 406, л. 1–62; Д. 361, л. 161–167; Д. 363, л. 275–284.
- ³⁴Там же. — Д. 32, л. 116, 118–130.
- ³⁵Там же. — Д. 142, л. 806–809; Д. 39, л. 159–164; Д. 363, л. 71.
- ³⁶Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России... — С. 96.
- ³⁷ЦГИА УССР. — Ф. 57, оп. 1, д. 147, л. 86–112, 336–386.
- ³⁸Там же. — Д. 318, л. 222, 239.
- ³⁹Там же. — Д. 32, л. 331; Д. 142, л. 810.
- ⁴⁰Там же. — Д. 44, л. 259, 260.
- ⁴¹Там же. — Ф. 204, оп. 1, д. 39, л. 1–94.
- ⁴²Центр. гос. воен.-ист. арх. СССР. — Ф. ВУА, д. 18768. — Далее: ЦГВИА СССР; ЦГИА УССР. — Ф. 193, оп. 2, д. 303.
- ⁴³ЦГВИА СССР. — Ф. ВУА, д. 18768, л. 115, 46, 71.
- ⁴⁴ЦГИА УССР. — Ф. 193, оп. 2, д. 303, л. 33.
- ⁴⁵Там же. — Ф. 204, оп. 1, д. 39, л. 1, 2, 7, 8.
- ⁴⁶Там же. — Л. 57, 67 об., 58, 58 об.
- ⁴⁷Там же. — Л. 59 об., 60, 60 об.
- ⁴⁸Там же. — Л. 63, 63 об., 65, 66, 67, 67 об.
- ⁴⁹Там же. — Л. 69, 69 об., 70–74, 74 об., 75, 77 об., 78, 83, 83 об., 84, 84 об., 86, 86 об., 87.
- ⁵⁰Шафонский А. Черниговского наместничества топографическое описание. — К., 1851. — С. 169, 227, 383.
- ⁵¹Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России... — С. 261.
- ⁵²ЦГИА УССР. — Ф. 206, оп. 3, д. 1880, л. 108.
- ⁵³Там же.
- ⁵⁴Там же. — Оп. 1, д. 1756, л. 241.
- ⁵⁵Там же. — Д. 1755, л. 71, 118, 186, 199, 232.
- ⁵⁶Там же. — Д. 1756, л. 13.
- ⁵⁷Там же. — Д. 1473, л. 1, 2.
- ⁵⁸Там же. — Л. 3–5.
- ⁵⁹Там же. — Д. 1474, л. 2.
- ⁶⁰Там же. — Д. 2379, л. 1, 2.
- ⁶¹Там же.
- ⁶²Там же. — Оп. 3., д. 6807, л. 9.
- ⁶³Опис Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг./сост. П. Федоренко. — К.: ВУАН, 1931. — 594 с.

- 64 Там же. — С. 31, 91, 115–117, 123, 133, 137.
- 65 ЦГИА УССР. — Ф. 206, оп. 1, д. 1756, л. 213, 231, 232.
- 66 Там же. — Ф. 57, оп. 1, д. 318, л. 215, 239; Д. 350, л. 84; Д. 420, л. 190, 196, 198, 200, 375; Д. 142, л. 501, 800, 812; Д. 64, л. 453, 546, 547, 559, 561, 562; Д. 39, л. 163; Д. 69, л. 869, 883.
- 67 Шафонский А. Чернигов. наместничества... — С. 167–169, 224–227, 326, 363, 402, 405, 406, 407, 439, 440, 499, 500, 530, 531, 559, 588, 613–615.
- 68 ЦГВИА СССР. — Ф. ВУА, д. 18768, л. 18, 25, 26, 35, 343, 44, 55 об., 67, 75, 84 об., 92, 93, 111 об.
- 69 Шафонский А. Чернигов. наместничества... — С. 224–583.
- 70 ЦГВИА СССР. — Ф. ВУА, д. 18768.
- 71 Там же. — Л. 18, 25, 26, 35, 44, 55 об., 67, 75, 84 об., 92, 93, 111 об.
- 72 Шафонский А. Чернигов. наместничества... — С. 224–227, 326, 363, 402, 405–407, 439, 440, 499, 500, 530, 531, 559, 588, 613–615.
- 73 ЦГВИА СССР. — Ф. ВУА, д. 18768, л. 18, 55 об., 75.
- 74 Лазаревский А. Описание старой Малороссии: В 3-х т. — Т. 1. К., 1888. — С. 110.
- 75 Шафонский А. Чернигов. наместничества... — С. 167, 168, 614.
- 76 ЦГВИА СССР. — Ф. ВУА, д. 18768, л. 18, 25, 26, 35, 43, 44, 55 об., 67, 75, 84 об., 92, 93, 111 об.
- 77 Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России... — С. 289.
- 78 ЦГИА УССР. — Ф. 57, оп. 1, д. 321, л. 33, 34, 130, 172; Д. 318, л. 171, 239 и др.
- 79 Шафонский А. Чернигов. наместничества... — С. 19, 405, 439, 560, 615 и др.
- 80 ЦНБ АН УССР. — Ф. 10, д. 3537, л. 87.
- 81 Труды Полтав. ученой арх. комиссии. — Т. 10. — Полтава, 1910. — С. 111.
- 82 ЦГВИА СССР. — Ф. ВУА, д. 18351, л. 2.
- 83 Пономарьов О. М. Розвиток капіталістичних відносин у промисловості України XVIII ст. — Львів: Вид-во Львів. ун-ту, 1971. — С. 56.
- 84 ЦГАДА СССР. — Ф. 13, оп. 1, д. 93, л. 32 об.
- 85 Опис Новгород-Сіверського намісництва 1779–1781 рр. — С. 160.
- 86 ЦГВИА СССР. — Ф. ВУА, д. 18351.
- 87 ЦГИА УССР. — Ф. 57, оп. 1, д. 242, л. 51–56, 63, 197, 200; Д. 360, л. 5, 6 и др.
- 88 Там же. — Д. 39, л. 164; Д. 44, л. 231; Д. 42, л. 746; Д. 51, л. 6; Д. 64, л. 454, 544; Д. 69, л. 870; 884; Д. 358, л. 243, 252; Д. 359, л. 152, Д. 316, л. 312; Д. 421, л. 201; Д. 422, л. 3, Д. 242, л. 375; Д. 439, л. 2 и др
- 89 Киев. старина. — 1893. — № 4. — С. 30–32.
- 90 ЦГИА УССР. — Ф. 57, оп. 1, д. 358, л. 243, 250, 251; Д. 364, л. 13, 14; Д. 421, л. 202; Д. 61, л. 9, 1005; Д. 64, л. 447–454, 544–547, 549; Д. 69, л. 867; Д. 58, л. 49.
- 91 Там же. — Д. 359, л. 118, 121, 150–152; Д. 408, л. 208; Д. 406, л. 2; Д. 361, л. 307–312, 351; Д. 364, л. 14; Д. 44, л. 230, 231; Д. 61, л. 2; Д. 39, л. 159; Д. 69, л. 878–884.
- 92 Там же. — Д. 366, л. 71; Д. 42, л. 745, 746; Д. 169, л. 205.
- 93 Там же — Д. 358, л. 244; Д. 367, л. 99.
- 94 Киев. старина. — 1893. — № 4. — С. 30–32.
- 95 ЦГВИА СССР. — Ф. ВУА, д. 18351, л. 2, 3.
- 96 Шафонский А. Чернигов. наместничества... — С. 533.
- 97 ЦНБ АН УССР — Ф. 10, д. 3537, л. 87.
- 98 Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России... — С. 183–186.
- 99 ЦГИА УССР. — Ф. 57, оп. 1, д. 359, л. 119; Д. 361, л. 313; Д. 406, л. 3, Д. 64, л. 547.
- 100 Там же. — Д. 142, л. 669.
- 101 Там же. — Д. 358, л. 251; Д. 359, л. 119, 132, 152; Д. 361, л. 312, 351; Д. 408, л. 81, 140; Д. 405, л. 167; Д. 406, л. 3; Д. 364, л. 13, 14; Д. 414, л. 192; Д. 422, л. 4; Д. 42, л. 745, 746; Д. 61, л. 4, 6, 8, 9, 12, 13; Д. 64, л. 480; Д. 69, л. 870, 879; Д. 58, л. 47 и др.

- ¹⁰² Там же. — Д. 61, л. 1036–1039, 7–9, 12, 13; Д. 142, л. 670.
- ¹⁰³ Там же. — Д. 359, л. 152; Д. 414, л. 192; Д. 406, л. 3, Д. 64, л. 449, 480, 547, 548.
- ¹⁰⁴ Там же. — Д. 142, л. 840; Д. 61, л. 7.
- ¹⁰⁵ Там же. — Д. 421, л. 2–3.
- ¹⁰⁶ Там же. — Д. 366, л. 5.
- ¹⁰⁷ Пономарьов А. Розвиток капіталістичних відносин... — С. 74, 56.
- ¹⁰⁸ ЦГИА УССР. — Ф. 57, оп. 1, д. 358, л. 243, 251; Д. 359, л. 119.
- ¹⁰⁹ Там же. — Д. 61, л. 1004.
- ¹¹⁰ Там же. — Д. 64, л. 448; Д. 147 л. 8.
- ¹¹¹ Там же. — Д. 69, л. 867; Д. 53, л. 47.
- ¹¹² Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России... — С. 198.
- ¹¹³ Мордвинцев В. М. Социально-экономическое положение и антифеодальная борьба монастырских крестьян Левобережной Украины в 30–80-х годах XVIII в. Дис. ...канд. ист. наук. — К., 1980. — С. 58–62. — Машинопись.
- ¹¹⁴ Частная переписка Григория Андреевича Поветики (1750–1784 гг.). — К. Киев. старина, 1895. — С. 60.
- ¹¹⁵ Там же. — С. 63.
- ¹¹⁶ Лучицкий И. В. Материалы для истории землевладения Полтав. губ. в XVIII в. Отдел: Казачьи владения. Золотоношский уезд. Вып. 1. Табл. 1–30, — К., 1883; Федоренко П. К. Воронковская сотня Переяславского полка по Румянцевской описи. — Полтава, 1915; Родакова Е. П. О ревизиях в Малороссии в XVIII в. — М., 1901; Филимонов Е. С. Румянцевская Генеральная опись Сурожского уезда. — Вятка, 1888; Семьяновский А. С. Городницкий уезд. — Материалы для оценки земельных угодий Чернигов. губ. — Т. 14. — Одесса 1885; Червинский П. П. Кролевецкий уезд; Материалы для оценки земельных угодий Чернигов. губ. — Т. 15. — Одесса, 1887.
- ¹¹⁷ ЦНБ АН УССР. — Ф. 1, л. 63324, л. 2.
- ¹¹⁸ Там же. — Л. 3.
- ¹¹⁹ ЦГИА УССР. — Ф. 57, оп. 1, д. 352, л. 32–117; Д. 353, л. 23, 74, 75, 78, 84; Д. 354, л. 2, 6, 13, 14; Д. 356, л. 8, 12, 13, 26, 28, 49, 51, 152, 154 и др.; Лучицкий И. В. Материалы для истории землевладения... — Табл. 1–30.
- ¹²⁰ ЦГИА УССР. — Ф. 57, оп. 1, д. 359, л. 143; Д. 360, л. 82–84, 86–89; Д. 142, л. 494, 496–498, 512, 513, 517, 544, 718, 719, 721 и др.
- ¹²¹ Лучицкий И. Сборник материалов для истории общины и общественных земель. — К., 1884. — № 23, 26, 27, 34, 35, 37, 38, 43, 44, 49, 51–53, 58, 62–65.
- ¹²² Юрид. вестник. — 1890. — № 3. — С. 413.
- ¹²³ Лучицкий И. Материалы для истории землевладения... — Табл. 30.
- ¹²⁴ ЦГИА УССР. — Ф. 57, оп. 1, д. 270, л. 2, 39, 84.
- ¹²⁵ Рклицкий М. В. Казаки Золотоношского уезда по данным Румянцевской описи//Стат. ежегодник Полтав. губ. земства на 1909 г. — Полтава, 1910. — С. 59.
- ¹²⁶ Лазаревский А. Описание старой Малороссии. — Т. 1. — С. 106–109; Т. 2. — К., 1893. — С. 48.
- ¹²⁷ Шафонский А. Чернигов. наместничества... — С. 32, 345, 365, 383.
- ¹²⁸ Опис Новгород-Сіверського намісництва. — С. 18, 21, 163.
- ¹²⁹ Ленин В. И. Развитие капитализма в России//Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 283.
- ¹³⁰ Там же. — С. 282–283, 324, 385, 387.
- ¹³¹ Шамрай С. Економічний стан козаків Полтавського полку в 1767 році//Наук. зб. за рік 1924. — Т. 19. — С. 101, 124, 125.
- ¹³² Шафонский А. Чернигов. наместничества... — С. 408, 423, 441, 546, 560, 574, 589, 600, 615, 647. Опис Новгород-Сіверського намісництва. — С. 33, 40–42, 45, 47.
- ¹³³ Шамрай С. Економ. стан... — С. 114, 115, 126.

- 134 Шамрай С. Місто Бориспіль у XVIII ст. // Історико-географ. зб. — К., 1928. — Т. 2. — С. 47.
- 135 Мандзюк І. Гоголівська сотня Київського полку 1766 р. — К., 1926. — С. 24.
- 136 ЦГИА УССР. — Ф. 57, оп. 1, д. 108, л. 110—117, 45—47.
- 137 Стат. ежегодник Полтав. губ. земства за 1909 г. — Полтава, 1910. — С. 188.
- 138 Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 82.
- 139 ЦГИА УССР. — Ф. 269, оп. 1, д. 3151, л. 17—18; ЦГАДА СССР. — Ф. 13, оп. 1, д. 56, л. 41—42.
- 140 ЦГАДА СССР. — Ф. 13, оп. 1, д. 56, л. 42.
- 141 Там же.
- 142 ЦГИА УССР. — Ф. 64, оп. 1, д. 114, л. 1, 2, 4, 11, 13, 14, 17, 18, 21; Ф. 51, оп. 1, д. 2750, л. 1—3; Д. 1537—а, л. 3; Ф. 269, оп. 1, д. 2959, л. 3, 11 и др.
- 143 Там же. — Ф. 51, оп. 1, д. 713, л. 1, 3.
- 144 Там же. — Ф. 54, оп. 2, д. 4, л. 4, 8, 10, 13, 15, 19, 21, 24, 27, 28.
- 145 Там же. — Ф. 193, оп. 2, д. 25, л. 1—В, 18, 52, 99, 100, 106, 120, 130, 132, 167, 191, 192.
- 146 Труды Чернигов. губ. арх. комиссии. — Вып. 2-й. — Чернигов, 1898. — С. 54—63.
- 147 ЦГИА УССР. — Ф. 206, оп. 2, д. 44, л. 4, 9, 19, 25, 29, 34, 38, 46, 49, 53.
- 148 Там же. — Ф. 54, оп. 3, д. 3008, л. 1.
- 149 Там же.
- 150 Там же. — Л. 2.
- 151 Там же. — Д. 2582, л. 3.
- 152 Там же.
- 153 Там же. — Д. 9782, л. 2, 3.
- 154 Там же. — Ф. 98, оп. 1, д. 59, л. 2—99.
- 155 Там же. — Ф. 204, оп. 2, д. 67, л. 3, 4; Ф. 193, оп. 1, д. 320, л. 8, 19.
- 156 Там же. — Л. 5—27.
- 157 Там же. — Л. 8, 19.
- 158 Там же. — Д. 182, л. 7, 8.
- 159 Там же. — Ф. 57, оп. 1, д. 115, л. 619—624, 631—637.
- 160 Казаки Полтав. полка: по материалам Румянцев. описи. — Ч. 2. Полтава, 1914. — С. 827.
- 161 Ткаченко М. Канівська сотня Переяславського полку за Рум'янцевською ревізією. — К., 1926. — С. 28, 37, 38.
- 162 ЦГИА УССР. — Ф. 57, оп. 1, д. 142, л. 493—722.
- 163 Труды Полтав. ученой арх. комиссии. — Т. 10. — Полтава, 1910. — С. 63.
- 164 ЦГИА УССР. — Ф. 193, оп. 2, д. 581, л. 1.
- 165 Там же. — Ф. 204, оп. 2, д. 587, л. 2, 3; Ф. 193, оп. 2, д. 382, л. 2.
- 166 Там же. — Ф. 206, оп. 3, д. 4966, л. 2—28.
- 167 Казаки Полтав. полка. — Ч. 2. — С. 830—833.
- 168 Шамрай С. Екон. стан... — С. 156.
- 169 Казаки Полтав. полка... — Ч. 2. — С. 833.
- 170 Материалы для оценки земельных угодий, собранные Чернигов. стат. отд. при губ. земской управе. — Т. 15. (Дополнения). — Одесса, 1887. — С. 280—285.
- 171 Шафонский А. Чернигов. наместничества... — С. 36, 38, 39.
- 172 ЦНБ АН УССР. — Ф. 1, д. 59032, л. 1.
- 173 ЦГИА УССР. — Ф. 193, оп. 2, д. 1, л. 1—75; Ф. 206, оп. 1, д. 1—а, л. 1—57; Оп. 2, д. 44, л. 1—49; ЦНБ УССР. — Ф. 1, д. 60131, л. 65—141.
- 174 Индова Е. И. Крестьяне и город Центральной России в XVIII в. — С. 178.
- 175 Сборник Русского исторического общества. (далее: — Сб. РИО). — Т. 144. — СПб., 1914. — С. 58—107 и др.
- 176 Компан О. С. Міста України в другій половині XVII ст. — К., Вид-во АН УССР, 1963. — С. 146.

177 Сб. РИО. – Т. 10. – СПб., 1872. – С. 9–21.

178 Там же. – С. 9.

179 Там же. – С. 10.

180 Там же.

181 Там же.

182 ЦНБ АН УССР. – Ф. 1, д. 59032, л. 1.

183 Лазаревский А. Описание старой Малороссии. – Т. 2. – С. 128, 159, 213, 294, 346, 382, 502; Т. 1. – С. 229, 250, 268, 303, 352; 426, 432, 433; Т. 3. – С. 155 – 161, 202, 225, 245, 292, 332–337, 362, 382.

184 ЦГИА УССР. – Ф. 57, оп. 1, д. 51. л. 4–236; Д. 418, л. 134, 449, 452, 522, 542, 601; Д. 44, л. 230, 346.

185 Там же. – Ф. 57, оп. 1, д. 341, л. 2–265.

186 Там же. – Ф. 193, оп. 2, д. 303, л. 27–36, 39, 40; Д. 1, л. 1–75; Ф. 206, оп. 1, д. 1–а, л. 1–57; Оп. 2, д. 44, л. 1–49; ЦНБ АН УССР. – Ф. 1, д. 60131, л. 65–141 об.

187 Индова Е. И. Крестьяне и город Центральной России в XVIII в. – С. 174.

188 Шафонский А. Чернигов. наместничества... – С. 293–303, 344, 283–386, 421, 422, 476, 477, 517–519, 515, 573, 574, 599, 600, 629, 630, 667 (Подсчеты наши. – А. П.).

189 ЦГИА УССР. – Ф. 193, оп. 2, д. 303, л. 11, 20–24, 27–37, 39, 40, 42 (Подсчеты наши. – А. П.).

190 Шафонский А. Чернигов. наместничества... – С. 292, 344, 382, 421, 422, 475, 517, 545, 573, 599, 629, 666, 667 (Подсчеты наши. – А. П.).

191 Гуржий І. О. Соціально-економічні зміни та розвиток постійної торгівлі в містах України кінця XVIII – 1-ої пол. XIX ст.//УІЖ. – 1959. – № 5. – С. 44–48.

192 ЦГВИА СССР. – Ф. ВУА, д. 18768.

193 ЦГИА УССР. – Ф. 193, оп. 2, д. 303.

194 Шульга И. Г. Развитие торговли на Левобережной Украине во 2-й пол. XVIII в.// Вопр. генезиса капитализма в России. – Ленинград, 1960. – С. 161.

195 ЦГВИА СССР. – Ф. ВУА, д. 18768, л. 16–116; ЦГИА УССР. – Ф. 193, оп. 2, д. 303, л. 10–39; Опис Новгород-Сіверського намісництва, – С. 39–488; Шафонский А. Чернигов. наместничества... – С. 303–671.

196 Полн. собр. законов Рос. империи. – № 16187. – Далее: ПСЗ.

197 Там же. – № 14392, 16187.

198 ЦГАДА СССР. – Ф. 342, оп. 1, д. 163, л. 203 об.

199 Там же. – Ф. 13, оп. 1, д. 95, л. 21–23.

200 ЦГИА УССР. – Ф. 206, оп. 1, д. 1642, л. 1, 6–8; Д. 2961, л. 4.

201 ЦГАДА СССР. – Ф. 13, оп. 1, д. 93, л. 81–84.

202 ЦГИА УССР. – Ф. 193, оп. 2, д. 303, л. 11, 21, 23, 25, 28, 30, 32, 34, 36, 38, 40.

203 Там же. – Ф. 786, оп. 1, д. 2, л. 79–81.

204 Там же. – Л. 79, 79 об.

205 Там же. – Л. 81.

206 Там же. – Л. 79.

207 Там же. – Ф. 206, оп. 1, д. 1837, л. 3, 4.

208 Там же. – Д. 112, л. 75, 71, 74.

Глава II

¹ ПСЗ. – № 5324.

² Месяц В. Д. История кодификации права на Украине в 1-й пол. XVIII в. – К., 1963. – С. 23. – Деп. в ВИНТИ. – 1964 г.

³ Архив кн. Воронцова. – Кн. 25. – М., 1882. – С. 366.

⁴ Укр. археогр. збірник. – Т. 1. – К., ВУАН. – С. 134–135.

⁵ ПСЗ. № 11317.

- 6 Кустяковский А. Ф. Права, по которым судится малороссийский народ. — К., 1879.
- 7 Теличенко И. Очерк кодификации Малороссийского права//Киев. старина. — 1888. — Кн. 9—10.
- 8 Миллер Д. Н. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии//Киев. старина. — 1897. — № 1—4.
- 9 Права, по которым судится малороссийский народ. — С. 54.
- 10 ПСЗ. — № 9400, 9758, 9808.
- 11 ЦГИА УССР. — Ф. 269, оп. 1, д. 1516, л. 2.
- 12 Бантыш-Каменский Д. История Малой России. — К., 1903. — С. 468.
- 13 Васильчиков В. Семейство Разумовских. — СПб., 1880. — Т. 1. — С. 154.
- 14 Слабченко М. Организация хозяйства Украины от Хмельнищины до мировой войны. — Одесса, 1925. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 92.
- 15 Распределит. запись гр. К. Г. Разумовского между его сыновьями//Изьято А. Лазаревским из „Чернигов. губ. ведомостей“. — 1887. — № 93—95. — С. 2, 6—9.
- 16 Имения в Чернигов. губ. гр. К. Г. Разумовского. — Чернигов, 1891.
- 17 ЦГИА УССР. — Ф. 206, оп. 3, д. 1458, л. 5—7.
- 18 ЦГАДА СССР. — Ф. 13, оп. 1, д. 97, л. 53 об.
- 19 ПСЗ. — № 12277.
- 20 Лазаревский А. Описание старой Малороссии. — Т. 1. — С. 63; Т. 2. — С. 22; Т. 3. — К., 1902. — С. 5, 54.
- 21 Рус. архив. — 1875. — № 7. — С. 257, 258.
- 22 ЦГАДА СССР. — Ф. 13, оп. 1, д. 97, л. 96—114.
- 23 Мотыжинский архив: Акты Переяславского полка XVII—XVIII вв. — К., 1980. — № 88. — С. 188—190.
- 24 Сулимовский архив. — К., 1884. — № 88. — С. 113.
- 25 Лазаревский А. Описание старой Малороссии. — Т. 1. — С. 59—60; Т. 3. — С. 54.
- 26 ЦНБ АН УССР. — Ф. 1, д. 58232, л. 275; Д. 59060, л. 348.
- 27 Сулимовский архив: Бумаги Скоруп. — № 159. — С. 226—230; № 169. — С. 252—254.
- 28 Лазаревский А. Описание старой Малороссии. — Т. 1. — С. 83—84, 85.
- 29 ЦГИА УССР. — Ф. 51, оп. 3, д. 17715, л. 16; Ф. 54, оп. 1, д. 3520, л. 5; Ф. 51, оп. 3, д. 17715, л. 16 об., 87, 98—101, 103, 110, 111.
- 30 Там же. — Л. 6, 7, 6 об., 8 об.
- 31 ЦНБ АН УССР. — Ф. 1, д. 55453, л. 3; Д. 58232, л. 275.
- 32 Модзалевский В. Малороссийский родословник. — Т. 1. — К., 1903. — С. 34.
- 33 ЦГИА УССР. — Ф. 51, оп. 3, д. 17715.
- 34 Бантыш-Каменский Д. История Малой России. — С. 473.
- 35 Шафонский А. Чернигов. наместничества... — С. 116.
- 36 ЦНБ АН УССР. — Ф. 1, д. 58232, л. 276, 277; Д. 55453, л. 45; Д. 59060, л. 349.
- 37 Там же. — Д. 58232, л. 277, 278; Д. 59060, л. 350; Д. 55453, л. 7.
- 38 Там же. — Д. 59060, л. 350; Д. 58232, л. 277.
- 39 ЦГИА УССР. — Ф. 51, оп. 3, д. 17715, л. 17, 17 об., 18, 101.
- 40 Рус. архив. — 1873. — № 3. — С. 384; Лазаревский А. Описание старой Малороссии. — Т. 2. — С. 345.
- 41 Лазаревский А. Описание старой Малороссии. — Т. 1. — С. 235, 237; Т. 2. — С. 101, 104; Т. 3. — С. 277—278, 304, 312.
- 42 Лохвицкий ист. сб. — К., 1906. — С. 262, 337, 386, 401, 342, 360, 361.
- 43 Лазаревский А. Описание старой Малороссии. — Т. 3. — С. 199, 202; Т. 2. — С. 107—109.
- 44 ЦНБ АН УССР. — Ф. 1, д. 58232, л. 279—282; Д. 55453, л. 7—14.
- 45 Лазаревский А. Описание старой Малороссии. — Т. 2. — С. 158, 159, 345; Т. 3. — С. 137, 240, 272, 273, 312; Т. 2. — С. 104, 109, 158, 377, 426.
- 46 ЦНБ АН УССР. — Ф. 1, д. 55453, л. 9, 11.
- 47 ЦГИА УССР. — Ф. 54, оп. 1, д. 2069, л. 2—6 об.

- ⁴⁸ЦНБ АН УССР. — Ф. 1, д. 58451, л. 1; Д. 58232, л. 301–317; Д. 55463, л. 21–32; Д. 59060, л. 360–368.
- ⁴⁹Шафонский А. Чернигов. наместничества... — С. 120.
- ⁵⁰ЦНБ АН УССР. — Ф. 1, д. 58232, л. 301–306; Д. 55453, л. 21–24; Д. 59060, л. 360–362; Д. 59067, л. 29, 48.
- ⁵¹Шафонский А. Чернигов. наместничества... — С. 120.
- ⁵²ЦНБ АН УССР. — Ф. 1, д. 58232, л. 306–313; Д. 55453, л. 25–32; Д. 59060, л. 362–364; Д. 59067, л. 29–30.
- ⁵³ЦГИА УССР. — Ф. 51, оп. 3, д. 19649, л. 1–91.
- ⁵⁴Ефименко А. Малоросское дворянство и его судьба// Южная Русь. — СПб., 1905. — Т. 1. — С. 191.
- ⁵⁵Чтения в обществе истории и древностей российских. — М., 1861. — Кн. 1. — С. 150–151.
- ⁵⁶ЦГИА УССР. — Ф. 51, оп. 1, д. 470–а, л. 2–5; Д. 632, л. 1–4; Д. 634, л. 2–7.
- ⁵⁷Там же. — Ф. 56, оп. 1, д. 122, л. 5–10; Ф. 63, оп. 2, д. 46, л. 145–147.
- ⁵⁸Там же. — Ф. 51, оп. 1, д. 471, л. 1–3; Д. 540, л. 2–4; Д. 545, л. 4–6; Д. 1636, л. 14–16; Д. 2481, л. 2–4; Ф. 51, оп. 1, д. 2482, л. 2–5.
- ⁵⁹Там же. — Ф. 269, оп. 1, д. 1432, л. 1–а, 15.
- ⁶⁰Там же. — Ф. 54, оп. 3, д. 11223, л. 3, 7; Д. 9929, л. 101–106; Ф. 269, оп. 1, д. 2700, л. 10.
- ⁶¹Там же. — Ф. 269, оп. 1, д. 3559, л. 2, 3.
- ⁶²Там же. — Д. 2353, л. 2, 3; Д. 2578, л. 2, 3; Д. 2956, л. 8.
- ⁶³Гос. библиотека им. В. И. Ленина. — Ф. 159, д. 3146, л. 1, 2. — Далее: ГБЛ.
- ⁶⁴ЦГИА УССР. — Ф. 269, оп. 1, д. 2296, л. 2; Ф. 64, оп. 1, д. 1101, л. 1; Ф. 269, оп. 1, д. 2353, л. 3.
- ⁶⁵Там же. — Ф. 51, оп. 1, д. 2295, л. 3.
- ⁶⁶Там же. — Ф. 269, оп. 1, д. 2490, л. 3.
- ⁶⁷ЦНБ АН УССР. — Ф. 1, д. 63324, л. 3.
- ⁶⁸ПСЗ. — № 13217, 15227–15229, 14392.
- ⁶⁹Там же. — № 15171.
- ⁷⁰Там же. — № 14392, 15232–15234.
- ⁷¹ЦГИА УССР. — Ф. 193, оп. 1, д. 110, л. 1, 1 об.
- ⁷²Там же. — Л. 2–5 об.
- ⁷³ПСЗ. — № 15265.
- ⁷⁴Там же. — № 16082, 16274.
- ⁷⁵Маркс К. Об освобождении крестьян в России//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 12. — С. 692.
- ⁷⁶ЦНБ АН УССР. — Ф. 10, д. 3537, л. 67.
- ⁷⁷ПСЗ. — № 15724, 15769, 15928.
- ⁷⁸ЦГИА УССР. — Ф. 206, оп. 1, д. 1609, л. 2–3.
- ⁷⁹ПСЗ. — № 16784, 16785, 17200, 17244, 17566.
- ⁸⁰Полтавская губерния: Список населенных мест по сведениям 1859 года. — СПб., 1862. — Вып. 33. — С. XVIII.
- ⁸¹Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1960. — К.: Изд-во АН УССР, 1962. — С. 492.
- ⁸²Киев. старина. — 1897. — Кн. 57. — С. 25.

Глава III.

- ¹ПСЗ. — № 4196.
- ²ЦГИА УССР. — Ф. 56, оп. 1, д. 322, л. 40–41.
- ³Мякотин В. А. Очерки социальной истории Украины. — Прага, 1924–1926. — Т. 1. — Вып. 3. — С. 140.
- ⁴Там же.
- ⁵ЦГИА УССР. — Ф. 51, оп. 1, д. 488, л. 2.

- 6 Там же. — Ф. 269, оп. 1, д. 2634, л. 4, 7; Ф. 80, оп. 2, д. 225, л. 1-а, 2.
7 Там же. — Ф. 269, оп. 1, д. 2634, л. 6, 11, 12; Ф. 56, оп. 1, д. 322, л. 11, 33;
Ф. 206, оп. 3, д. 888, л. 12; Д. 8046, л. 2-4.
8 Там же. — Ф. 64, оп. 1, д. 97, л. 1.
9 Там же. — Ф. 54, оп. 3, д. 1238, л. 17-18; Ф. 56, оп. 2, д. 17, л. 21-22, 28.
10 Там же. — Ф. 56, оп. 2, д. 17, л. 41-42; Ф. 54, оп. 3, д. 1555, л. 2.
11 Там же. — Ф. 54, оп. 3, д. 1186, л. 2.
12 Там же.
13 Там же. — Ф. 763, оп. 1, д. 176, л. 2.
14 Там же. — Ф. 56, оп. 3, д. 2079, л. 6.
15 ПСЗ. — 6614.
16 ЦГИА УССР. — Ф. 56, оп. 3, д. 2618, л. 27, 36, 37; Ф. 54, оп. 3, д. 1558, л. 3.
17 Там же. — Ф. 54, оп. 3, л. 5.
18 Там же. — Ф. 206, оп. 3, д. 2335, л. 2-8.
19 Там же. — Ф. 56, оп. 1, д. 322, л. 33.
20 Там же. — Ф. 206, оп. 3, д. 483, л. 1.
21 Там же.
22 Там же. — Л. 22.
23 Там же. — Ф. 193, оп. 2, д. 66, л. 376; Ф. 204, оп. 2, д. 509, л. 2-8; Д. 585,
л. 2-4, 22; Ф. 206, оп. 3, д. 6743, л. 3, 22.
24 Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. — Соч. — 2-е изд. Т. 3. — С. 77.
25 Селянський рух на Україні. — Док. 64. — С. 163.
26 Там же. — С. 164.
27 Там же. — С. 426-435.
28 Там же. — С. 435-445.
29 ЦНБ АН УССР. — Ф. 10, д. 3537, л. 104.
30 Селянський рух на Україні. — С. 246, 247.
31 Там же. — С. 246; ЦНБ АН УССР. — Ф. 10, д. 3537, л. 104.
32 Селянський рух на Україні. — С. 445-454.
33 Маркс К. Капитал. Т. 1//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 23. —
С. 729.
34 ЦГИА УССР. — Ф. 204, оп. 5, д. 7131, л. 1-11.
35 Селянський рух на Україні. — С. 264.
36 ЦГИА УССР. — Ф. 206, оп. 3, д. 7919, л. 274-284 об.
37 Там же. — Ф. 54, оп. 3, д. 2994, л. 4-12, 15, 16; Д. 8658, л. 1, 2; Д. 1552, л. 2;
Д. 2077, л. 1, 2; ЦНБ АН УССР. — Ф. 1, д. 63682, л. 26, 28, 29, 32, 35, 36, 38,
39, 45, 48, 56-58, 62, 66.
38 ЦГИА УССР. — Ф. 51, оп. 1, д. 2517, л. 1-4.
39 Там же. — Ф. 204, оп. 5, д. 5529, 2, 3.
40 Там же. — Ф. 54, оп. 1, д. 535, л. 1; Оп. 3, д. 8658, л. 11.
41 Там же. — Оп. 3, д. 8658, л. 11.
42 Там же. — Ф. 204, оп. 5, д. 3779, л. 2, 4; Д. 2035, л. 3, 6.
43 Гуржій І. О. Боротьба селян і робітників України проти феодално-кріпос-
ницького гніту. — К.: Рад. шк., 1958. — С. 83, 91.
44 Гуслистий К. Г. Турбаївське повстання. — 42 с.; Гуржій І. О. Повстання
селян в Турбалах. — К.: 1950. — с.
45 ЦГИА УССР. — Ф. 193, оп. 1, д. 2388, л. 2.
46 Там же. — Ф. 206, оп. 1, д. 2229-2233 (в 5-ти ч.).
47 Там же. — Ф. 269, оп. 1, д. 48, л. 2-2 об.
48 Гайдамацький рух на Україні в XVIII ст. — Док. 106, 107, 113, 123, 129, 137,
166, 233, 299, 303, 341.
49 ЦГИА УССР. — Ф. 1950, д. 118, л. 60-82.
50 ПСЗ. — № 12801.
51 Максимович Г. А. Выборы и указы в Малороссии в Законодательную
комиссию 1767 г. — Нежин, 1917. — С. III.
52 Сб. РИО. — Т. 7. — СПб., 1871. — С. 381-382.
53 Максимович Г. А. Выборы и указы... — С. 51.
54 ПСЗ. — № 12801.

- ⁵⁵Беляеский М. Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. — С. 94—99.
- ⁵⁶Сб. РИО. — Т. 144. — С. 8, 17, 58, 107, 131, 132.
- ⁵⁷Там же. — С. 9, 28, 58, 59, 61, 62, 63, 82, 91, 107 и др.
- ⁵⁸Там же. — С. 26.
- ⁵⁹Наказы малороссийским депутатам и акты о выборах депутатов в Комиссию сочинения Уложения. — К., 1884. — С. 140. — Далее: Наказы...
- ⁶⁰Сб. РИО. — Т. 144. — С. 130, 13, 36.
- ⁶¹Там же. — С. 29.
- ⁶²Там же. — С. 12, 18, 19, 102, 128, 129 и др.
- ⁶³Там же. — С. 106, 107 и др.
- ⁶⁴Наказы... — С. 128—129.
- ⁶⁵Чтения в Московском обществе истории и древностей. — М., 1858. — Кн. 1. — С. 104.
- ⁶⁶Права, по которым судится малорос. народ. — С. 44, 47, 50, 51, 54, 59.
- ⁶⁷Наказы... — С. 4—6, 11—13, 24—26, 38, 64.
- ⁶⁸Там же. — С. 57.
- ⁶⁹Там же. — С. 18, 22, 45; Сб. РИО. — Т. 68. — С. 199—200, 244.
- ⁷⁰Дневные записки генерального подскарбия Я. Марковича. — М., 1859. — С. 184, 264, 275, 294, 399, 400, 403.
- ⁷¹Акты и документы, относящиеся к истории Киевской Академии: Отд. 2 (1721—1795). — К., 1906. — Т. 3. — С. 152—171.
- ⁷²ПСЗ. — № 9184.
- ⁷³Наказы... — С. 13—14, 6—7, 40—41.
- ⁷⁴Киев. старина. — 1886. — № 2. — С. 363.
- ⁷⁵Там же. — 1893. — № 2. — С. 280—283.
- ⁷⁶Максимович Г. А. Выборы и указы... — С. 229, 312.
- ⁷⁷Наказы... — С. 285, 217.
- ⁷⁸Там же. — С. 291.
- ⁷⁹Там же. — С. 145.
- ⁸⁰ЦГАДА СССР. — Ф. 342, оп. 1, д. 105, л. 289—343.
- ⁸¹Там же. — Л. 331—334.
- ⁸²Там же. — Л. 93—150, 183—254, 257—283.
- ⁸³Там же. — Л. 346.
- ⁸⁴Там же. — Л. 194, 291; Наказы... — С. 147, 155.
- ⁸⁵Наказы... — С. 159, 153—154.
- ⁸⁶ЦГАДА СССР. — Ф. 342, оп. 1, д. 105, л. 187, 195, 259 и др.

Заключение

- ¹Маркс К. Капитал. Т. 1.//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 23. — С. 247.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ	
1. Эволюция феодальных отношений на Левобережной Украине во второй половине XVII – первой половине XVIII в.	7
2. Крестьянское хозяйство.	14
3. Помещичье хозяйство.	29
4. Казацкое хозяйство. Расслоение казачества	37
5. Положение городов	50
ГЛАВА II. ИЗМЕНЕНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНО-ВОЙСКОВОМ УСТРОЙСТВЕ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ	
1. Структура органов старшинского управления в 50–70-х годах XVIII в. Характеристика социальных групп казацкой старшины.	68
2. Нобилитация украинской казацкой старшины и окончательное закрепощение крестьянско-казацких масс. Ликвидация особенностей административного и войскового устройства Левобережной Украины.	83
ГЛАВА III. АНТИФЕОДАЛЬНАЯ БОРЬБА	
1. Формы классовой борьбы крестьянско-казацких масс	95
2. Общественно-политическое движение в период выборов в Комиссию по составлению „Нового уложения“ 1767 года.	109
Заключение	127
Библиографические ссылки.	131

Монография

Путро Алексей Иванович

**ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА
в составе Российского государства
во второй половине XVIII в.
Некоторые вопросы
социально-экономического
и общественно-политического развития**

Художественный редактор

С. В. Ковалев

Технический редактор

Е. С. Неведрова

Корректор

А. А. Матвиенко

Оператор

А. А. Коркишко